

ВЛАСТЕЛИНА
БОГАТОВА

16+

ВЕДЬМА
ДЛЯ ЧУДОВИЩА

Annotation

Я бегу от преследователей и едва не погибаю, но за меня вступается незнакомец, лицо которого скрыто под маской. Вот только отпускать он меня не торопится. Для чего я ему? Может, смерть от рук палачей – куда более лёгкая участь?! И если бы не мой маленький брат, который оказался в чужих руках, я нашла бы способ сбежать. Теперь я вынуждена исполнять то, что приказывает это чудовище, чьё сердце страшнее уродливой корки на его лице.

- [Глава 1](#)
 - [Глава 2](#)
 - [Глава 3](#)
 - [Глава 4](#)
 - [Глава 5](#)
 - [Глава 6](#)
 - [Глава 7](#)
 - [Глава 8](#)
 - [Глава 9](#)
 - [Глава 10](#)
-

Глава 1

– И как ты будешь платить? – Дрио вгрызся в меня пристальным взглядом.

– Позвольте отдавать по частям, – сглотнула тугой ком, взывая к Светлой Матери, чтобы тот согласился.

Дрио молчал, видимо, прикидывал всё в уме, потом качнул головой, хмыкнул, нахмуриваясь, и поднялся. Он медленно приблизился и вновь возвысился надо мной необъятной горой. Лицо его было задумчивым.

– Это сколько же времени ты будешь мне выплачивать так, Грез? Двадцать лиров – это немало, можно два дня не ловить рыбу.

Конечно, Дрио преувеличивает, но что ни говори – это много, мы с Марсу смогли бы жить на эти деньги целый месяц. Сжала похолодевшие пальцы, чувствуя, как меня трясёт и мутит от одного представления от того, что теперь будет.

– Я всё понимаю, но, хотите, я буду подрабатывать по вечерам? Я могу мыть полы или чистить чаны, – посмотрела затравленно, понимая, что и так загоняю себя в упряжку: помимо торговли на рынке я штопала вещи по вечерам для мастерской госпожи Гадалины. И теперь не представляла, где находить время, чтобы отработать и возместить убыток.

Дрио хмуро качнул головой.

– Поломойка у меня уже есть, как и посудомойка, ты же знаешь – такая работа нарасхват.

Закусила губу – он прав. Портовый город полон людом, и найти работу здесь трудно.

– Но я могу предложить тебе кое-что другое, – вдруг сказал он и шагнул ко мне почти вплотную, обдавая вонью хмеля и лука.

Я вся сжалась и тут же взяла себя в руки – чего я испугалась? Он мне что-то предложить хочет, помочь, возможно, это выход! Я приготовилась внимательно слушать.

– Что же? – голос мой дрогнул.

Глаза Дрио как-то влажно блеснули, он опустил взгляд на мою грудь, а меня будто кипятком ошпарило – я поняла, что он хочет от

меня, и дёрнулась, да не тут-то было – Дрио перехватил меня за локоть и рванул и припечатал к двери.

– Постоить ты, дура, предложить тебе хочу то, что может для тебя оказаться очень выгодным, о чём многие из моих товарок мечтают, и ты оценить это должна как следует! – Сальные пальцы сцепили мой подбородок, а перед моими глазами всё поплыло от страха, ярости и отвращения: его запах пота, смешанный с кислой брагой, забивал горло. Он склонился, прижимаясь ко мне круглым животом, задышал тяжело и надсадно. Меня едва не вывернуло наизнанку от подступившей горечи и тошноты.

– Будешь раздвигать мне свои стройные ножки – долг прощу. И стану даже одаривать, думать забудешь о трудностях и щенка своего прокормишь, – бормотал мне на ухо, облизывая языком ушную раковину.

Я вся сжалась, упираясь ладонями в его мягкую грудь, пытаюсь хоть как-то отстраниться.

– Уберите от меня руки, – пропыхтела я, чувствуя, как ноги слабеют от неизбежного и скручивает живот.

– Мне нравятся строптивые кобылки. Ты думаешь, я тебя просто так взял на работу? – он покачал головой. – Не-е-ет, за красивые глазки и смазливое личико, а ещё за молоденькое тугое тело, и думаешь, я только издали буду тобой любоваться? – он схватил меня за ворот и дёрнул вниз, раскраивая хлипкую ткань старого поношенного платья.

– Нет! Отпустите или пожалеете!

Дрио был глух. Обхватив обнажённую грудь, сжал в скользких крупных пальцах.

– Сладкая девочка, успокойся, тебе понравится, – придавил меня своей тушей к двери, что я вдохнуть не смогла. Во мне пронёсся ураган, охватила паника. Неужели это всё?! Неужели так? Я ощутила на своей шее, лице и сосках его мокрые губы, в то время как внутри что-то зрело, огненной волной поднималось к груди.

– Ну, давай отработывай, что стоишь как бревно? – схватил мою руку и прижал к своему паху.

Меня словно пронзило током, когда я ощутила под тканью твёрдый отросток в паху. Дёрнулась, вырывая руку, как губы Дрио сомкнулись на вершинке груди, облизывая шершавым языком нежную

кожу. Я выгнулась, закусывая губы, выпуская из тисков то, что подступило к самому краю.

Сначала ничего не происходило, потом Дрио вдруг замер и чуть отстранился, позволяя мне вдохнуть. Посмотрел на меня затуманенным недоумённым взглядом и схватился за шею двумя руками, вытаращив глаза. Лицо покрылось красными пятнами, губы затряслись, он часто и коротко задышал и попятился назад:

– Ведьма, – только прохрипел и громко закашлялся, заваливаясь на стол, что под ним качнулся.

Держась за шею, другой рукой зашарил по столу, будто хотел что-то схватить, но бутылка упала на пол, как и нож. Дрио беспомощно зарычал, и из его рта полезла пена. Я в оцепенении смотрела на то, как его душат невидимые огненные плети.

Не теряя времени, я кинулась вперёд, подобрала нож, подступила к Дрио. Тот смотрел на меня с ужасом, но не мог пошевелиться. Я свободно срезала с его пояса кошель и бросилась прочь из закутка.

– Стой, дрянь! Стой! – донёсся булькающее рычание.

Я сбежала с лестницы не чувствуя ног, сорвала повязку с головы что держали мои волосы, накинула на разодранное платье. Собрав лохмотья ворота, пустилась прочь, погружаясь в людской поток, и тут же ударились, кажется, о какого-то прохожего.

– Куда летишь, дура?! – догнало ругательство.

Прорвавшись через толпу, покинула рынок, бросая всё: и свою лавку, и Дрио. В голове пульсировало одно – скрыться поскорее. Сколько раз матушка повторяла держаться, что бы ни случилось, а теперь, если Дрио очухается, меня будут искать. Я то и дело оборачивалась, опасаясь, что Дрио следует за мной по пятам. Горло перехватил спазм страха. За себя мне было не так страшно, но что будет с Марсу, если меня схватят? Алая пелена застелила взгляд. Я выбежала за ограду рынка и, прихватив впереди подол платья, побежала по знакомой улочке, свернув к постоялому двору «Золотой гусь». Вбежав в ворота, пронеслась по заставленному мешками и ящиками узкому двору, вспорхнула по лестнице. Оказавшись в сумраке второго яруса пристройки, бросилась к самой дальней двери и замерла, тихонько постучав дрожащей рукой заученную дробь. Быстренько поправила волосы. Дверь отворилась.

– Так быстро! – обрадовался Марсу, пропустив меня внутрь.

– Как ты тут, родной? Чем занимался? – бросилась обнимать брата, потрепала его по золотистым волосам, огладив мягкую щёчку.

– Хорошо, – улыбнулся он, посмотрев на меня ясными голубыми глазами, как у отца – мои зелёные, их цвет достался мне от моей бабки, – госпожа Виорла и господин Карвен опять ругались внизу и дрались.

– Дрались? – обеспокоенно глянула на него.

– Да, я слышал грохот.

– Ты испугался? – эта семейка пьяниц порой не давали спать по ночам, устраивая боины, а после Виорла ходила с синяками.

Марсу нахмурил светлые бровки.

– Нет, я же мужчина, я ничего не боюсь, – упрямо мотнул он светлой головкой.

Я улыбнулась и вновь погладила его по шелковистым прядкам.

– Ты у меня настоящий мужчина, сильный и смелый, я нисколько не сомневаюсь в этом. Ты, наверное, уже проголодался? – я поджала губы, глянув на пустой чугунок.

Кашу мы доели ещё утром, а оставленную лепёшку Марсу, конечно же, уже съел. Мальчик растёт, и ему нужно хорошо питаться. Я сжала сумку в руках и заглянула в неё. Меня бросило в жар, когда насчитала больше пятидесяти лиров – лишь часть того: здесь было гораздо больше – около трехста, или даже четыре сотни. Ох, Светлая Мать!

Приподнялась, заглядывая в маленький проруб окна, в котором была видна только глухая стена одного из хлебов двора. Нужно поторопится, Дрио знает, где я живу, поэтому медлить опасно.

– Марсу, – глянула снова на шестилетнего брата, – собирайся, мы уходим.

– Куда?

– Для начала зайдём в булочную, купим тебе что-то сладенькое, ты же хочешь лакомства? —

Детское личико просияло, и он немедля бросился за своей курточкой.

– Собирай все вещи в нашу большую сумку, – бросила я и прошла к очагу, скользнув за занавес.

Оказавшись в укрытии, сорвала с себя напрочь пропитанную рыбной вонью изодранное платье.

– А куда мы пойдём? – донёлся детский голос.

– Расскажу по дороге.

Нам не привыкать к скитаниям, вот и здесь двух месяцев не прошло, как вновь приходится покидать насиженное место. Кажется, дома у нас не будет никогда. Куда идти дальше, я даже не представляла. Подальше от города, а лучше – от земель Антхалии, но в порт возвращаться точно не стоит – в первую очередь нас будут искать там. Лучше пойти через лес, затеряться в нём.

Поморщилась, когда коснулась царапины на коже – Дрио всё же оставил следы. Тошнота подступила с новой силой, как только память вернула ощущение его мокрых слюнявых губ. Меня передёрнуло. Хотелось погрузиться в бадью с головой и тереть кожу до красноты, чтобы смыть с себя все следы. Выглянула из-за занавески, прикрываясь ей же, потянулась за платьем, что сушилось на верёвке. Всего их у меня два – это сохло для следующего рабочего дня. Знаю, что всё равно оно будет вонять точно так же рыбой, но всё равно стирала каждый раз.

Натянув на себя плотное простое платье, застиранное, так что зелень едва осталась на ткани, надела и жилетку. Застегнув петли до одной, накинув на плечи накидку, вышла к Марсу.

Брат уже оделся и складывал игрушки: лошадку, которую я сплела сама из соломы, и выструганный из дерева меч. Его ему подарил господин Корио, портовый ремесленник. Чтобы отдать деньги за эту игрушку, я набирала монеты долго, но Корио так и не взял плату. Разгладив руками складки платья, я бросила взгляд на сложенное в корзине шитьё для госпожи Гадалины. Вздохнула – она так и не дожждётся своего изделия.

Поправив на Марсу курточку, схватила сумку и принялась складывать скудные пожитки: две деревянные ложки, несколько латунных чашек, пара полотенец. Зимнюю одежду мы распродали ещё весной в надежде, что мне удастся поднакопить на новую. Оставшийся старый потёртый кожух скрутила в тюк, перевязав верёвками, как и одеяло – моё и Марсу – кто знает, где нам придётся ночевать, возможно, и под открытым небом. Не забыла и самое дорогое – шкатулку, что осталась у меня от родителей.

Я всё прислушивалась и страшилась услышать топот. Подхватив набитую сумку и свёртки, уложила удобно за спину, взяла Марсу за

руку.

Покидали двор быстро, прячась за высокую ограду, чтобы не быть замеченными хозяевами двора – за жильё я должна отдать ещё половину той суммы, на которую мы договаривались. Но сейчас мне очень нужны деньги, ведь когда ещё я смогу найти себе работу?

– Быстрее, родной, – поторопила малыша, проскальзывая в ворота, и едва ли не бегом пустилась по улочке, оглядываясь назад, всматриваясь вперёд – скорей бы затеряться в толпе.

Глава 2

Только когда мы оказались в проулке с лавками, я смогла выдохнуть. Заглянув в булочную, купила всё, что попросил Марсу. Правда, его запросы оказались очень скромными, поэтому взяла помимо пряников – его любимого лакомства, леденцов, а заодно и лепёшек с мясом. От их вкусного аромата голова закружилась и живот свело, сама я ела только утром, но я могу подолгу без пищи – уже привыкла. Мясо у нас было редким блюдом, в основном рыба.

Приобретя всё необходимое – благо меня ещё не знали в лицо – с лёгкостью покинули булочную. Избегая стражей, продрались через заросли шиповника и вышли к городским воротам. Вот тут пришлось подождать какого-нибудь обоза. И слава Светлой Матери, томиться долго не пришлось. Грузёный обоз с бочками вина пристроился к ряду других повозок уже скоро. Потянув за собой Марсу, поспешила к возничему – усатому мужчине с солидным брюшком. За один лир он посадил нас на воз с охотой.

Свободно проехав через ворота, минув мост, мы слезли с воза и дальше пошли пешком в сторону леса.

День выдался ясный, хоть и плыли по небу пуховые облака, иногда прикрывая нежное весеннее солнце, желанное тепло которого так хотелось ощущать кожей и дышать чистым воздухом. Поднялись по взгорью к опушке и погрузились в зеленоватый сумрак старых елей. Тишина окутала нас, суетливый город Торион остался позади, но ещё рано было расслабляться. Идти по главной дороге, которая пролегла через ельник – опасно, но тогда можно заплутать в лесу, поэтому мы пошли вдоль неё, держась края. Главное – уйти как можно дальше.

– Вон она!

Я резко обернулась, заметив, как среди ровных стволов мелькнули женские грузные фигуры.

– Кто это? – спросил Марсу, выводя меня из оцепенения.

Я схватила брата и подтолкнула его вперёд.

– Марсу, беги!

Но было уже поздно.

– Не убежишь, ведьма! – Торговки нагнали стремительно, обступив нас со всех сторон, отрезая пути к бегству.

Брат вырвался из моих рук, загораживая меня.

– Нет! – вскрикнула я и отшатнулась от удара в голову чего-то увесистого.

В глазах на миг потемнело, я не успела ничего понять, как с пояса сорвали сумку с монетами, и снова удар по лицу – на этот раз увесистой пощёчиной.

– Не трогайте её! – вскрикнул Марсу.

– Уберите этого щенка! Сейчас она за всё ответит, ведьма проклятая! – взвизгнула Габора.

Марсу впился зубами в худую руку Сира, и та истошно взвыла, толкнула мальчика в сторону. Я дёрнулась к нему, но очередной удар камня по голове сбил с ног. Запутавшись в складках платья, упала в сухую траву, через туман слыша голос брата. Медленно приподнялась на локтях, щурясь через влагу, что стекала откуда-то со лба. Призывая силы, сжала кулаки, но, как назло, ничего не происходило – жара не было, и хотелось плакать.

– Бейте её! – озлобленно сплюнула Сира, вскидывая руку с очередным булыжником.

– А ну не сметь! – мужской голос, словно глухой раскат грома, пронёсся меж стволов деревьев и обрушился на землю гулом.

Женщины остолбенели как вкопанные. Сира так и застыла с булыжником в руках.

Я обернулась, выискивая того, кому мог принадлежать голос, и уж не померещилось ли мне? Сквозь муть выхватила внушительных всадников на вороных жеребцах. Насчитала пятерых слаженных воински мужчин. Один из них выехал вперёд, направляясь к женщинам. В богатом плаще, при оружии, и, что странно, повязка из чёрной ткани закрывала пол-лица, так что был виден только тёмный взгляд под чуть резковатым разлётом почти чёрных бровей. Тёмно-орехового цвета волосы падали на правую сторону скулы, закрывая часть смуглого лба.

Сира опустила руку. Марсу рванулся из хватки Габоры, бросился ко мне. Я села, утешительно прижала мальчика к груди. Всё же он был ещё слишком мал, совсем ребёнок.

– Не бойся, – поцеловала его в светлую макушку.

– Что тут происходит? – обратился незнакомец к Сире, что стояла от меня ближе всего.

– Она, – ткнула в мою сторону кривым пальцем, – воровка и ведьма! Она едва не убила господина Дрио, своровала у него деньги и сбежала, – голос её противно дребезжал.

Голова разболелась ещё сильнее.

Незнакомец резко повернул голову ко мне, а по моей спине холод прокатился, как остро он на меня глянул.

– Это правда?

Что именно? То, что я воровка или ведьма? Да и неужели ответ нищенки может иметь вес?

– Нет, то есть... – я задохнулась.

Как объяснить, что я защищалась? Что Дрио домогался меня? Стыдно говорить об этом чужаку. Почувствовала, как щёки запекло.

– И вы решили сами её осудить и наказать? – не дождавшись вразумительного ответа, спросил мужчина. Молодой, судя по голосу и стати.

Сира сменилась в лице, щёки ещё больше впали, а цвет кожи стал белым, как снег.

– Мы просто её хотели поймать и поймали...

– А кровь на её лице откуда?

Торговки растерянно переглянулись.

– Я не знаю, господин, – голос Сиры задрожал, глаза забегали, – наверное, она упала и разбилась сама.

– Она лжёт! Это они бросали камни! – всхлипнул Марсу.

– Тише, родной, – призвала молчать.

Незнакомец угрожающе сузил глаза, бросив недобрый взгляд на торговок.

– Забирайте свои вещи и проваливайте, – процедил он так холодно, что я невольно поёжилась.

Сира подхватила с травы вырванную у меня сумку и, махнув своим заговорщицам, поспешила обратиться. Кто-то из воинов присвистнул им вслед, и те припустились ещё быстрее, спотыкаясь и падая, ковыряясь в траве. Раздались откровенные насмешки среди мужчин. Вскоре женщин и след простыл, и разлилась такая тишина, что заложило уши, только сердце билось гулко где-то в горле.

– Поднимайся, – новый приказ был брошен теперь уже мне, – ты поедешь со мной.

Позабыв о ломящей боли в голове, я вскочила на ноги, поправляя сбившуюся ношу за спиной, взяла ладошку Марсу в свою, крепко сжала.

– Простите, господин, это вышло случайно, я не хотела никого грабить и убивать. – Ох, Светлая, что я плету? – Просто, просто... – я закусила губу, не зная как сказать, чтобы меня поняли.

– Замолчи и выполняй, – прошипел он, подавая какой-то знак другим воинам, потянул в сильном кулаке поводья, развернув своего лоснящегося, ухоженного жеребца.

Он был явно непрост для воина, возможно, какой-нибудь зажиточный наместник, а может и ещё выше – приближенный самого короля! Тогда я точно вляпалась. Как он оказался на дороге в Торион и заметил неладное? Я не знала и не хотела знать, хотела только убраться отсюда подальше. А теперь, возможно, меня посадят в темницу. Но сначала будут пытаться.

– Я без Марсу никуда не поеду! – прижала сильнее к себе брата.

Он испуганно глянул на меня, а я ничем не могла его утешить, ведь утешительного было мало. О, Светлая Мать, что теперь будет с нами?

Незнакомец с повязкой ничего не ответил и даже не глянул в мою сторону, но что я хотела увидеть? Почему он прячет своё лицо? Я как замороженная смотрела в его широкую спину, гордую осанку, пока к нам не подъехал один из его воинов. Вцепилась в брата мёртвой хваткой, прижимая к своему боку. О, Светлая, где же моя сила, когда она так нужна?!

– Пожалуйста! Не разлучайте меня с ребёнком, и я сделаю всё, что вы скажете!

С запозданием поняла, что сказал что-то не то, но моя мольба подействовала. Незнакомец остановил жеребца и повернулся сам. Даже издали я видела, как его глаза сверкнули льдом.

– Ты и так будешь делать то, что я прикажу.

Я сглотнула, готовясь броситься умолять, что угодно, лишь бы добиться того, чтобы брат был рядом – у меня сердце разорвётся, если Марсу останется брошенным.

– Мальца посади, – после тягостного молчания, произнёс, наконец, незнакомец.

С сердца камень упал.

Один из воинов спешился. А я сжала детские плечики, заглянула в распахнутые глаза Марсу.

– Ничего не бойся, я буду рядом, родной, всё будет хорошо, – успела только прошептать, как у меня забрали ребёнка.

Марсу даже не произнёс ни слова, только пыхтел, вцепившись ногтями в кожаные наручи, когда его перехватили поперёк пояса и понесли к жеребцу прочь от меня. Глазам стало очень горячо, а взгляд замутился, окружение размылось. Всё будет хорошо...

Меня же заставили забраться к одному из воинов в седло, но прежде отобрали скрутки одеял и тулупа, бросили под куст орешника, посчитав за лишний груз, благо шкатулка осталась в заплечной сумке – отнимать её у меня никто не стал.

Отряд тронулся с места вслед за своим господином. Я не замечала ни неудобства, ни близости воина, что восседал впереди меня, хоть и взгромоздилась за его спину. Держаться пришлось за его грубую одежду, вцепившись пальцами. Всю дорогу оглядывалась и выискивала взглядом Марсу. Он, насупившись, сидел впереди другого хмурого воина, но дорога, кажется, его сморила – вскоре его голова откинулась на мужскую грудь и покачивалась.

Местность Ториона я ещё недостаточно знала, а точнее – совсем не знала. В детстве отец брал меня всего лишь раз в город. До гибели родителей я жила затворницей... Я только очень размыто помнила, что за лесом начинались крестьянские надель, а за ними уже господские угодья и продолжались они до самых Сарматских холмов, за которыми лежали суровые холодные скалы – «обитель» горианцев. Матушка рассказывала, что моя бабка была родом оттуда и что в ней текла кровь этого народа. Сталкиваться с чистокровными горианцами мне ещё не приходилось, говорят, они такой же суровый народ, как и высокие скалы Сарматов, и никто не хотел иметь с ними дел, даже сам король, ведь ходили поверья, что этот род обладал древней, почти забытой магией.

За неутешными размышлениями и муками неудобного положения я не заметила, как мы минули чащобу. Выехав из мшистого сумрака ельника, воины погнали жеребцов уже куда бодрее. Марсу, конечно, от

такой тряски проснулся. Он ведь, наверное, хотел есть, – так и не успел съесть купленных сладостей, что лежали в моей сумке. И когда мы прибудем на место, никто, разумеется, нас в известность не поставил.

Я пыталась отвлечься, разглядывая пронесившиеся пашни. Уже скоро в них падёт первое зерно. Торион не считался торговым городом, крестьяне обычно сажали для своих закровов. Поля плавно закончились, и по обе стороны дороги раскинулись покатые холмы, покрытые нежной, только проклюнувшейся молодой зеленью. В Торионе приход весны был не так заметен, как за его пределами. А здесь, оказывается, уже настоящая тёплая и ласковая весна.

Я всё гадала, где живёт этот незнакомец, но, судя по лёгкому снаряжению, не так и далеко. Поэтому ожидала увидеть за очередным каменистым перекатом какое-нибудь поместье или небольшую крепость, если тот всё же приближенный к знати воин – то, что мужчина непрост, я уже убедилась основательно. Когда отряд свернул в сторону Сарматских холмов, мне подурнело. Оставшуюся до конца дорогу я отрицала бьющуюся прибором нехорошую догадку, но когда воины погнали жеребцов быстрее, приближаясь к каменному огромному дремучему, облепленному диким плющом, мосту через глубокое ущелье, меня вовсе замутило. Я во все глаза с замиранием смотрела, как в солнечной дымке из-за изумрудного склона показался громадный тын, а за ним и каменное тело замка с высокими башнями. О, Светлая Мать! Кто же этот незнакомец?! И зачем он меня привёз в северный замок-близнец? Ведь это, кажется, Карутон... или всё же Урелтон? Как разобрать? Я припомнила, что второй находится чуть севернее, ближе к долине... Но какая разница? Проклятье! В голове кружилось вихрем жуткое предчувствие. Все знают, что в одном из замков-близнецов живёт Чудовище! Теперь ясно, для чего я нужна – меня принесут в жертву! Но какой толк от меня, от простой девушки с улицы? Ну, хорошо, пусть и не совсем простой, но всё же!

Я зажмурилась крепко, ощущая, как всё тело онемело от страха, а на шее проступила испарина.

«Светлая Мать, убереги, я клянусь, что больше не воспользуюсь своей силой и похороню её в себе на век, никогда о ней не вспомнив», – взмолилась про себя.

Когда распахнула глаза, мы уже проезжали ворота, похожие на огромную пасть зубатого чудовища с острыми клыками поднявшейся железной решётки.

«Вот и всё, Грез, ты попалась», – прошептала, задирая подбородок, вглядываясь в сумрачную утробу, видимо, главной башни, в которой по лестнице сновали дозорные, поблёскивая сталью брони.

Едва мы въехали на просторный двор, отряд тут же окружила груда слуг, что поспешила забрать жеребцов. Сквозь поднявшуюся завесу пыли и суету я смогла рассмотреть стены замка с узкими длинными окнами и дверями, такими тесными, что если прорвётся враг, то только по одному и лезть. Но озираться по сторонам не время, я должна забрать Марсу.

Слезть с жеребца едва смогла – не так часто приходилось передвигаться верхом, точнее, не приходилось никогда. Ноги затекли и онемели, и зацепиться носком за подол платья стало полной неожиданностью.

– Ох, – только и успела выдохнуть, опрокинувшись с крупа жеребца. Так бы и рухнула, сломав себе что-нибудь, если бы не сильные мужские руки, что успели подхватить, не позволив разбиться.

– Спасибо, – благодарно выдохнула, подняла глаза и замерла, пронизанная иглами стального взгляда незнакомца.

Я сглотнула вставший поперёк горла ком, быстро облизав сухие губы. Теперь его лицо в повязке было так близко, что сначала я утонула в серых грозовых глазах, а потом меня сковал лёд ужаса, когда мой взгляд переместился на чёрную корку кожи над веком, перетекавшую вокруг брови уродливым наростом, уползавшую бороздой на лоб и уходившую буграми вниз под чёрную повязку. Я смотрела на мужчину с оцепенением, а когда подул ветер и отбросил золотисто-ореховые пряди на его уродливое лицо, содрогнулась, но руки не отёрнула, хоть простолюдинке не подобает касаться господина.

Он тут же отпустил меня, чуть оттолкнув, придавив тяжёлым взглядом, презрительно хмыкнул:

– Ты всегда такая неуклюжая?

– Простите, – буркнула я, уронив взор, отводя его в сторону, а в голове ураганом понеслись мысли одна страшней другой.

Первая мысль, которая обожгла – неужели он и есть то самое Чудовище, о котором твердит весь Торион?

Незнакомец возвышался надо мной истуканом. Высокий, я едва доходила ему макушкой до подбородка. Он был слишком близко, так близко, что стало тесно в его окружении, на меня словно наплывали тугие горячие волны. Даже дыхание сбилось. Я слышала, как он тяжело дышит. Видела, как пристально осматривает меня. И впервые подумала о том, как выгляжу: с разбитым лбом, в разводах собственной, уже ссохшейся крови, которую по дороге я пыталась хоть немного оттереть краем накидки, а своё старое выцветшее платье я уже не брала в счёт. Я отступила на полшага от мужчины, удерживая себя от того, чтобы не коснуться и не пригладить растрепавшиеся по плечам и пропахшие рыбой волосы.

– Ты пойдёшь со мной, – сухо известил он после затянувшегося молчания.

Я резко подняла голову, сталкиваясь с его ненастным взглядом, стараясь не замечать... изъянов. Идти с ним? Но куда и зачем? Сердце, цепенея, заколотилось быстрее. Я обернулась. Где же Марсу? Едва не сорвалась с места и не пустилась навстречу, когда, наконец, увидела его.

Он ловко, протиснулся среди воинов и бросился ко мне, но тут же приостановился, увидев мужчину в повязке, и приблизился шагом. Я встретила его сдержанной улыбкой и взяла крепко за ладошку.

– Ты, пойдёшь одна, – словно ножом отсёк незнакомец, мрачно бросив взгляд на мальчика.

Оттеснила ребёнка чуть за себя, с опаской посмотрела на хлыст, который незнакомец всё это время держал в кулаке.

– Но я не оставлю... – начала было я. Хотелось выкрикнуть, что без брата не сдвинусь и с места, но это было бы слишком безрассудно. – Куда вы хотите меня забрать? – насмелившись, спросила.

– Не болтай и следуй за мной, а он пусть остаётся здесь, – ударял распоряжениями похуже тех булыжников, что кидали в меня торговки, – за ним присмотрят остальные, – добавил, посмотрев безучастно поверх моей макушки, в два оборота скрутил тонкий жгут хлыста в кольцо, сжал с силой, так что вены на его кулаке взбугрились, развернулся и пошёл к замку.

Я будто в пропасть канула, не чувствуя своего тела, лёд безысходности пробежался по шее к затылку. Марсу, видимо, почувствовал моё смятение, вцепился в руку ещё крепче. За моей спиной послышались шаги, торопливо обернулась, крепче сжимая ладонь брата.

– Пойдём, – обхватил чуть шею Марсу один из воинов, вынуждая идти за ним.

Я дёрнулась, но Марсу сам выпустил мою руку, поджал губы, послушно пошёл за воином, понурив голову. Сердце дрогнуло в груди и болезненно сжалось. Такой маленький и храбрый, всё понимает. Пронаблюдав, как они удалились в сторону внутреннего двора, заставила себя шевелиться, догнала барда.

Пока мы шли через двор, я с душой рассталась: кто он? Что же хочет от меня? Зачем привёз в замок-близнец? Почему не отдал городскому надзирателю? И главное, что теперь с нами будет? Все эти мысли, как грозовые тучи, сгущались и давили непомерной тяжестью. Я почти не видела дороги перед собой, уж что говорить об окружении! Поняла только то, что в сам замок незнакомец меня не повёл. В какую-то другую часть сооружения с рядами различных строений. Вошли в один из домов, судя по резковатому запаху железа и дереву, возможно, служившему для каких-то воинских сборов или пиршеств. На негнущихся ногах поднялась по деревянной лестнице и оказалась в просторном помещении с маленькими низкими оконцами, прорубленными в бревенчатой стене. Потому и стоял полумрак, а ещё тёплый солнечный запах еловой смолы. Он напомнил мне отчий дом в Шадоре. Воспоминания немного расслабили, и я бегло отметила обстановку: деревянные столы, кресла, щиты, шкуры и мечи на стенах – скорее, как украшение. Для меня как простой деревенской девицы, только приехавшей в Торион, это всё чуждо и дико, непривычно.

Я встала у двери, не решаясь пройти вглубь. Моё дыхание потяжелело, когда незнакомец замедлил шаг и повернулся спиной к окну, чуть расставив сильные ноги.

Что он хочет сделать? Я затылком чувствовала дверь, готовясь вырваться, но мужчина, так же глядя на меня, принялся медленно освобождаться от плаща, изучая свою невольницу с ног до головы так пристально, что каждый волосок на моей коже поднялся.

Почему он такой? Неужели родился с этим? Я гулко сглотнула. Какая бы напасть с ним ни случилась, он явно имел власть, а значит имел право распоряжаться мной. Сейчас допросит и бросит в темницу, а потом предаст казни. За воровство сначала отрубали руки, а я украла у Дрио монеты... В глазах потемнело, и стены покачнулись. Прикрыла веки, понимая, что сейчас рухну в обморок. Светлая мать, побереги, заступись! Я должна попытаться всё объяснить. Но как это сделать? Язык так и прилип к нёбу, а в горле встал сухой ком.

Следом за плащом он расстегнул ножны с тяжёлым мечом, что висели на его богатом, украшенном металлическими пластинами поясе. Страх улетучился, сменяясь жутким любопытством – снимет ли он повязку с лица, когда до неё дойдет очередь?

– Как твоё имя? – спросил прохладно, сведя росчерки бровей, принялся со средоточием расшнуровывать наручи из твёрдой кожи.

Я не могла понять, не могла прочесть из-за повязки на лице, о чём он думает, лишь только клубящийся смерч в глазах ширился во мне беспокойство.

– Грез, моё имя Грез, господин, – спохватилась я, когда он глянул на меня, поторапливая шевелить языком.

А я продолжала смотреть на сбрасывающего с себя верхнюю одежду мужчину не слишком прямо, чуть пригнув голову, сжимая в пальцах край своей старенькой, но тёплой накидки.

– Откуда ты родом?

Зачем ему знать это?

– Из Шадора.

– А в Торион как попала?

Я сглотнула, запаниковав уже больше. Как рассказать о том, что я ушла из родной деревушки, потому что никто там не рад? Ни тётка – сестра матери, которая отвернулась от нас и не захотела знать, ни соседи. Моё лицо исказилось гримасой боли. Я долго пыталась забыть о том пережитом кошмаре – время мрака и тьмы. Тётка Лазария в сердце винила меня. Многие знали в Шадоре, что я не такая как все, и тот пожар в общем доме старосты был не случаен. Но до сих пор никто не знает, как это вышло. И я не знаю.

– Кажется, я задал вопрос, – выдернул из зыбких болезненных воспоминаний незнакомец.

Резко втянула в себя воздух, отгоняя прочь подступавший к сердцу острое лезвие прошлого.

– Как и все, господин, чтобы подзаработать, ведь весна, время хорошей торговли, – даже улыбнулась.

Он же посмотрел на меня с сомнением.

Расправившись с наручами и оставив их на столе, незнакомец, так и не сняв повязку, направился ко мне. Я низко опустила взгляд, уставилась в одну точку на дощатый пол, стараясь дышать ровно, стараясь ничем не выдать своего разыгрывающегося с каждым его шагом ко мне волнения. Он встал чуть сбоку, возвышаясь надо мной скалой. Уже знакомый жар обдал волной, но теперь я справлялась с ним намного быстрее, привыкая.

– И ты устроилась к бывшему моряку Дрио подработать? – его голос раздался близко и слишком вкрадчиво, и я впервые обратила внимание на то, сколь приятный он был, не отталкивающий, в отличие, конечно, от того, что показывалось из-под упавших на лоб спутанных с дороги прядей.

– Именно так, – хотя это звучала двусмысленно, он может подумать обо мне не самое пристойное. А, впрочем, какая мне разница, что он обо мне подумает? Но всё же добавила: – Я продавала его рыбу на рынке, и те торговки были моими соседками по лотку.

– А родители твои где? Кто твой отец? – кажется, никак не воспринял мой ответ, будто это было ему не так интересно, да и с чего?

– Это неважно, господин, мои родители давно умерли, – соврала – не так и давно, лишь вторая весна пошла.

– И всё же? – в голосе ни капли сожаления, хотя кто я для него? Простая торговка с улицы, недостойная стоять сейчас так близко. Но он сам подошёл ко мне!

– Те торговки сказали, что ты... ведьма.

– Это неправда! – тут же выпалила, но взяла себя в руки, расправляя плечи. – Они намеренно так сделали. Я им мешала...

– Из того, что ты мне рассказала – часть ложь. Но на первый раз тебе прощу. Ты устала... – Я чувствовала, как его внимательный и пытливый, наполненный серым свинцом взгляд медленно скользит по волосам и моему лицу. – ...и напугана. Подумай пока над тем, что ты мне рассказала, что расскажешь в следующий раз – от этого будет зависеть многое: твоя жизнь и существование твоего ребёнка.

Я вздрогнула, когда он затронул Марсу. Светлая Мать, неужели он подумал, что мой маленький брат, мой... А может быть, так и лучше? Иначе он бы мог не взять его с собой в замок, посчитав за лишнюю обузу. Я не стала ничего говорить... пока. Хотя Марсу наверняка тоже устроят допрос. Правда скоро прольётся на свет, но всё равно пока это может сыграть мне в пользу.

– Кто вы, господин? – осмелилась всё же спросить.

Он поднял руку, а я едва не зажмурилась и не отшатнулась, подумав, что задала неподобающий вопрос. Рука незнакомца задержалась, и до меня дошло осознание, что он хотел стянуть с лица повязку. Но передумал, сжал кулак и опустил руку.

– Мортон Амгерр.

«Свет-ла-я Мать!» – раскрыла я губы в ошеломлении, медленно повернула голову, чтобы взглянуть на него ещё раз, будто того, что видела, было мало, но тут же вернулась в обратное положение – смотрела в пол. Меня, кажется, оглушило на миг, как рыбу. Так, Грез, дыши глубже, как учила матушка, когда жар поступал к ладоням. Мортон Амгерр? Не может этого быть! Старший наследник замков-близнецов?! Как же так?! Выходит... О Боги! Какая-то странная радость и превосходство вспыхнули в груди. Знала бы Сира и Габора, кто за меня вступился, от зависти поседели бы! Но тут же одёрнула себя. Чему я радуюсь, дурёха?! Ладони вспотели, что хотелось их отереть о платье, а ещё страшно хотелось пить. Всё складывается куда хуже, чем я думала.

– Ты останешься здесь, но за тобой скоро придут, – продолжал говорить так, будто его ответ ничуть меня не сбил с толку.

– Пойдите! – сорвалось с языка, и я тут же снова опустила голову. – Позвольте Марсу быть со мной, он единственный, кто у меня остался.

Повисла такая тяжёлая тишина, что я едва не выдержала и не взглянула на него, но его ответ как гром на голову.

– Нет. Он отправится в приют, и там будет под присмотром воспитанников.

– Что-о-о? Нет! – выкрикнула я, резко повернувшись к нему. – Как в приют? А я? Вы не можете так поступить!

– Могу, – чуть сузил глаза, буравя меня насквозь, смотря сверху. – Тебе будет так спокойнее, и он не будет тебя отвлекать... Ему будет

лучше там, чем возле твоей юбки, – с какой-то лёгкой брезгливостью сказал он, – он уже достаточно взрослый, чтобы прятаться за неё.

– Ему всего шесть!

И вообще, на что он намекает? От чего отвлекать? Я моргнула, а следом жар залил щёки до самых кончиков ушей так густо, что я задохнулась от первой посетившей меня мысли, не самой лицеприятной.

– Тем более. Уже шесть. Будущих воинов отдают в обучение с четырёх лет.

«Жестокий тиран, недаром с таким лицом!» – выпалила про себя в сердцах, и тут же кольнул острым шипом укор на себя. Да поделом ему! Прости меня, Светлая Мать! Я зло и с горечью сжала губы, взгляд затуманился, в груди пылал ком, сдерживая слёзы, я смотрела в неумолимые безжалостные глаза старшего сына короля.

– Мы продолжим разговор, – вдруг сказал он, – а пока делай то, что тебе будут говорить, и старайся вести себя... – скользнул по лицу странным взглядом, – ...хорошо.

Я вздрогнула, как от удара хлыста. Да что он себе позволяет?! Пусть я из простой семьи ремесленников, но он не имеет право порочить меня! Хотя, конечно, имеет. Понуро опустила голову, и тут же дрожь пробежалась по телу, когда Мортон, чуть склонившись, произнёс:

– До встречи, Грез.

Глава 3

Я повернулась, но Мортон Амгерр уже отступил и пошёл к выходу, оставив меня одну.

Вдох. Ещё один. Тише, Грез, тише. Но напрасно я себя успокаивала, всё складывалось хуже и не представишь! На глаза набежали горячие слёзы, и сдерживать их я больше не могла. Ноги подогнулись. Опустилась на пол, уронив лицо в ладони, и застыла, чувствуя, как плечи стали мелко подрагивать. Сердце болезненно ждалось, стоило только представить, что Марсу окажется в приюте. В приюте! Всхлипнула громко. Я не смогла оберечь его, защитить. Что теперь с ним будет? Как он там останется без меня? Увижу ли я его ещё? От непрерывных слёз голова разболелось ещё сильнее. Я редко плакала, почти никогда. С того времени, как погибли родители, не позволяла волю слезам, я должна была быть сильной и стойкой, чтобы выжить, чтобы прокормить нас, много работать. А он так легко решил разлучить нас. Отнял у меня. Заставил плакать! Обида и боль душили, и слёзы вновь заполнили глаза, я начала всхлипывать навзрыд, не заботясь о том, что меня мог кто-то увидеть, войдя в это помещение. Нужно успокоиться, ведь не всё ещё потеряно. Я должна делать то, что он говорит, и понять, зачем нужна ему.

«Сира, чтоб ей в землю провалиться!» Если бы она не сболтнула лишнего, то всё могло бы обойтись. Наверное.

Вытерла ладонями слёзы со щёк и, собравшись с силами, поднялась с пола. Прошла к столу, где Амгерр оставил своё верхнее облачение. Он сказал, что мне придётся с ним ещё раз говорить, значит, нужно к этому подготовиться. Самое важное – мне нужно знать, зачем он привёз меня в замок, в один из замков Сарматских холмов, и намерен держать здесь, если не собирается отдавать под суд. Я нахмурилась. Пусть тогда власти разбираются в том, что случилось между мной и Дрио! Хотя, как ни верти, а сумку с монетами я у него украла. Никто не станет слушать, что мы с Марсу остались на улице и нам не на что снять новое жильё. Никому до этого нет дела!

Я протянула руку и всё же взяла плащ, сама не зная, что делаю, поднесла к лицу и, прикрыв веки, втянула запах. От него не пахло

брагой и мужицким резким потом, как разило от Дрио. Наверное, у Мортонна всегда чистое тело и он ест хорошую пищу. Подумав о еде, живот сжала пустота.

Громкий кашель раздался позади. Едва не подпрыгнула от неожиданности. Бросила плащ обратно на стол – не хватало ещё, чтобы кто-то подумал, что я роюсь в чужих вещах!

В дверях стояла молодая девушка в простом сером домотканом наряде, длинная юбка спадала мятыми складками к полу, рукава белой просторной рубахи засучены до локтей, за пояс заправлен край такого же белого, но совершенно мокрого передника. Серо-жёлтые глаза на немного широком лице оглядели меня внимательно с головы до ног. Она сдула с лица выбившуюся из-под платка, что был замысловато повязан на её голове, пшеничную выгоревшую прядь, поморщила веснушчатый нос, прошла к столу. Встала так, что мне пришлось посторониться. Незнакомка по-хозяйски подобрала оставленный плащ, небрежно глянула на меня через плечо.

– Пойдём за мной, – двинулась с места, виляя крупными бёдрами, закидывая плащ себе на плечо, показывая всем своим видом, кто здесь главная.

Конечно, я могла бы выказать протест, но мне ли сейчас упрямиться? Светлая Мать, и за что же мне это всё? Мало мне было Сиры и Габоры? Я молча пошла за провожатой.

Выйдя из двухъярусного дома, пошли между рядами построек, повернули налево и оказались на шумном хозяйском дворе.

– Кши! – провожатая взмахнула тряпкой, которую сорвала с пояса, отогнала бросившихся шипеть на неё жирных гусей.

Под навесом стояли коровы, а дальше тянулись конюшни. Конечно, в замке должно быть большое хозяйство, и в этом я убедилась. Пройдя двор, мы вошли в такой же двухъярусный, но уже каменный дом с черепичной красной крышей, с множеством дверей, из-за которых доносились голоса и окрики, носились из одной в другую служанки, одетые так же, как та, что вела меня в неизвестном направлении. По запаху выпечки я поняла, что мы прошли поварню со сводчатой широкой дверью, в которую я успела заглянуть, заметив несколько полных кухарок.

– Шевелись! – поторопила провожатая.

Уже скоро мы оказались в просторном помещении с высоким, закрывающим все два яруса потолком. Здесь было влажно и мокро, повсюду лохани, корыта с вещами, плетёные корзины, лотки и бадьи с водой, топилась огромная печь, на которой кипели огромные чаны. В открытую дверь уходил пар, за ней ещё две девушки развешивали на верёвки бельё. Все они ходили босыми, с заткнутыми за пояс подолами просторных юбок, две, что были внутри, обернулись на меня.

Провожатая прошла вперёд, вышла за дверь в солнечный свет. А я в неловком молчании осталась стоять чуть в стороне, чувствуя, как промокает протёртая обувь. На улице ещё холодно и потому в помещение залетал холодный сквозняк, делая воздух ещё сырее, заставляя ёжиться. Собравшиеся девушки – их оказалось всего четверо – выпускали смешки и уже откровенно оглядывали меня. А я отводила взгляд, стараясь не обращать на них внимание.

– Значит, это ты новенькая? – раздался женский крикливый голос со стороны входной двери. Внутрь вошла вполне солидных габаритов зрелая женщина. В отличие от остальных, на ней тёмно-коричневое платье с белым квадратным до груди воротником, на поясе тяжёлая связка ключей, рыже-ржавые волосы зализаны ото лба и собраны в тугую сетку на затылке. Она приблизилась, надвигаясь глыбой. От неё дохнуло жаром и едким потом.

– Ну-ка, показывай руки, – одёрнула грубо на ходу.

Я сжала кулаки, но выставила кисти маленьким въедливым глазкам женщины. Она грубо схватила своими пухлыми крепкими пальцами мои и дёрнула, разворачивая ладони вверх.

– На кухню ты не пойдёшь, останешься здесь, с такими руками заразу занесёшь.

Я встрепенулась, отняв ладони, заливаясь стыдом и злостью одновременно.

– Это мозоли, – процедила я.

Мои пальцы от чистки рыбы были вечно поранены.

Женщина фыркнула, одарив надменным взглядом, вздёрнула круглый подбородок.

– Кора, – обратилась к той, что привела меня сюда, – выдай ей лоток и щётку, пусть идёт чистить сапоги, – глянула через покатое бесформенное плечо, – как раз пусть и сама отмоеется, – вновь

пригвоздила меня придирчивым взглядом, – и лохмы свои собери, а то отрежу.

Я вздрогнула и схватилась за косу, что доходила уже почти до поясницы. Я не стригла волосы с того времени, как погибла матушка, она любила их заплетать и расчёсывать, напевая мою любимую песню. Я не дам их отрезать! Пусть только попробует! Старшая хмыкнула, видя мой свирепый взгляд, но отступила, покинула стиральню, больше не сказав ни слова. Я же так и осталась стоять посередине прачечной, став мишенью для насмешек и косых взглядов. Кора, громыхнув лоханью, поставила её передо мной, бросив щётку и тряпки.

– Холодная вода вон там, горячая – там, – указала на чаны и бадьи у стены. – Вся обувь на улице, выйдешь – увидишь, – раздражённо откинула за спину короткую пшеничную косу, упёрла руки в бока.

Горло сдавила слепая досада, я никогда ещё не чувствовала себя такой уязвимой и раздавленной, и думала только о брате. Возможно, Кора ожидала, что я отвечу что-то грубое, но я молча взяла лохань и пошла к бадьям. Девушки смолкли, наблюдая за мной с довольными ухмылками. Налив воды, я отправилась на улицу.

Едва вышла, как прищурилась от ослепительного света. На широком дворе, ограждённом другими постройками – погребями и хозяйскими складами, протянуты верёвки, на них рядами висели стиранные вещи, ветер чуть трепал мокрую ткань. Хорошо, что меня сразу нагрузили работой, мне нужно было чем-то заняться, иначе сойду с ума от неведения. Я нашла обувь под навесом у виноградного плетня. Сняла свою старенькую накидку, свернула, отложив в сторону, подвязала верёвкой волосы и, устроившись в тени, принялась за чистку.

Неизвестно, сколько времени я находилась за работой, гора пыльной обуви не заканчивалась, она явно принадлежала воинам – прочная и грубая. Работа немного меня отвлекла от мрачных, раздирающих на части мыслей, пока ласковое солнце не стало закатываться за покатую крышу.

– Эй, – предо мной встала Кора, – на сегодня хватит.

Я отложила щётку и, поставив очищенный сапог, подняла голову. Взгляд прачки одобрительный, но всё равно на дне залегло недоверие и неприязнь. Интересно, чем я им успела не угодить? Но, видимо, в замке просто не очень жалуют пришлых.

– Поднимайся и пошли за мной, – бросила Кора и развернулась.

Я поднялась, да едва не плюхнулась обратно – ноги затекли, а в спину отдалась ноющая боль – от положения, в котором просидела полдня. Вылив грязную воду под куст виноградника, сложив щётку, забрав накидку и сумку, я пошла за Корой. Та глянула искоса на меня, хмыкнула.

– Отхожее место вон там, если вдруг нужно сейчас. Ночью мы все ходим сюда.

Мне ничего не было нужно, кроме одного – добраться до лавки и лечь.

– Оставь всё здесь, – остановилась Кора.

В стиральне было уже пусто, девушки, закончив дневную работу, разбрелись. Я поставила лохань на высокую лавку.

– Пойдём, – поторопила.

Мы вышли в ту же кухню, где было так же тихо, только негромко переговаривались несколько служанок у длинного кухонного стола, видимо, оставшихся на ночь на случай, если хозяева замка потребуют принести что-нибудь, например, креплёного вина или поздний завтрак. К счастью, за болтовнёй они нас не заметили, зато я поймала обрывки слов одной из девушек:

– ...Сегодня моя очередь нести господину ужин.

– Почему твоя? Ты ходила прошлый раз, так что в этот раз пойду я.

Они спорили? Я не могла удержаться от скабрезной ухмылки. Похоже, молодой бард был не безразличен этим двоим. И что они в нём такого нашли, со страшными изъянами и такой же уродливой душой? Я их откровенно не понимала. Вспомнила о Марсу, и меня кольнула тоска. Сейчас я бы приготовила ему поесть, искупала и уложила в постель, поцеловав пухлую щёчку и обняв крепко, легла бы рядом... А сегодня я останусь без него... Охваченная мыслями о брате, едва держась на ногах от усталости, поднялась за Корой по деревянной скрипучей лестнице на второй ярус, где тянулся широкий коридор с множеством дверей. Мы прошли почти в самый конец. Кора отворила низкую дверь и демонстративно велела мне пройти внутрь, махнув тряпкой.

Я вошла, оглядывая не такое уж и тесное помещение с двумя квадратными оконцами. Здесь было три лавки, застеленные постелью.

Внутри никого не оказалось.

– Все сейчас моются и ужинают, а ты пока разбирай вещи, твоё место во-о-он там, – указала в самый дальний тёмный угол. – Тебе сильно повезло, что ты оказалась в Урелтоне, – добавила она.

Я задержала дыхание, сжимая сумку. Значит, мы всё же ближе к холмам. Урелтон, насколько я знала, дальше от окраины Ториона.

Кора перемялась с ноги на ногу. На её твёрдом лице появилось любопытство:

– Чем ты занималась раньше? – вдруг спросила.

– Торговала рыбой на рынке, – устало отозвалась.

Кора хмыкнула.

– Да, тебе точно повезло, дорогуша, что ты оказалась здесь. Хочешь есть? Сегодня повариха тебя не покормит – никто не ожидал прихода новенькой, придётся подождать до завтра. Но если сильно голодна, я могу принести тебе что-нибудь из погреба.

– Нет, не нужно, – растерянно мотнула головой. Как бы ни сжимался пустой желудок, кусок в горло не полезет. Я слишком разбита.

– Ну, как хочешь, – фыркнула она и вышла из комнаты, махнув кончиком короткой косы.

Постояв мгновение, я пошла к своей лавке. Здесь пахло, как ни странно, травами. Постель выдали мне не слишком мягкую, в отличие от соседских лавок, но я была и тому рада. Положив рядом свои вещи, сумку повесила на крючок, что вбит в стену у изголовья, стянула порядком запачканное платье и свалилась на лавку. Всё тело гудело и ломило, болела спина, и звенело в ушах. Так тяжело мне ещё не было, произошедшее навалилось на меня горой. Где сейчас Марсу? В пути? Всё дальше от меня? Наверное, ему страшно, и он просится ко мне. В какой приют они его отвезут? Как далеко? В груди засадила боль, мешая дышать. Я ведь даже не попрощалась с ним. Я не выполнила обещание, данное матушке, позаботиться о нём и уберечь. Слёзы покатались по пылающим щекам. Я отвернулась к стене и глухо заплакала, вжимая пальцы в набитую гусиным пером подушку, уткнувшись в неё лицом. Гнев и отчаяние бушевали во мне, заставляли тело сжиматься. Проклятый день, проклятый Дрио и его потаскухи, проклятый Мортон Амгерр! Моё сердце воспылало от ярости и ненависти при мысли об это уроде, при воспоминании его серых

ненастных глазах. Да, он урод! Как и его чёрствое сердце! И другого отношения он к себе не заслуживает! Он разлучил меня с Марсу и отправил чистить сапоги, унизив ещё больше. Гнев нещадно жёг изнутри, и я не могла уже с ним справиться. Сотрясаясь всем телом, рыдала. Ещё никогда и никого я так ни ненавидела, как сейчас его. До жара и жжения в ладонях. Горько усмехнулась, посмотрев замутнённым взглядом на истёртые в кровь пальцы, всхлипнула. Сжала кулак, с силой ударив по подушке, заскулила, закусив губу.

– Эй, ты, как тебя там? Вставай, хватит разлёживаться!

От резкого пробуждения по телу пронеслась болезненная дрожь, отдаваясь в голову болью. Я едва не застонала, но как бы ни не хотелось пробуждаться, веки разлепила. Сжала подушку, в сонном тумане оглядывая каменную стену, вспомнила, где я. Но когда за спиной послышались смешки и шаги, приподнялась на локоть, тяжело повернулась – тело никак не хотело слушаться и просыпаться.

Возле моей постели возвышалась громоздкая Кора, подсвеченная утренним светом, лившимся в окна. Она почти равнодушно, за исключением странного молчаливого внимания, смотрела на меня и плела свою жиденькую короткую косичку.

– Меня зовут, Грез, – хмурясь, процедила я сквозь зубы, скидывая с себя тонкое одеяло, села в постели, перекидывая через плечо порядком спутанные за ночь волосы.

Вчера я была настолько подавлена и разбита, что уснула быстро и не слышала, как вернулись остальные.

Ещё две девушки-прачки сидели на одной лавке и, о чём-то шушукаясь, бросали в мою сторону любопытные взгляды. Одна из них медленно поднялась. Вытянутая, худая, с длинными руками, с тусклыми серыми волосами.

– А нам хоть кто. Раз здесь, то вставай.

– Поосторожней, Тисса, её ведь сам господин привёз, ещё нажалуется, – напротив, стройная и миловидная с рыжеватыми косами девушка наморщила лоб, отвернувшись, схватилась за тряпье.

– Ой, испугалась, гляди-ка, – ядовито выплонула Тисса, – думает, ноги раздвинула – и всё дозвоительно?! Не выйдет. Вставай!

Меня будто кипятком окатили, стыд и гнев взвихрились водоворотом. Сжала пальцы, вдавливая ногти в ладони, но в тот миг,

когда я хотела ответить, Кора загородила меня собой.

– Хватить, – шикнула она и скомандовала: – собираемся!

– А я ведь правду говорю, – не унималась Тисса, – она ведь не одна приехала в замок, ребёнка в подоле привезла. Теперь будет тут по углам со всеми жаться, а потом нам слушай детский плач по ночам, не спи.

Ну это было уже слишком. Я хотела подняться, но стоявшая рядом Кора пригвоздила меня строгим взглядом так, что я приросла к постели. Смяла в пальцах подол и сжала зубы, промолчала, проглатывая ком досады.

Кора, хмыкнув то ли мне, то ли язвительной болтовне своей подопечной, отошла в сторону. Взяла с полки корзину и с ней вернулась ко мне, поставив её рядом со мной.

– Что это? – заглянула я в неё.

– Твои вещи. Здесь рубашки, юбки, полотенца – всё новое, это теперь твоё, так что береги: порвёшь – больше не получишь. Обувь выдам после, нужно смерить твою стопу. Мы сейчас спустимся вниз, а ты отправляйся в купальню, она находится рядом. Помоешься и оденешься в это, – ткнула в корзину, – а потом спустишься в кухню.

– Только поторопись, – вставила Тисса, ехидно усмехаясь, – у нас сегодня много стирки.

Девушки собрались быстро, и пока я перебрала содержимое в корзине, они покинули комнату. Взяв нужные вещи – полотняную светло-коричневую, как яичная скорлупа, юбку, белую рубаху с широкими рукавами и полотно – пошла в купальню. Здесь стояла небольшая круглая бадья, грелись на плите наполненные чаны. Вот бы наполнить бадью и понежиться! Но, набрав себе в ведро воды, запершись на засов, разделась. Нужно хоть немного привести себя в порядок, не знала, когда ещё будет такая возможность. Искупавшись и вымыв волосы, надев чистую рубаху, длиной до колен, поверх немного, но всё же просторную юбку, повязав ее передником, вернулась в комнату. Торопливо расчесала волосы, продирая больно, подсушив полотном, наскоро собрала и завязала жгутом из ткани. Когда спустилась в кухню, где гремели посудой и мелькали кухарки, заглянула робко внутрь. За столами прачек не обнаружила. Прикусила губу – неужели опоздала?

– Чего копалась так долго? – знакомый голос вынудил меня вздрогнуть и резко обернуться. Старшая женщина приблизилась, придиричиво оглядывая меня. – Остаёшься без завтрака. Бегом за работу! – строго рявкнула.

Да мне и не очень-то хотелось, но я ничего не стала отвечать и послушно пошла в стиральню, иначе здесь, судя по всему, моё существование станет невыносимым.

Мне снова выдали лохань и щётку и отправили чистить сапоги. Я была рада тому, ведь у виноградаря меня никто не видел и не трогал.

День снова оказался ясный: чистое небо звенело лазурью, щебетали в кронах яблонь птицы, зазывая близившееся тепло. Только внутри меня билось ненастье. Я могла думать только о маленьком брате. Как узнать, где он сейчас? Увезли ли его из замка или он пока в Урелтоне? Когда же Мортон Амгерр снова позовёт меня на разговор, ведь ему что-то от меня нужно? Видит Светлая Мать, я была готова бежать к нему и делать всё, что скажет. Ну, почти всё. Лишь бы он ничего не сделал с Марсу. По плечам бегала зябь, стоило подумать, что мне предстоит с ним встретиться ещё. С одной стороны, мне нужно знать, что меня и моего брата ждёт, но с другой – боялась. Не хотелось снова сталкиваться с пристальным холодным взглядом серых глаз, быть их невольницей. И дело вовсе не в этих уродливых отметинах на его лице, хотя, конечно, и это тоже. Просто находиться вблизи Амгерра было не по себе, это походило на пытку, которой больше ни за что не хотелось подвергаться.

Стараясь об этом не думать, заставляла себя отвлекаться на работу, только пальцы слабли, а по телу разносились волнение и страх, перерастающий в жар от грядущего.

– Эй, Грез! – голос Кору выдрал меня из задумчивости. За раздумьями я почти перемыла всё. Подняла голову, сжимая щётку, встречая шедшую ко мне прачку, что потрудилась назвать меня по имени. – Оставляй всё, и идём за мной, – велела издали, подставляя к лицу пухлую ладонь, закрываясь от ослепительного солнца.

– Куда? – сорвалось с языка.

– Мортон Амгерр послал за тобой. —

Сердце дёрнулось и замерло, а потом затрепетало, как безумное. Раскрыв губы, я приподнялась на ставшие вдруг бесчувственными ноги, выронив щётку.

– Ну чего встала? Быстрее! – грубо подстегнула Кора.
Отерев мокрые ладони о передник, поторопилась за ней.

Пройдя через двор, мы вышли к домам воинов.

– Дальше ты знаешь дорогу, – бросила Кора, сдёргивая с плеча тряпку, махнула ей в сторону строения с коричневой черепичной крышей, – главное, не сверни куда не следует, – не сдержалась, чтобы не уколоть, развернулась и пошла прочь, – вернёшься сама. Некогда мне ходить, провожать тебя повсюду, – пробурчала, не поворачиваясь.

Пыхтя от вспыхнувшей досады, глотая её, я смотрела ей вслед. И как её понять, эту Кору? Кому здесь вообще можно довериться? Но, подумав немного, поняла, что поведение прачек вполне оправданно: я для них распутная девка, торговка, от которой только ждать лишние неудобства.

Закусив крепко губу, постояв немного, я повернулась к двери и быстро вошла. Поднявшись бесшумно по деревянной лестнице, у двери задержалась. Сжимая подрагивающие пальцы в кулаки, всеми силами пыталась унять разбушевавшееся волнение, улавливая особый запах, но мысли о брате придали мне сил и подтолкнули вперёд. Дверей здесь не было, поэтому в помещение прошла свободно.

Внутри стоял такой же полумрак, как и прошлый раз – в полдень, когда солнце в самой своей высоте, лучи почти не проникали сюда. Всё тот же аромат свежей смолы окутал и воздействовал на меня успокаивающе, и вместе с тем в воздухе был и другой запах – горячий и чуть терпкий, который я уже хорошо запомнила – запах Мортон Амгерра, заставивший меня напрячься.

Возле окон его не было, и я метнула взгляд в сторону. Мортон сидел в деревянном резном кресле, расслабленный и сосредоточенный. На его лице та же маска из чёрной ткани, лёгкая одежда: серая туника и кожаные штаны на крепких бёдрах, заправленные в голенища высоких сапог. Всем своим видом устрашающим и мужественным на фоне этих шкур и железа он напоминал сурового воина, о котором только и слагать легенды.

Его тёмные брови приподнялись, когда он оценивающе скользнул по мне взглядом. Я смутилась, напрягая плечи. Сердце забилось чаще, а руки проняла ещё большая дрожь. Захотелось поправить волосы и новую, выданную Корой одежду. Я буквально чувствовала кожей, как взгляд Амгерра очерчивает каждый изгиб моего тела. Казалось, я

должна уже успокоиться, но находиться рядом с ним и чувствовать себя расслабленно невозможно, как и не разглядывать его, сгорая от любопытства увидеть его без повязки. Интересно, на его теле тоже такие отметины? О, Грез, и чём ты только думаешь?! Жар прильнул к щекам. Меня охватил поглощающий стыд, стало резко нечем дышать. Гореть мне в жерле Тёмного Бога.

– Я был в городе, – начал спокойно он, – Дрио мне кое-что рассказал... – кажется, или в его голосе и в самом деле мелькнула горечь?

– И что же, господин? – спросила, сглатывая тугой комок, задышав глубже и чаще, несмело смотря из-под ресниц.

– Не прикидывайся дурочкой, – качнул головой Мортон и резко встал, а я покачнулась от тугой волны его жара, ударившей в меня напором. – Ты прекрасно знаешь, о чем я говорю, – прорычал он сквозь зубы.

Я часто заморгала, опустив взгляд в пол, когда он возвысился надо мной горой, чувствуя, как ярость поднимается в нём, и забила ключом мощь.

– Ты его едва не убила.

Я вскинула голову.

– Он... он домогался меня, хотел, чтобы я расплатилась телом! – голос дрогнул, и я сжала губы, едва ощущая опору под ногами.

Мортон недоверчиво сузил глаза, выставив мои слова под сомнения.

– Строишь из себя невинную, будто раньше этого не делала, – брезгливо и раздражённо бросил он.

Я стиснула кулаки сильнее, хотелось ударить его за подобную грубую дерзость, но не смела.

– Я не знаю, как это вышло... он набросился, и... и... – хрипло заговорила, пытаюсь защитить себя, чувствуя, как задыхаюсь, готовая провалиться на месте от позора, обиды и беспомощной злости.

– Значит, ты всё же ведьма, – по его тону было не понятно, спрашивал он или утверждал, но то, что он в гневе, я ощущала нутром.

– Пожалуйста, смилуйтесь! Я никому ничего не сделала плохого! Я была вынуждена защититься!

– От чего защищаться? Ты просто хотела его обокрасть, при этом получив... своё.

Слова как пощёчина, почему-то было обидно слышать это от него. Даже вечные уколы Сиры по этому поводу так не задевали. Но ещё сквернее то, что он меня не слышал и не собирался верить.

– Нам нужно было на что-то прокормиться, пока я не нашла новую работу, – выдавила из себя, – но прежде выбраться из Ториона. Я хотела...

– Замолчи, – шикнул он прерывая.

Вокруг меня будто сгустился грозовой воздух, вот-вот готовый разразить громом, а точнее – яростью Амгерра. Мортон изучал меня долгое время, держа в тягостной тишине. Его сомнения и подозрения давили раскалёнными тисками, обжигая, и хотелось вырваться, бежать прочь. Но я не могла. Марсу в его руках. Один неверный поступок – и он сделает с ним что-то плохое. Внутри ширился ужас, он ведь запросто может ему навредить, выместив свой гнев. Голова закружилась, и я сильнее стиснула похолодевшие пальцы в кулаки, сглотнула, оставаясь неподвижной. О, Светлая Мать, что же ему от меня нужно? Зачем пытается и мучает?

Я услышала тяжёлый выдох Мортонна, подняла голову и столкнулась с его бушующим взглядом, в котором голубоватым серебром сверкали молнии. В оцепенении уставилась на него. Не понимая, что его так разозлило. Что торговки не солгали? Может, он ненавидит таких как я? Да и в самом деле, за что бы ему меня жалеть?

– Убирайся, – рыкнул вдруг он.

Я растерянно моргнула.

– Ты не слышишь меня? Убирайся, ведьма, или пожалеешь. Пошла прочь!

Я вздрогнула и отшатнулась как от удара, попятилась назад, убежать, кинуться из помещения вон, но неожиданно для себя поддалась вперёд, рухнула на колени.

– Прошу, смилуйтесь, я сделаю всё, что скажете! Я не знаю своей силы! Я не знаю, как это вышло! Я не хотела, прошу! – залепетала, кажется, всхлипывая, сердце сжал слепой страх за маленького брата.

– Конечно, ты сделаешь, Грез, – недобро и глухо произнёс он.

Я задрала подбородок, глянула на него через влагу.

– Будешь делать то, что я прикажу. Сегодня же вечером, – брови сошлись к переносице, и тёплый блеск прядей оттеняли в его глазах жуткий холод и что-то ещё. Жажда чего-то, что он так долго ждал. О,

Светлая Мать! Мои щёки затлели, когда в голову полезли непристойные мысли, жар залил до самой макушки. —

Убирайся! – рявкнул громче. – И жди, когда я пошлю за тобой вновь, – холодный тон Амгерра хлестнул плетью.

Я подорвалась с пола, вскакивая на ноги, и как безумная бросилась из комнаты. Не видя ничего, едва не скатилась с лестницы, запутавшись в складках юбки. Вылетела вихрем из дома, собрав подол в кулаки, пустилась в бег. Всё внутри клокотало и трепетало, жуткий стыд и страх разъедал нутро кислотой. Голос Мортон бился во мне гулом, отдаваясь в теле дрожью. И что на него нашло? Что я сделала ужасного, что он сорвался на мне? Я же не убила, разве только за попытку выжить и накормить Марсу. Глаза застило слезами обиды, и я едва не наскочила на одну из служанок в проходе, бросилась в стиральню, пригнув голову, пряча лицо от любопытных и надменных взглядов прачек. Минула её, глотая влажный душный воздух, вышла во двор, возвращаясь к своей работе.

В голове метались мысли, по телу гуляла зябь, комом сжимался в животе страх, стоило только подумать, что Мортон потребует от меня вечером. Зажмурившись, прижала ладонь к груди, ощутила себя так отвратительно, будто меня уже использовали.

Глава 4

Обед я пропустила, не хотелось слышать язвительные пущенные уколы в мою сторону, с чего вдруг Амгерр решил послать за мной в разгар работы. Что же будет вечером, когда он вновь отправит за мной? Тисса от злости позеленеет, ведь весь день, стоило мне попасть ей на глаза, прачка дыру прожигала на мне.

После чистки обуви мне поручили стирать плащи, но, как назло, всё валялось из рук, и работа не шла. Все мысли были о другом. Я вновь и вновь повторяла про себя слова Мортонa, пытаюсь понять его, его внезапную вспышку ярости. И когда наступил ужин, моё самочувствие только ухудшилось. Я едва могла осилить чашку какой-то каши, хоть не ела нормально уже два дня. Я должна думать не о себе. Нужно узнать о Марсу – где он сейчас? Что с ним? Когда я могу с ним увидеться? Но Амгерр не спешил посылать за мной, и от этого делалось ещё тревожнее. Может, он передумал?

Отвлекаясь от мрачных мыслей, я принялась рассматривать поварню. Такая большая и широкая, с массивным столом, за которым мог бы уместиться весь Шадор. Две огромные, выложенные из камня печи пыхали жаром, повсюду полки с посудой и деревянные шкафы, забитые продуктами.

На кухню неожиданно влетел паренёк лет одиннадцати, напугав изрядно кухарок.

– Чего тебе, окаянный? – вскрикнула на него старшая повариха, шлёпнув тряпкой по спине.

– Господин послал меня за Грез! – выпалил он, окинув беспокойным взглядом кухню, и сразу остановился на мне, заметив незнакомку.

Все взгляды в один миг обратились в мою сторону. Я уронила ложку из онемевших пальцев, захотелось сползти под стол, так стало душно, тесно и стыдно.

Тисса брезгливо скривила губы, что-то буркнула под нос, какое-то грязное ругательство, отвернувшись, её рыжеволосая соратница Лаур смущённо бросила на неё взгляд хихикнула. Другие служанки

зашептались за моей спиной. А старшие кухарки взялись вдруг за кастрюли и сковороды, продолжая готовку.

– Ну чего сидишь, иди, – подтолкнула Кора.

Я поднялась, сдёрнув с себя передник, выбралась из-за скамьи, на не гнувшихся ногах прошла к мальчишке, чувствуя затылком осуждающие взгляды. Сколько же будет теперь сплетен!? Я старалась не думать об этом.

Мы минули хозяйский двор, утонувший в дымной занавеси, подсвеченной закатом. Мальчишка повернул к замку, пропуская поворот в сторону двухъярусных домов. Это что же, господин решил позвать меня в замок? Мне стало совсем дурно, шаг отяжелел, голова поплыла, как в тумане.

Мне никогда не доводилось бывать в замках, и я с расширенными глазами оглядывала каменную кладку стен, на которых закреплены пламенники, мы прошли по переходу и поднялись по такой же каменной лестнице, остановились около одной из деревянных массивных дверей.

– Подожди здесь, – сказал прислужник и толкнул ее, с ощутимым усилием отворяя.

Он исчез за створкой, а я осталась стоять снаружи. Унимая бившуюся в теле дрожь, огляделась. Мы не встретили ни одного человека, только у самого входа с улицы стоял страж. В таком огромном замке, кроме Мортон Амгерра, живёт кто-то ещё? Ох! Я поздно спохватилась, когда вспомнила о своём внешнем виде, стянула жгут из ткани что держали волосы, торопливо забрав за ухо выбившиеся пряди, поправила узел на затылке. Непочтительно показываться господину в неряшливом виде.

Дверь громыхнула, и я вздрогнула, резко повернувшись.

– Входи, – прислужник вежливо пропустил меня внутрь.

Набрав в грудь больше воздуха, я шагнула в полумрак. Мальчишка скользнул за мою спину, и створка закрылась. Мне открылась огромная комната с высоким потолком и узкими окнами, впускающими догоравшие лучи. В углу жарко горел огонь в большом камине, возле него стояло низкое изогнутое кресло, на полу лежал мягкий ковёр. Мортон вышел на свет от дальней стены с полками, на которых лежали толстенные фолианты.

– Вы звали меня... – обронила я, пригнув голову, избегая его взгляда.

– Как и говорил, – невозмутимо ответил он, встав напротив, загораживая своей гордой статью свет от огня.

– Зачем вы меня звали, господин? – сглотнула я, сжимая смятый платок в пальцах.

– Посмотри на меня, – вдруг глухо велел он.

Я медленно подняла взгляд, оглядывая широкую грудь мужчины, вырез ворота туники, из-под него торчал ворот белой рубахи, его скрывала падающая с его лица повязка. На меня пристально смотрели тёмные глаза, в глубине которых качались влажные отсветы огней. Волосы, разделённые на правый пробор, спадали прямыми прядями на скулы, закрывая страшные борозды на лице, бросали резкие тени. Он вдруг поднял руку, потянулся к повязке, собирая её в кулак.

Я застыла, моргнув растерянно, понимая, что он хочет сделать, даже дыхание задержала. Мужчина чуть помедлил. В серых глазах скользнуло мимолётное сомнение, но оно тут же потухло, он сдёрнул свою маску, открывая лицо. Я едва сдержалась от того, чтобы не вскинуть руки и не охнуть, не отвести взгляда, но не потому что испугалась увиденного. Правую часть лица от скул до нижней челюсти покрывали борозды и наросты, наплывающие тёмно-коричневой, почти чёрной коркой на губы – нижняя у него полнее верхней и будто очерченная каймой и ярче – с одной стороны. Другой край губ чуть опущенный, будто в горечи. Левая сторона почти не тронута проклятием. Выпирающие скулы, прямой нос с узким крылом, чёткая линия подбородка, сильная шея, на которой пульсировала вена... Я быстро вернула взгляд на его глаза, что буквально гипнотизировали, сверкая в полумраке жадным огнём. О, Светлая Мать! Щёки запылали огнём, наверное, он красивый мужчина, если бы не... Я всё же уронила взгляд, не в силах выдержать этого, это всё жутко смущаясь его, его близости, его внешнего облика, он слишком... слишком шумно дышал, обволакивая жаром. Мысли толкались внутри, как и чувства, закручиваясь в водоворот. Я не знала, что сказать. Зачем он это делает?

Мортон усмехнулся как-то разочаровано и едко.

– Испугалась? —

Я подняла голову, раскрыв губы, чтобы возразить, но он отвернулся, отлепив от меня блеснувший холодным огнём взгляд,

отошёл от меня и направился к креслу.

– Я не родился таким, – произнёс он, опускаясь в него, упёрся в меня из-под хмуро сведённых бровей стальным взглядом, таким холодным и жёстким, что внутри меня всё дребезжало звоном. – ...Это сделала ведьма, такая же, как ты. Горианка. Ты же тоже оттуда родом?

Я захлебнулась воздухом, осмысливая сказанное им, раскрывала и закрывала губы, чтобы ответить, возразить, начать оправдываться, что я ни к чему не причастна и ничего не знаю, не умею, но лишь сомкнула их, понимая, что всё напрасно, бессмысленно. Он не станет меня слушать.

– Поэтому ты здесь. Если это сделала подобная тебе, то ты и снимешь. И тебе придётся постараться, Грез, иначе ты ответишь за всё то, что сделала такая, как ты, со мной и моим родом. Я тебя убью. Убью всех, кто причастен к этому.

Я содрогнулась. Последние слова ударили молотом, что я едва не отшатнулась и не бросилась в бег как можно дальше от него. Но это была бы ошибкой. Голова закружилась, в глазах потемнело, я сделала глубокий вдох – не должна показывать своего страха. О, Светлая, как доказать, что я ничего не могу и не знаю, как ему помочь?! Я попалась, капкан захлопнулся, чувствовала, как меня душит удавка отчаяния и безвыходности.

Черты мужчины исказились от падающих теней и неровного света, стали резче и грубее, страшные борозды ужасали, а глаза сверкали жутким блеском.

– Это всего лишь слухи, господин, я не... – Светлая Мать, что он ещё узнал обо мне? Что ему сказали? Но самое главное – он хочет, чтобы я...

– Замолчи, – шикнул, морщась неприязненно, сжимая в пальцах подлокотники, чуть дёрнувшись вперёд.

И я всё же отшатнулась. Мортон застыл, а потом, тяжело выдохнув, откинулся назад на спинку кресла, недобро усмехаясь, повернул голову к огню, давая себя рассмотреть и подумав.

Я быстро опустила взгляд, сердце колотилось, как безумное, всё же я не смела разглядывать его слишком пристально. Я не знала, как поступить. Да и был ли у меня выбор? Марсу у него, и Амгерр обещал расквитаться. Затянувшееся молчание давило.

– Я попытаюсь, господин. —

Он повернул голову, а я шагнула к нему, хоть не чувствовала пола под собой.

– Для начала позвольте посмотреть?

– Делай, что считаешь нужным, – бросил, приподнимаясь.

– Нет, оставайтесь на месте.

Амгерр откинулся на кресло и с сомнением глянул на меня, твёрдая линия губ не выказывала никаких эмоций на лице. Я приблизилась к нему, обходя стороной, он проследил за мной взглядом хищника, заметно напрягаясь. Мортон сейчас и был хищником, распалённый, настороженный, готовый броситься в любой миг. Едва я приблизилась, как ощутила тугое сопротивление. Я не могла знать наверняка что это: его сила или воздействие чужих чар? Светлая, как же тяжело находиться рядом с ним и сосредоточиться! Я отложила на столик платок и встала позади него, видя, как он неприязненно передёрнул плечами.

– Это обязательно, стоять со спины?

– Простите, это необходимо, так я хотя бы... – я запнулась и сжала губы, лихорадочно подбирая нужные слова, боясь, что он воспримет неправильно, рассердится, – ...мне так проще, – пролепетала только.

– Предупреждаю, что если попытаешься что-то сделать, ты пожалеешь об этом, – проговорил он каждое слово угрожающе.

Он явно мне не доверял, более того – ненавидел таких, как я, и это считывалось в каждом его жесте и взгляде. С самого начала. Как долго на нём проклятие? И кто это мог сделать? За что? Почему? Слишком много вопросов роилось в моей голове, мешали.

Я растёрла ладони, разгоняя жар по ледяным дрожащим пальцам, смотря на его затылок. Стоять за его спиной проще, чем быть под пристальным взглядом, и вместе с тем так непривычно, будто касалась чего-то личного и уязвимого, и он позволил, и это дико стесняло. Почти не дыша скользнула взглядом по широким плечам и отвороту одежды вокруг шеи. Он обычный мужчина, молодой и сильный. «Так, Грез, соберись!» – одёрнула себя, мотнув головой, непослушные завитки упали на щёки. Зажмурилась крепко, выкидывая посторонние мысли, что только волновали и сбивали. Просто, просто он совсем не был обычным мужчиной, каких я привыкла встречать на улицах: тот же Дрио, от которого вечно разило брагой и луком, или работников, грубых и потных. А от него пахло чистым телом и чем-то приятным –

сладко-горьким, влекуще – пряным, разгоняя по телу странные тягучие волны. Что это? Вдохнув глубже, я поняла – черёмуховыми ягодами, которые я любила есть в детстве, забираясь высоко на дерево, что росло возле нашего дома. Я не могла спутать.

Согрев руки, доверилась своим внутренним ощущениям. В ответ откуда-то из глубины толкнулись спящие запретные знания, которые жили во мне всё время, но я не позволяла выйти им наружу – они запечатаны строгим наказом родителей. Я боялась, и вытянуть их оказалось не так уж легко. И как бы мне не сделать хуже, как это вышло с Дрио.

Мортон дышал глубоко и ровно, прислушиваясь к каждому шороху. Но не торопил и не мешал. Нет, не выйдет ничего. Но если откажусь, то Амгерр может разозлиться, и гнев в его голосе, когда он говорил о том, что расправится со всеми, толкал меня поторапливаться. Я подняла непомерно отяжелевшие руки, держа чуть на расстоянии от его затылка, и моё тело тут же налилось свинцом. Я чувствовала его звенящее напряжение, нетерпение и что-то ещё, что засело глубоко внутри, что-то сильное, мощное, тягучее. Моё сердце, затрепетав, ударилось в самой горле и ухнуло куда-то вниз живота. Я сухо сглотнула, быстро облизав губы, веки отяжелели, и я невольно прикрыла ресницы. Я будто опьянела, плавая в горячем обволакивающем тумане неизвестного мне чувства, едва не подкашиваясь, как же это было... хорошо?! «Боги, это не то что мне нужно!» – мелькнула мысль и угасла в охватившем меня водовороте, а следом меня потянуло к этому мужчине с неизбежной силой, разжигая острое желание скорее раствориться, утонуть, отдаться. Я испуганно распахнула глаза. Амгерр жёстче вжал пальцы в резной подлокотник, а мне невыносимо захотелось коснуться его плеч, и это желание испугало меня ещё больше, чем близость мужчины. Стало вдруг и холодно, и жарко, меня штормило, озноб скользил по телу, когда как внешне воздух давил со всех сторон. Руки и ноги будто застыли в магме, а кровь жидким сплавом пролилась вниз живота чем-то приятным, расплзшимся по бёдрам, вынуждая все мышцы сжиматься. «О, Богиня, нужно это немедленно прекратить!» Только успела подумать, как Амгерр задышал часто и шумно, его грудь начала вздыматься и опадать в тяжёлом вдохе, он схватился за подлокотники и рванулся вперёд. Крутанулся вокруг кресла так резко, что я едва

успела одёрнуть от него руки, неловко вскинув. Мортон тут же перехватил запястье и силой дёрнул меня к себе, что я едва не ударилась о его каменное тело, ощущая, как его рука настолько горячая, что жгло, как клеймо.

Глаза Мортоня яростно сузились под сведёнными на переносице разлётами бровей, горел какой-то звериный огонь, его черты стали резче, он пронизал меня потемневшим взглядом так остро и хищно, что у меня подогнулись ноги, а по спине пополз холод. Жёсткая хватка не позволила осесть на пол.

– Что ты себе позволяешь?! – глухо прошипел сквозь зубы.

– Я... я... – задохнулась, не зная, что ответить, – я ничего не делала, отпустите, мне больно, – прошипела, всё же обида кольнула иголкой, и на глаза проступили слёзы. Его лицо устрашало, но почти разъярённый взгляд меня пугал куда больше – столько гнева и презрения я никогда ещё не видела.

Грудь Амгерра яростно вздымалась, по скуле прошла мелкая судорога, вены на шее вздулись. Меня трясло от того, что он так близко от меня, настолько, что распалённое дыхание скользило по моей щеке разогретым воском.

– Пожалуйста... – прошептала всхлипывая.

Ярость в его глазах постепенно стала угасать. Он тяжело выдохнул, кажется, приходя в себя, а следом выпустил, чуть оттолкнув. Амгерр отступил, сглатывая так сухо, что его кадык резко дёрнулся по горлу. Я невольно схватилась за руку, потерла ноющее запястье.

– Я не хотела, простите, это само так вышло, клянусь перед ликом Светлой... – скулы запекло, Светлая Мать, да я вся горела! Что он теперь обо мне подумает? Хотелось плакать. – Я же вам говорила, что ничего не умею, не знаю, как и куда направить силу, и пользоваться ей не знаю как... – забормотала дрожащим голосом.

Мортон молчал, кажется, перестал замечать меня, продолжая дышать так же тяжело, и о чём-то думал. На здоровую скулу упали пряди, рассыпавшись мягким золотом. Но стоило повернуть голову, сердце неровно дрогнуло – непривычно видеть его без маски. Наверное, тяжело быть таким, нести проклятие.

– Хватит мне лгать и притворяться, – с ледяным спокойствием произнёс он, – ты всё делаешь намеренно, я не верю тебе, ни единому

твоему слову, – повернулся ко мне всем корпусом. – Я дам тебе ещё одну попытку, Грез, и попробуй только выкинуть что-нибудь ещё. За тобой придут, а сейчас уходи.

Я раскрыла губы, чтобы выкрикнуть, что я не могу. Хотелось разрыдаться от безысходности и бессилия. Но я не смела.

– Уходи! – рыкнул он, и я, вздрогнув, как ужаленная ринулась к двери, не дожидаясь, когда он дважды меня погонит, обступая его как можно дальше, попятилась к выходу.

Раздувая ноздри, он проводил меня горящим взглядом до двери.

Рванула за толстую резную ручку, с усилием раскрыв тяжёлую створку, выскользнула за неё, боясь обернуться. Вылетев в пустой переход, хватаясь за холодную стену, пошла торопливо, но, споткнувшись, едва не упала, успев задержаться, и бессильно сползла по стене. Прижала ладонь к пылающей щеке, дыша часто и судорожно. Светлая, что это было? Меня обуял полнейший стыд.

Я вздрогнула всем телом от гулко-го грохота, что раздался рядом. Амгерр запустил что-то тяжёлое в дверь. Подскочила на ноги и пустилась в бег, больше не задерживаясь возле него, страшась, что он передумает и вернёт.

Я не заметила, как оказалась во дворе. На улице уже порядком стемнело, постройки погрузились в густой зеленоватый сумрак. Слышались отовсюду приглушённые голоса слуг, что собирались вместе после суетного дня и болтали. Возвращаться в комнату, где сейчас была Тисса и её соседка-подпевала, мне совсем не хотелось. Мой взъерошенный вид станет для них большим поводом для издёвок, но и задерживаться я не могла – неизвестно, что подумают. Хотя они уже и так думают. Так какая теперь разница?!

Я свернула с дороги и торопливо пошла до конца хозяйского двора. За которым оказался сад. Мне нужно было всё осмыслить, всё, что произошло в комнате, произошло со мной рядом с Амгерром.

В зеленеющей чаще оказалось ещё сумрачнее и заметно прохладнее. Я невольно провела по волосам, да поздно спохватилась: оставила платок у господина. Прикусила губу – как нехорошо оставлять подобные женские вещи, тем более служанке.

Пройдя под сенью, я нашла укромное местечко, опустила под раскидистой яблоней на молодую травку. Устало прислонившись спиной к шершавому дереву, прикрыла веки. Сердце до сих пор

отстукивало гулким биением в груди. Перед глазами прожигающий взгляд Мортонa, от которого хотелось спрятаться и прикрыться, от которого росла тяжесть в животе. Светлая Мать, что же это было? Я выдохнула. Похоже, что я коснулась чего-то запретного, чего-то потаённого, того, что не подобает знать молодой девушке, вызвав невольно в нём и в себе... возбуждение. Боги, какой стыд! Теперь он точно будет думать, что я распутница! Но то, как он дышал, как сжимались его сильные длинные пальцы и рос тот горячий вихрь чувств между ним и мной, до сих пор вызывали во мне волны зыбкой дрожи. Глупое тело отвечало этому слишком откровенно и ярко.

Лицо запылало, словно на коже тлели угли. Я ведь ещё не была близка ни с одним мужчиной и не знала, как вести себя... Как же я теперь ему в глаза стану смотреть при следующей встрече? И о Марсу не удалось ничего выяснить. Как же глупо и нелепо всё вышло! Укорив себя, досадливо и зло закусилa губу. Вместо того чтобы думать о брате, я думаю неизвестно о чём!

Так, Грез, успокойся, ещё ничего страшного не произошло. Кроме того, что Амгерр окончательно уверился в моей распутности. Он ведь явно подумал, что я хочу таким способом обольстить! Вот тут мне совсем подурнело. Противоречивые острые чувства схлёстывались, как волны в шторм, в груди пылал жар, и пальцы мелко подрагивали. Нет, наедине с собой оставаться никак нельзя.

Поднялась с травы, расправляя складки юбки. Пригнув голову, поспешила из своего укрытия.

Не успела я отойти от яблони, как едва не споткнулась, услышав приглушённый до хрипоты голос Тиссы.

Быстро нырнула обратно под сень дерева. Проклятье, надо же было попасть на её пути именно сейчас и здесь! Тихие шаги приблизились и замерли рядом со мной. Тисса была не одна.

– Давай здесь, – вдруг раздался мужской надсадный баритон.

– Нас могут увидеть, – пискнула прачка.

– Да перестань, не ломайся, Тисс, с каких пор ты стала такой скромницей?

Послышалось шуршание, какое-то копошение, шумное нетерпеливое сопение. Меня будто горячей водой окатили – Светлая Мать, чему я буду свидетельницей? Я качнулась, сомневаясь в том, оставаться на месте или выдать себя? Но тогда Тисса точно подумает,

что я слежу за ней, но слышать это я не могла! Женский стон подстегнул осмелиться: сжав кулаки, я вырвалась из ветвей яблони и вышла на дорогу.

Мужчина, один из стражников замка, сжимал в кольце рук прачку, бесстыдно задрал платье, оголяя её бедро до пояса.

– Ты?! – охнула она, не ожидая меня увидеть.

Даже в темноте я видела, как её лицо побагровело, а ноздри яростно вздулись, глаза округлились в испуганном удивлении. Стражник перевёл на меня взгляд, заинтересованно и оценивающе оглядел с головы до ног. А мне вдруг сделалось противно от этого всего. Тисса очнулась первая и тут же оттолкнула мужчину, вырвавшись из его объятий, расправив юбку, вытянулась.

– Чего глазеешь, иди куда шла! – зло рыкнула на меня.

Я хмыкнула и, отвернувшись, пошла из сада, поскорее убраться, как можно дальше. Но, несмотря на то, что я застучала прачку за непристойным делом, особой радости я от того не испытывала, напротив, стало ещё сквернее.

Полночи я ворочалась, не в силах уснуть. Стоило только сомкнуть веки, как передо мной появлялся Амгерр с наполовину обезображенным лицом, а другая – с отточенными чертами – здоровая сторона пугала больше, его хищный взгляд, находясь даже вдали от него, прожигал в полумраке. О, Светлая, если бы только он отвращал! Заставлял трепетать всю и гореть каким-то странным всеобъемлющим огнём, вынуждая сворачиваться клубком, вжимать лицо в подушку, стискивать бёдра. Это было невыносимо стыдно дико и в то же время до злых слёз и обиды желанно. Я ведь ничего такого не должна испытывать?! Это всё из-за того, что я нарушила границу, соединившись, пусть на короткий миг, с тем, с чем не должна была. Я виновата в этом, и теперь меня это будет мучить неизвестно сколько времени, и, что хуже всего, мне это понравилось, настолько, что хотелось испытать ещё. Внутри упрямо росло навязчивое напряжение от грудного приглушённого голоса, от ощущения на себе горячих мужских рук того, кто мог унять это болезненный пыл, утягивая в свой огонь, обжигая и разряжая всю меня без остатка, чтобы, наконец, успокоиться, чтобы не чувствовать, чтобы забыться.

Полночи я запрещала себе думать об этом, глуша растекающийся по телу огненный вихрь, и безысходно вспыхивала вновь и вновь. Эта встреча явно пошла мне во вред. Измучившись вконец бессонницей, в распалённой полудреме я слышала, как в комнату прокралась вернувшаяся из сада Тисса. Прачка тихонько разделась, стараясь не делать лишнего шума, и улеглась на свою постель, а я, тяжело выдохнув, незаметно утонула в спасительное небытие.

Глава 5

Обиртон, родитель замков близнецов, показался из-за сосновой чащи, утопая в утренней туманной дымке, подсвеченный золотыми лучами, что тянулись от горизонта. Я был редким его гостем, хотя, признать, появляться в нём хотел бы чаще. Подогнал жеребца – мой отряд уже свободно въехал в раскрывшиеся перед нами ворота, но не успел я появиться во дворе отцовского замка, как в суете ощутил неприязненный взгляд. Нашёл глазами мужской силуэт, стоявший в тени перехода, и тоже смотрел неотрывно, спешиваясь со своего жеребца.

– Я предупрежу его величество о вашем приезде, – поклонился молодой слуга и отошёл в сторону, поспешив в замок.

Сняв дорожные перчатки, я направился к крылу замка. Рисальд покинул своё место и двинулся мне навстречу.

Я до скрежета зубов стиснул челюсти: сегодня мне было особо паршиво, почти ночь без сна и дорога до Обиртона сделали своё дело, и, что говорить, появление Рисальда добавили ложку дёгтя и без того скверное самочувствие. Но мне к тому не привыкать. Судьба всегда была ко мне несправедлива, и если в ней и было где-то дно, то сейчас, кажется, я его достиг.

Лицо брата исказило презрение – Рисальд не скрывал его никогда.

Перейдя двор, я поднялся по ступеням. Мои шаги раздавались по каменному переходу и резко оборвались, когда я остановился напротив брата. Находясь в шаге, я ощущал смрад его злобы, когда он вперился в мои смеющиеся глаза. Моё появление его раздражало, но мне плевать на него и ту его лютую неприязнь ко мне. Отцу нездоровилось. Он держал ещё власть основательно, но кто знает, что может случиться завтра? Если его не станет, то моя и без того шаткая жизнь расколется вдребезги.

– Какого тёмного ты припёрся, Мортон? – с ненавистью выпалил он вместо приветствия.

У меня было не то самочувствие, чтобы бодаться с ним поутру, да и, признать, лень. У Рисальда преимущество, которым он без зазрения

совести пользовался. Пусть моя мать была не знатных кровей, но я родился первым, с разницей с ним в несколько лет.

– Я тоже тебе рад, Рисальд. Ты мог бы не утруждаться встречать меня, я не просил тебя о том, – ответил равнодушно, бросая взгляд на пустующий внутренний двор.

Наверняка королева тоже вышла, как только узнала, что я еду сюда.

Брат скривил рот, прожёвывая сказанное.

– Ты же прекрасно знаешь, что здесь ты нежеланный гость. Сидел бы в Урелтоне и не высовывался.

– Что именно мне делать, я сам решу. Я приехал не к тебе, а к отцу, – обошёл его стороной, но он перехватил меня за плечо, останавливая, повернул голову.

– Из-за тебя у нас неприятности, а ты намеренно пытаешься обратить на себя внимание?

– Что-то ещё хочешь сказать? – усмехнулся, его выпады всегда меня забавляли.

Рисальд сузил глаза, кипятясь ещё больше, и сейчас этим сильно походил на свою мать.

– Если нет, то отойди, – дёрнул руку из хватки, зашагал дальше по направлению покоев отца, затылком ощущая пристальный взгляд.

Рисальд будто чуял, что я собрался к отцу, тоже приехал. Слишком частым он стал гостем Обиртона.

Минув переход, я поднялся по лестнице, той самой, которой пользуюсь столько, сколько себя помню, обходя главный зал стороной. Привычка скрываться заложена с тринадцати лет, с того мига, как проклятие настигло меня.

Прежде чем войти, я стянул повязку с лица – перед отцом я мог показываться и таким, он настаивал не прятаться от него.

В помещении витал сквозняк, что залетал из распахнутых настежь окон, за которым раскинулись лесистые холмы и где-то у подножия – город. Я не нашёл Вальтора Амгерра ни на ложе, ни в кресле возле холодного камина. Должно быть, слуга ищет его. Прошёл чуть вперёд, осматриваясь.

– Доброе утро, – раздался его голос за моей спиной.

Я хмыкнул – отец умел застать врасплох.

– И ты будь во здравии, – повернулся и почтительно склонил голову.

Высокий и широкоплечий, каждая черта его лица выдавала древность и силу крови. Король был далеко не стар, но недуг, мучивший его с давних пор, изрядно иссушил: линия губ стала твёрже, под глазами тени, сеть морщин лучами расходились от тяжёлых век, волнистые волосы, зачёсанные назад, пронизаны серебряными нитями, у виска – особенно сильно. Волевая осанка и плечи стали более напряжёнными. Непривычно видеть его таким, хоть прошлый раз я был в Обиртоне месяц назад, и, казалось, он выглядел куда бодрее.

– Что тебе говорил Рисальд? – отец прошёл к камину, откладывая в сторону какой-то свиток, что держал в руке, опустился в кресло и жестом указал присесть напротив, и я не заставил его повторять дважды.

Значит, отец всё же видел нас.

– Ничего такого, о чём ты не знаешь, – хмыкнул я, проведя по волосам пятернёй, зачёсывая назад чуть растрёпанные с дороги пряди, опустился напротив отца в глубокое кресло, сцепив пальцы в замок, поднял взгляд.

– Как тебе в Урелтоне? – сразу поинтересовался отец.

– Ничего не изменилось, тихо. Да и как ещё, в этой глуши?

Вальтор коротко улыбнулся и покачал головой, задумываясь о чём-то, хотя мне были ясны его мысли.

– Значит, никаких следов?

Я покачал головой. Вернувшиеся из Флеанского моря наёмники приехали ни с чем, ни одной зацепки.

– Ни следа.

– Ясно... – ещё задумчивее и мрачнее протянул отец, откидываясь на спинку кресла, и потёр указательным пальцем подбородок. – Время идёт, – вдруг продолжил он, – Рисальд с каждым днём все больше меня разочаровывает, я не могу на него полагаться. Нет. Лиоцин науськивает его, но мне нужен мужчина, а не бабская тряпка, – он сердито сжал губы в прямую линию – в гневе отца я видел редко.

Эти слова я слышал каждый раз, как только между нами случался разговор, и внутри каждый раз поднимался шторм от того, как бы мне хотелось исполнить волю отца. Только всё пока остаётся безутешным.

– Я не хочу, чтобы он занял моё место, из него выйдет скверный правитель, – открыто заявил он. – Я чувствую, что у меня мало времени...

Ненавижу, когда он заговаривал об этом. Слова рвались из горла, но я так ничего и не смог сказать. Да и что говорить? Король в сильном недуге – это правда. И когда его не станет, наступят смутные времена...

– Рисальду плевать на наш род, на наше имя, для него важны власть и богатство. Он утонет в этом, едва вступит в свои права. Он безрассудный и взбалмошный, он всё разрушит, и от нашего имени останется только пыль. Нет, я не могу этого допустить. Не могу.

Сколько я помню, отец всегда был недоволен младшим сыном. И небезосновательно. Рисальд нарушал запреты короля. Как только стал взрослее, нарушал традиции... Отец пытался влиять на него, но его мать Лиоцин закатывала истерики, вступаясь за своего сына.

Думая обо всём этом, голова только ещё больше раскалывалась. Вспомнил о своей находке, которая отчасти являлась причиной моего недосыпа и, собственно, приезда в Обиртон. Зелёные глаза в обрамлении тёмных, загнутых на самых кончиках ресниц, пронеслись в памяти как туманное наваждение. Из-за этой ведьмы я не спал всю ночь, борясь с желанием позвать её вновь и не отпускать до тех пор, пока не добился бы от неё хоть что-то.

Пальцы сами собой сжались в кулаки, а по горлу прошлась судорога. Напряжение сковывало тело панцирем со вчерашнего вечера, мешало думать, и это страшно злило.

– Ты должен подняться после меня, Мортон, ты – моя надежда и сила. Я отдам тебе всё, – глухо произнёс Вальтор после короткого молчания.

– Да, но для этого мне нужно сначала показать себя торионцам. Никто не захочет видеть на престоле чудовище. Народ слишком суеверен. Я приехал не просто так, отец, – глянул в сторону дверей, убеждаясь, что мы ещё до сих пор одни.

Король нахмурился и кивнул, давая знак, что готов слушать.

– В Торионе я нашёл одну девицу, горианку...

Взгляд Вальтор блеснул и тут же потемнел, лицо стало озадаченным, он весь приготовился слушать.

– ...Кажется, она кое на что способна.

– Ты уверен в этом?

– Пока ещё не совсем. Но, думаю, что скоро узнаю.

– Я вам не помешаю? – раздался женский бархатистый голос в дверях.

Отец сердито свёл брови, а я потянулся за повязкой, но строгий взгляд Вальтора остановил. Так или иначе, отцова жена тоже имеет к этому отношение, именно поэтому она боится родить ещё наследников, страшась, что проклятие перейдёт на потомство. И надежда зачать ребёнка угасала год за годом.

Лиоцин неторопливо приблизилась.

Я поднялся, чтобы встретить королеву почтением, оглядывая подол сочно-вишнёвого цвета платья, что струилось к полу свободными волнами и облегало гордый стан правительницы. Чёрные брови на бледном лице чуть вскинулись, в льдистых глазах отразился мимолётный испуг, когда я посмотрел на неё, но он тут же испарился, сменяясь глухим равнодушием.

– Я только узнала, что ты приехал, – улыбнулась Лиоцин, но всё же улыбка правительницы была натянутой.

Не нужно сильно присматриваться – королева ненавидела меня – старшего наследника – всем сердцем, в какой-то степени радовалась, что проклятие тронуло именно меня. И боялась.

Истинная флеанка, отец женился на ней только ради того, чтобы укрепить мир с Флеанскими островами. Черноволосая, синеглазая, матовую кожу она отбеливала настойками и пудрой, оттого черты её были выразительны и добавляли молодости. Она подарила королю Рисальда, а потом были ещё попытки зачать, но детей она скидывала. И кто знает, влияло ли уже тогда проклятие или причина была в другом?

Поклонившись королеве, посмотрел на неё прямо. Она боялась вовсе не моей внешности, этот страх был намного глубже. Лиоцин приходила в ужас от мысли, что её это может коснуться. Её и её сына, и будущих детей, которые ещё остаются возможными. И если не укрепить власть, то всё может стать настоящим обвалом. Отец и так держит неуёмные кланы, расселившиеся по Сарматским холмам, решая внутренние бесконечные междоусобицы, а с севера напирают гордхоны. С ними идёт вражда уже сотню лет, с тех пор как на побережье укрепился первый род торианцев. Гордхоны хоть и утихли,

но в любой миг могут проснуться, наступить, как только найдут уязвимое место, а в роду Амгерров их уже было множество. И утекающее время заставляло торопиться, сходить с ума, делать ошибки и отступаться. В то время как проклятие окутывало плотной сетью.

– Слуги подают завтрак, ты разделишь его с нами, Мортон? – гостеприимно спросила королева.

Я почти никогда не садился за общий стол с ними. Лиоцин прекрасно о том знала.

– Сын только прибыл, он останется здесь, мы ещё не договорили, ступай, Лиоцин, позавтракаете без нас.

– Но, Валь...

– Прошу, Лиоцин, оставь нас ненадолго, – стальным тоном одёрнул жену.

Лиоцин сомкнула губы, гордо приподняв подбородок, выражение её лица сделалось таким, будто она мысленно списала резкость короля на его недуг. Внутри меня обожгла слепая ярость от её невозмутимого вида.

Держа прямую осанку, она вышла из покоев, бросив на меня ледяной взгляд.

– Так ты говоришь – горианка? – вернулся отец к разговору, как только двери затворились. – И она может воздействовать на чары?

Я снова опустился в кресло. Насчёт её способностей я убедился ещё вчера. От воспоминаний о том по телу прошла горячая дрожь.

– Она утверждает, что ничего не может, но это не так.

– Расскажи мне о ней, – просил отец, заинтересовавшись всерьёз.

Я качнул головой, сказать о том, что она обычная девушка с улицы из глухой деревни было бы сейчас неблагоразумно.

– Я расскажу тебе подробней чуть позже, мне ещё нужно кое в чём убедиться.

Отец не спускал с меня внимательного взгляда, в серых глазах бушевал интерес.

– Сложное у нас сейчас время, Мортон. И я думаю, что нам нужно задуматься о том, чтобы объединиться с горианцами.

Отец не раз о том заговаривал, но вражда с ними длится не одно столетие, а соседние кланы устраивают с ними периодические стычки, у некоторых из них до сих пор не сведены кровные счёты.

– Никто не пойдёт на это, отец, и я тоже. И ты знаешь почему. Какую подлянку тогда от них ждать?

Отец свёл брови, постучав пальцами по подлокотнику.

– Неизвестно, остановило ли проклятие свой ход и не поползло ли дальше от нас и на Антхальские земли, на народ, – продолжил король. – Как бы оно не выкосило всех, не выродило каждого, в ком есть кровь древнего рода антхалов.

– Нам нужно найти источник, откуда пролилось оно, где эта чаша? – вопрос, мучавший меня уже несколько лет.

– Скоро уже станет невозможным скрывать это, – согласился король, – если мы не сможем освободиться от разрушающей магии, к престолу выйдет даже не Рисальд, а Эйтхон. Они копают подо мной яму, сдерживать их становится всё труднее.

Эйтхон – средний брат после Вальтора, сидевший в замке Эмбурт. Взгляд отца сделался острее, и я видел, как за подобными разговорами его недуг будто отступал, и Вальтор становился прежним: всемогущим и могущественным, и никакое проклятие его не могло тронуть.

– Я расплету этот клубок, обещаю. Не успеет пройти солнце по небосклону полный круг. Я хочу, чтобы ты остался жив и ещё правил долгие годы, рано ты собрался в плаванье, отец. Король Антхалии.

Он долго смотрел на меня, на его лице сменялись смутение, восхищение и надежда.

– Тебе нужно думать о себе, сын, – вдруг устало ответил он, сжав подлокотник, спокойно, с невозмутимостью посмотрел на меня, пряча глубоко свои чувства, как и положено истинному королю. Но вдруг чуть склонил голову и заинтересованно посмотрел на меня.

– А что насчёт Реднайры?

Мне осталось только возвести глаза к потолку. А ведь стоило ожидать, что отец заговорит об этом, да ещё в самый неподходящий момент.

– Опять ты про неё? – отвернулся, глянув на свиток.

Вальтор, проследив за моим взглядом, взял его в руки и вручил мне. Её отец в который раз шлёт письмо. Реднайру я видел всего однажды и то смутно помнил о том – это было до проклятия. Тонкая, белокурая, с большими в пол-лица грустными глазами.

– Да. И не перестану тебе о том твердить. Она выросла истинной айтари.

– У Реднайра корни горианки, – ответил так, будто это клеймо, хоть её дед истинный варлог.

– В том и дело, у неё крепкие корни, мало того, что горианка, так ещё носительница крови варлогов-друидов. Она несёт благословение древних богов и сможет обойти тёмные пути и родить здоровых наследников.

Я слышал об этом, но всё равно не видел в том ничего хорошего.

– А если всё окажется наоборот, и я потяну её в пропасть вместе с собой? Мало нам гордхонов и других напастей? —

Вальтор смолк и заметно потемнел. Да он и не мог это отметить в сторону!

– Рисковать – это не наш случай, отец. И на ошибку я не имею право – ты это знаешь лучше меня. Да и, я думаю, она будет не в восторге, увидев меня таким, – я усмехнулся, отложив свиток с печатью герба Софрании, решая закончить на этом разговор.

– Зря ты так думаешь, иногда бывает неважно, что снаружи. К тому же ходят разговоры, что она добра и милосердна.

Поглядел на отца искоса, усмехаясь – он хоть верит сам в то, что говорит?

– Для утончённой айтари с такой богатой родословной весьма важно это, каким бы добрым её сердце ни было.

– И всё же я настаиваю, чтобы ты с ней познакомился, – не удовлетворился моим ответом отец.

– Чтобы все узнали?

Вальтор глянул строго и качнул головой.

– Ты слишком упёртый.

Я приподнял брови в удивлении, Вальтор хмыкнул, махнув рукой, понимая, что разговор на этом лучше всё же закончить. Отец взял колокольчик, позвонил в него. А я поднялся и прошёл к окну, выглядывая в него, бросая взгляд на раскинувшуюся рощу и покатый склон с каменистыми порогами, утопающий в зеленеющих после зимы кронах ясеней. Они напомнили вновь глаза Грез – ведьмы с блестящими золотистыми волосами и тонкими чертами лица. Тем торговкам, что хотели забить её камнями, она и в самом деле могла мешать, им проще от нее избавиться: люди превращаются в зверей, когда видят что-то лучше, чище, добрее, чем они сами. А её ребёнок... сколько ему? Кажется, она говорила – шесть? С такими

пронзительными глазами и гибким стройным телом неудивительно, что продавщица рыбы быстро стала для кого-то наслаждением. Кто-то получил самое сладкое.

В горле встал сухой ком, а в груди разнёсся жар, наливая лёгкие свинцом. Сощурил глаза, вглядываюсь в туманную зыбкую даль. Мне нет никакого дела до этой ведьмы и её прошлого, она исполнит то, что я прикажу, и пусть только попробует сделать что-то не то. Я её не отпущу, как и её щенка, пока не вытряхну эту лгунью наизнанку. А мальчишка и в самом деле достаточно взрослый, чтобы уже оторвать от её юбки.

Навязчивое видение не уходило, вынуждая меня каменеть и злиться ещё больше. Проклятье, может, она всё же что-то успела сделать? Если это так, я собственными руками сверну её тонкую шею.

За спиной раздался стук, двери раскрылись, и в комнату вошёл слуга, подав на стол завтрак. Я вернулся к отцу, и дальше разговор пошёл в обычном русле, как и всегда, но в основном – обсуждение поисков источника и следов проклятия, на которые за столько лет так и не удалось выйти, будто все, кто его наслал, давным-давно вымерли. А что если это действительно так? Тогда всё бессмысленно. Ни один жрец не мог дать на это ответ...

...Я согласился остаться в Обиртоне ещё на несколько дней только ради отца. И уже когда в замке настала ночь, в распахнутое окно лился мягкий лунный свет, и из сада доносилось щебетание какой-то птицы, мне вновь не было сна. Непомерная тяжесть, которая опустилась на мои плечи грузом, тянула ко дну, и оставаться на плаву, казалось, было выше человеческих сил. Недаром старый жрец святилища Осхонда удивлялся, что я до сих пор жив. Но всё благодаря матушке, которая заплатила цену, замедлив ход проклятия, не дав погрязнуть в нём до конца. Мысли о ней принесли новую волну тревоги. Нужно будет наведаться в Осхонд и проведать её. В последний раз я заезжал к ней перед началом стуж. Хотя, с другой стороны, не хотелось лишний раз тревожить её уединение и вносить душевный разлад, когда она вновь увидит меня таким. Пусть она и не показывала вида, но я знал, что глубоко внутри сильно переживает. Её здоровье слишком хрупкое, чтобы наносить такие удары.

Пребывая в полном смятении, я провалился в сон. Но едва сомкнул глаза, ощутил, как густой холодный туман наползает на тело,

и в нём чудилось лёгкое касание горячих нежных ладоней. Они заскользили по коже на груди, лаская, женские пальчики обвели ключицу и вновь вернулись на грудь. Мягкие волны волос прильнули к телу потоком, обдавая кожу прохладным шёлком, а следом чьи-то губы обожгли горячим неровным дыханием мои губы, вызывая в теле волну возбуждения. Обхватив упругие ягодицы под тонкой тканью сорочки, я сжал их крепко, прижав девушку к себе плотнее, приоткрыл отяжелевшие веки, проваливаясь в густую тенистую зелень. Её смеющиеся глаза и блуждающая улыбка на губах притягивали взгляд и манили коснуться их, припасть в жадном поцелуе, испытать. Я одержимо потянулся к ней, немедленно желая завладеть ею тут же, но Грез тихо засмеялась и уклонилась.

– Ты такой нетерпеливый, но не так быстро, Мортон. Я сделаю всё, что ты захочешь, только сперва... избавься от проклятия, – шепнула на ухо и опустила ладонь ещё ниже, ощутимо обжигая, до темноты в глазах, едва коснувшись тугого напряжения, едва обхватывая...

Из моего горла вырвался хриплый стон. Рванулся вперёд, чтобы сгрести её в охапку, опрокинуть на постель и взять...

Вздрогнув всем телом, я проснулся.

Утренний свет ударил по глазам и заставил вновь сомкнуть веки. Оставаясь на месте, дышал глубоко и часто, слыша грохот сердца, ощущал, как по телу носился колючий жар, а вся кровь прилиwała к паху, причиняя едва ли не боль. Сел в постели рывком, пронизывая волосы пальцами, вытер с шеи проступивший пот. Очнувшись от наваждения, сглотнул сухость, поднялся и прошёл к кувшину с водой. Подхватив его, надолго прильнул к горлу, делал жадные глотки, чтобы хоть как-то остудить пыл. Оторвался и, развернувшись, с вспыхнувшей яростью рассадил кувшин об пол. В ушах зашумело, и потемнело в глазах.

– Проклятая ведьма, – прорычал сквозь зубы.

Глава 6

Весь следующий день, как только я проснулась разбитая и в плохом самочувствии, прошёл как на иголках, хорошо, что я могла погрузиться в работу и не думать о встрече с Амгерром, потому вечером я ввалилась в комнату смертельно уставшей. Едва только рухнула на постель, уснула мгновенно, видимо, сказалась вчерашняя бессонная ночь.

На следующий день я чувствовала себя немного бодрее. В этот раз мне поручили чистить ковры. Разувшись и затолкнув подол юбки за пояс, я с усердием принялась трудиться, со всем старанием елозила по ковру, натирая ворс. Приходилось прикладывать усилия, и на переживания мне некогда было отвлекаться, хотя каждый раз, как только кто-то из прачек появлялась во дворе, чтобы вывесить бельё или вылить воду, сердце замирало в ожидании, что меня снова позовут к Мортону. Нет, ещё одной встречи с ним я не вынесу. Не смогу.

Но, не успев отмыть первый ковёр, с трудом повесив его на ограду сушиться, краем уха я услышала разговор служанок – тех самых, что спорили о том, чья очередь нести завтрак господину. Оказывается, зря я волновалась, Амгерр не в замке – покинул его ещё вчерашним утром. Это известие внесло ещё больше смятения и даже огорчило. С одной стороны, я была рада, что меня он не призовет к себе по крайней мере до завтрашнего дня, но с другой – каждый день на счету, я до сих пор не знала, что с Марсу, как он? Эти мысли разрывали меня на части и вынуждали страдать от бессилия.

Вконец растерянная и помрачневшая, я вернулась к чистке очередного ковра и не заметила, как приблизился обед. Я едва могла проглотить три ложки овсяной каши с кусочками ароматного мяса. Второй день прачки вели себя тихо и даже перестали шушукаться и подсмеиваться за спиной. Тисса больше не колола взглядом и не выпускала злые словечки, смотрела на меня холодным взглядом и молчала. Неужели боится, что я стану болтать о её ночных похождениях? Но издёвки с её стороны прекратились.

– Послушай, – вдруг подсел кто-то ко мне, я выронила ложку от неожиданности, повернула голову. Тисса, сжав в пальцах тряпку,

вонзила в меня свой недружелюбный взгляд. – То, что ты видела позавчера – забудь, поняла?

Я хмыкнула. Не собиралась болтать, больно мне нужно, хотя ответила другое:

– С какой стати?

Тисса сжала тонкие губы, опасливо оглядываясь по сторонам, убеждаясь, что поварихи, позавтракав, приступили к своим делам, готовя на вечер – попробуй прокорми такую свору мужчин: стражников, воинов, конюхов и прочих, не считая прислуги.

– Я понимаю, что ты обижена на меня, – вернула взгляд, – но давай договоримся: ты молчишь о том, что видела, а я...

– Можешь не переживать, мне нет до тебя и твоих...

Я запнулась, тоже оглядываясь, но на нас никто не обращал внимания, разве что её подстрекательница глазела молча со своего места.

А потом вошла Кора, и Тисса склонилась ещё ниже:

– Знай, если разболтаешь, я тебе такое устрою – пожалеешь, что родилась, втопчу в грязь, и твоему сыну за тебя будет очень стыдно.

Меня как кипятком обожгло, сжав кулаки, я глянула на прачку исподлобья, а та, бросив на меня тяжёлый взгляд, поспешила подняться и отсесть подальше. Кора смерила меня пристальным сердитым взглядом, потом уронила его на Тиссу, но уже смотрела более снисходительно.

Вдохнув, глубоко успокаиваясь, я уткнулась вновь в чашку, схватившись за ложку. Так, Грез, не кипятись. Умом я понимала, что Тисса живёт в замке больше, чем я – с детства, как уже успела понять из разговоров – и всё, что пригрозила, исполнит легко. Её все знают достаточно хорошо, а мне навряд ли кто поверит. В любом случае Тисса вывернет всё, как выгодно ей. Но мне и безразлична она, поэтому её слова я быстро выкинула из головы. Мне не за что переживать, и Марсу далеко от меня...

Больше прачка не пыталась со мной говорить. Да и о чём? Всё уже и так было сказано, хоть в чём-то наладилась стабильность...

...Натаскавшись за день воды и тяжёлых мокрых ковров, я вконец вымоталась, даже ужин пропустила. Едва добрела до комнаты и, взяв полотенце, пошла в купальню смыть всю тяжесть, пока все остальные на кухне, и наверху царили покой и тишина, в чём я сейчас очень и

нуждалась. Наполнять деревянную лохань горячей водой не стала – руки совершенно не поднимались. Скинув с себя рабочее, обмылась из ведра. Вернулась в комнату разомлевшая и размякшая от горячей воды, принялась вытираться, и, кажется, голова была совершенно пустой, но за усталостью пришла тоска.

Как там Марсу? На глаза навернулись слёзы. Как же мне его не хватало! В груди защемило. За мыслью о брате я не заметила, как отворилась дверь, скрипнув петлями.

– Ох, – только и выдохнула, хватаясь за полотенце, прикрывая им обнажённую грудь, повернулась и облегчённо выдохнула, когда увидела Кору. И в самом деле, кто ещё может сюда зайти? Она небрежно оглядела меня с пят до головы и бросила:

– Собирайся, там за тобой опять пришли.

Я растерянно моргнула ресницами.

– Кто пришёл? – вырвалось само по себе.

Кора хмыкнула.

– Господин послал за тобой.

– Он вернулся? – сердце заколотилось молоточком.

– Хватит болтать, собирайся быстрее. Сама узнаешь, – начала сердиться старшая прачка и, резко вздёгнув круглым подбородком, прошла к своей постели, стягивая с волос платок.

Я отвернулась к стене и принялась одеваться. Натянула на ещё влажное тело сорочку, с первого раза не попадая в рукава, поверх – своё зелёное платье, которое выстирала и выгладила ещё позавчера. Расчесав и собрав ещё влажные волосы у висков, заколола на затылке гребнем, оставив струиться по спине. Вышла из комнаты.

Внизу меня ждал тот же мальчишка-прислужник. И пока мы шли к замку, у меня сердце едва не выскочило из груди, а руки такая дрожь проняла, что я не могла пальцы в кулаки сжать. Не думала, что так скоро вновь понадобится ему.

Помоги мне, Светлая Мать.

Не успела я призвать богиню, как прислужник раскрыл передо мной нужную дверь. Я затравленно глянула на своего провожатого, а мальчишка вдруг ободряюще улыбнулся и даже подмигнул, подстегнув быстрее войти. О Боги, и что они все про меня теперь думают?!

В комнате, как и прошлый раз, стоял полумрак, горели на камине несколько свечей в тяжёлом подсвечнике, тлели дрова, погружая

сидевшего в кресле Мортон в золотистый свет. Взгляд мужчины был устремлён на меня. Блики от очага искажали его черты, делая их и взгляд зловещими, тёмными, жгучими. На его лице не было повязки, она лежала вокруг шеи. Амгерр оглядел меня с головы до ног внимательно и придирчиво, а я и пошевелиться не могла, словно заледенев. Мужчина поднялся, при этом выдохнув как-то тяжело, направился ко мне. Моё дыхание учащалось с каждым его шагом. Он неторопливо приблизился, окутывая жаром своего тела, источающим приятный крепкий запах, от которого у меня, как и прошлый раз, туманилось в голове. Амгерр посмотрел свысока, хмуря брови, уголки губ вытянулись и чуть припустились в суровую линию. Я опустила свой взор, сбрасывая оцепенение. Интересно, он когда-нибудь улыбается?

– Вы меня звали, господин, – пролепетала, кажется, снова повторяясь, прикусывая заплетающийся язык.

О, Светлая, и что же со мной такое? Надо поскорее взять себя в руки, да только как? Невозможно находиться рядом. Невыносимо.

– Звал, раз ты здесь, – наконец, ответил он. – Надеюсь, ты успела подумать обо всём и глупостей больше не натворишь.

Я вскинула на него взгляд, раскрыла губы, чтобы ответить, что не хотела этого, что это вышло случайно. Но в прошлый раз он мне не поверил, не поверит и в этот. Сжав губы, с досадой мотнула головой, вновь опуская взгляд. Никогда не думала, что меня может так трясти перед мужчиной. Хотя с наследником короля мне ещё не доводилось разговаривать и уж тем более стоять вот так близко, на расстоянии меньше вытянутой руки. Да и, что говорить, слишком он отличался от тех мужчин, которых я привыкла видеть.

Мортон вдруг глянул поверх моей головы и, отступив, обошёл меня сзади, направился к выходу. Я в недоумении развернулась, проследив за ним.

– Иди за мной, – приказал он, раскрывая дверь, вышел, придерживая её.

Сглотнув сухость, двинулась с места, на ослабших ногах поспешила выйти.

Мортон направился дальше по переходу, и я послушно шла за ним, думая обо всём на свете. Куда он меня ведёт? Зачем? Что хочет сделать? Целая мешанина образовалась в голове и в душе, прежде чем

мы взошли по лестнице и оказались перед входом в другие покои. Снаружи так же никого не встретили, и я уже не сомневалась, что старший наследник живёт в замке один.

Амгерр раскрыл дверь, впуская меня внутрь. Я прошмыгнула мимо него, стараясь не задерживаться рядом с ним. Может, зря я так безропотно подчиняюсь ему? Может, нужно сопротивляться? Бороться? Требовать? Только вот внутреннее чутьё подсказывало, что сделаю этим только хуже себе. И Марсу, жизнь которого осталась в распоряжении этого бездушного мужчины.

Облегчённо выдохнула, по крайней мере, это была не комната для пыток. Ничего угрожающего для жизни. В просторном каминном зале было намного свежее. В двух стрельчатых окнах видно только ночное небо, подсвеченное уличными многочисленными пламенниками. Никакой вычурной роскоши, кроме пары резных массивных кресел и медвежьих шкур на полу.

Стеснённая молчанием Амгерра, я чуть сжала плечи. Он прошёл вперёд к холодному камину, который, видимо, разжигают не так часто, чем каминны в нижней части замка, остановился, глянув чуть за плечо, поворачиваясь нетронутой проклятием правой стороной лица. Внутри моего живота что-то сжалось и занемело. Какие же мужественные черты он имел, недаром сердца служанок волнует. Мои щёки тут же вспыхнули – столь обжигающий был его взгляд, когда он вскользь полоснул меня им. О, Светлая, о чём я опять думаю?!

– Здесь буде гораздо лучше, чем в тесноте, – ровно произнёс он, поворачиваясь ко мне всем корпусом, срывая с рук перчатки.

А я и не заметила, что он был в дорожной одежде для верховой езды.

– Но прежде... – нахмурился ещё строже, ударив по ладони вместе сложенными перчатками, – ...давай с тобой договоримся кое о чём, – бросил пронизывающий взгляд.

– Договориться?

– Именно, – Амгерр отложил перчатки на высокую спинку кресла и усталым шагом приблизился ко мне – видимо, дорога была трудной. – Ты помогаешь мне избавиться от проклятия, а я помогу тебе скрыться. Тебя никто никогда не найдёт. Мои люди доложили, что на тебя началась охота – тебя заметили. Поэтому ты должна понимать, что тебя скоро выследят.

Я раскрыла губы, беззвучно глотая воздух, повторяла про себя его слова. Пока их смысл не дошёл до меня основательно, пронизав иглами. Холод прополз по спине змей. Плотно сомкнула губы, в ушах зашумело, голова резко закружилась. Ищут? Меня? Он серьёзно или запугивает?

Но Мортон был неизменно суров и серьёзен. Ни намёка на издёвку и шантаж.

– Так что ты скажешь?

– А Марсу? – пролепетала с замиранием.

– Если захочешь, он может вернуться к тебе, но я всё же считаю, что он должен оторваться от женской юбки. Ему ничего не угрожает.

– Нет! – почти выкрикнула я и тут же закусил губу: не пристало повышать тон на господина такой, как я. – Нет, – мотнула головой, – я хочу, чтобы он остался со мной, – сказала более спокойно, хотя внутри сердце сжималось от страха.

– Твоё дело, – бросил, – но только после того, как снимешь проклятие.

Твердь подо мной пошатнулась, я будто разбилась о камни. Как его снять, я даже не представляла, но то, что он предложил, было моим спасением. Я и мечтать о таком не могла, каждый день был для меня полем для сражения: думала, что мы будем есть сегодня и завтра, где будем жить, и как не потерять работу, чтобы не остаться на улице и не быть пойманной в сети. Волнение нарастало вместе с сомнениями. Амгерру, кажется, удалось первому поймать меня и утащить в своё логово. Но если он предлагает свободу, то быть добычей охотников и обречь себя на неизвестность, если не на смерть – этого мне уж точно не хотелось. Нет! Голова закружилась ещё сильнее. Мортон наблюдал за моим смятением и метаниями, безучастно ожидал ответа. О, Светлая Мать, если это ловушка, то...

– Хорошо, – произнесла, больше не медля, чувствуя, как сжимается горло, – я попробую, но не могу сказать, что у меня получится.

– Тебе придётся постараться, Грез, – отсёк право выбора.

Мортон отвернулся и прошёл к креслу, опускаясь в него. Я безропотно поплелась за ним, вставая, как и в прошлый раз, позади него. Амгерр передёрнул плечами, но не сказал ничего.

Обратилась внутренним взором сначала в себя, заставляя уняться сердце и дышать ровнее. Непростая задача, когда обрушилась такая непосильная тяжесть. Сложнее всего было привести мысли в порядок. В тишине оглядывая затылок, плечи и руки мужчины, что покоились на подлокотниках, пыталась отгородиться от всего постороннего. Отрешиться от переживаний и чувств. Даже удивительно, как удалось? Так или иначе, я смогла сосредоточиться – наверное, меня всё же загнали в угол.

Прикрыла веки, выставляя ладони вперёд, не касаясь затылка. Уже вскоре ощутила, как огонь толчками полился к ладоням, отяжеляя до лёгкого покалывания и жжения кожу. А потом в меня хлынула тёплая волна. Она полилась ко мне через ладони к плечам, опустилась вглубь груди. Видимо, это были жизненные токи Мортон, его сила, тягучая, упругая, мощная и чистая, она была ключом и была свежа, как родник.

Стараясь больше не отвлекаться на это, я позволила ей течь через меня, следом не задерживаясь: такой переизбыток чужой жизненной силы мог быть лишним и непосильным для меня. Другая бы, более опытная, воспользовалась ей в нужном для себя русле, черпая, как из реки. Вспыхнула и погасла мысль о том, что Амгерр слишком доверяет мне. Следов проклятия я не видела, не чувствовала. Чуть качнувшись и втянув в себя воздух, я собралась и пустила свою сущность навстречу токам – возможно, нужно опуститься чуть глубже, пробраться в чужие границы, и, конечно, не касаться того, чего не позволено.

Я будто погрузилось в бездонное море, уходила всё глубже и глубже, ощущая, как меня обволакивало со всех сторон плотным, как хлопок, теплом. Перестала слышать окружение, растворяясь в пространстве. И тут сквозь пелену я увидела, что Мортон весь оплетён чёрными нитями, как будто в кокон. Страшные, уродливые щупальца шевелились, стягиваясь, едва заметив меня, ещё плотнее, зажимая жертву в тиски.

Меня объял животный ужас. Рванулась назад, и чёрный поток устремился за мной. Но я жёстко ударила, отсекая от себя проклятие, а следом слух прорезало болезненное шипение мужчины. С душастым криком рванулась наружу. Отшатнулась, только и успев всхлипнуть, но удара от падения не последовало – сильные руки мягко перехватили за пояс. Тьма заволкла голову, и я больше ничего не почувствовала.

Из горла полился глухой стон. А в следующий миг я поняла, что кто-то сжал мои плечи и хорошенько встряхнул. Беспощадно и жёстко пытался привести в чувство. Всё тело ломило, и я вновь простонала, желая снова утонуть в небытие, да только не получалось. Почувствовала твёрдую поверхность и чужое дыхание совсем рядом.

– Очнись же, – грозный тон ворвался в меня, протрезвонив в голове, в то же время знакомый глубокий голос заставил затрепетать всё внутри. – Грез, – тревожное дыхание коснулось кожи подбородка. Горячая ладонь обхватила лицо почти заботливо. —

Хватит уже притворяться! – прорычал зло.

Притворяться? Вспыхнувший гнев заставил пошевелиться. Тяжело вскинула руки, пытаюсь вывернуться из крепкой мужской хватки, невольно коснулась горячей шеи и шёлковых волос. Запах черёмухи наполнил грудь, и я потянула его в себя глубже с какой-то жадностью. Аромат цветущего сада и горячего ветра потревожили и взволновали, как и то, что дыхание стало ближе, касалось губ неровными толчками. Безрассудно захотелось испить его.

Я потянулась всем естеством навстречу этому будоражащему источнику, такому сильному, яростному, от которого моё тело безвольно слабело и трепетало. Пронизав волосы пальцами и сжав, слепо прильнула губами к горячим сухим губам. Дыхания тут же схлестнулись, сплетаясь в одно. Горячий рот требовательно вжался в мой. Губы мужчины порывисто заскользили по моим, он выдыхал шумно, рвано. Я чувствовала на языке опьяняющий вкус креплёного вина. Сильные пальцы вдавились в плечо жёстче, разгоняя по телу волны томления, заставляя его звенеть и делаться гибким, требуя продолжения, подчиняясь. Но Мортон вдруг прервался, а я готова была заплакать, лишь бы он продолжил. Амгерр сдавил мои плечи до боли, так что я всхлипнула. Со злым рыком он отстранился, выпустив меня из рук. Я рухнула на твёрдую поверхность и распахнула влажные глаза.

Амгерр стоял рядом, нависая надо мной тёмной глыбой. Свет от горевших свечей освещал каймой его статную фигуру, широкие плечи и грудь. И только в тени глаз сверкал лёд: он меня напугал больше, чем уродливая сторона лица. Как ни странно, Мортон не злился. Лишь равнодушные холодной тенью падало на него. Тяжёлое дыхание, плохо сдерживаемое возбуждения, хищный голодный блеск в глазах с долей

растерянности ввергли меня в замешательство. Видение растворилось так же внезапно, как и появилось, когда Амгерр в следующее мгновение приказал:

– Вставай, – бросив хрипло, отступил, направившись к камину.

Только когда он отошёл, я смогла выдохнуть и тут же вспыхнуть, встрепенувшись. За долю мгновения осознала всё то, что только что произошло. Растерянно заморгала, вцепившись в край низкого ложа. О, Боги! О, БОГИ! Что я сделала?! Во рту всё пересохло, но терпкий вкус его губ жёг язык, напоминая явственно о случившемся. Спустила ноги на пол, невольно коснулась пылающих губ. Какой стыд! Я глянула на Амгерра, что стоял спиной. Его плечи напряжённо приподняты, весь он обратился в гранитный слиток.

Как это получилось? Как я могла? Что он теперь подумает?!

– Я так понимаю, ты снова берёшься за своё?

Хотелось выкрикнуть – я не знаю, что на меня нашло, но только разозлю господина этим ещё больше. Обида вдруг подкатила к горлу – почему я должна чувствовать себя виноватой? Я ведь не сделала ничего такого.

– Ничего бы не произошло, если бы вы оставили меня в покое, – бросила я и тут же пожалела, когда Мортон вдруг резко повернулся, а я вздрогнула даже.

В глазах клубилась тьма, желваки на скулах напряжённо прокатывались. Я вполне могла понять Амгерра, это всё выглядело как провокация. Чистой воды. Падение в обморок и попытка соблазнения.

– Если ты думаешь, что тем самым можешь что-то добиться...

– Что бы вы ни думали, – прервала его, – я не притворялась. – Скулы и уши запылали ещё больше, и я всё же опустила взгляд, сгорая от стыда до самых корней волос. – Я увидела проклятие, оно очень сильное, мне нужно время, чтобы справиться с ним, – задыхаясь, проговорила, голос выдавал волнение, слёзы подступили к глазам.

Он ведь может передумать, выставить меня вон, в когти преследователей. Страх и отчаяние о грядущем связали по рукам и ногам.

– И, в конце концов, – поднялась резко, чуть пошатнувшись от притока крови, – я устала, я целый день сегодня чистила ковры, не разгибаясь! – всё же сорвалось, подступая к грани дозволенного.

Стало вдруг жаль себя. Этого только не хватало! Сжала губы и отвернулась резко, чтобы Амгерр не видел моего лица. Слезы брызнули из глаз, жгучая обида колола шипами. Никогда ещё я не плакала перед мужчиной. Никогда. Даже когда умоляла Дрио дать мне работу, когда мы с Марсу остались под открытым небом, я не проронила ни слезинки! А тут... Просто не смогла сдержаться, остановиться, это было не под силу мне. Что-то надломилось и ранило, его ядовитые слова, холодный непреклонный тон, недоверие во взгляде и какое-то пренебрежение. Как можно быть таким чёрствым сухарём!

Сквозь всхлипы я не расслышала шаги за спиной, почувствовала, как он встал рядом. Я отвернула лицо, прячась. Он схватил меня за плечи и резко развернул к себе. Никогда ещё не видела столь разных чувств, что сейчас выражали его глаза: гнев, смятение, недоверие, интерес, беспокойство. Амгерр обвёл меня взглядом, скользнув на губы, и опустил ещё ниже, перехватил моё запястье и развернул ладонь, глянул на неё. Я в оцепенении даже плакать перестала, не понимая, что он хочет сделать. Дёрнулась из хватки, и он не стал держать, выпустил. Отбежала в сторону, дыша часто и затравленно.

– Иди к себе, – вдруг приказал он, – поговорим завтра. Иди! – рыкнул.

Я встрепенулась и, развернувшись, как ужаленная ринулась к выходу, не желая больше задерживаться рядом с ним ни на мгновение. Не желая видеть. Это было невыносимо, невыносимо терпеть его придирчивого, тёмного, полного какого-то порока и боли взгляда. Ещё недавно ласково оглаживал меня, призывая пробудиться, страстно целовал, а сейчас гонит, как ненавистного врага. Но я не простая девушка! Он сам меня насильно притащил в свой замок!

Не успела оглянуться, как оказалась на втором ярусе жилища слуг. Сбилась на шаг, останавливаясь перед нужной дверью. В голове шумело, во рту сухо. Стараясь унять дыхание и бешено колотившееся сердце, я взялась за ручку и тихонько приоткрыла дверь – Кора и все остальные, наверное, уже спят после трудного дня, поэтому лучше не шуметь. Хотя за Тиссу я не могла знать точно.

Так и есть, внутри было темно и тихо, все спали, кроме Тиссы – её постель была не тронута. Я на цыпочках почти в полной темноте прокралась к своей, выдернула из волос гребень, положила на стол, стянула платье и повесила его на грядущку. Откинув край одеяла,

нырнула под него и укрылась с головой. Да только уснуть не могла. Меня трясло всю и знобило. Вновь и вновь я прокручивала в голове всё, что случилось, и обида заново накатывала и душила.

Мортон даже не подозревает, что меня ещё никто ни разу не целовал. Да и с чего? Он сразу поставил на мне клеймо распутницы и в этом сегодня, кажется, убедился окончательно. Хуже всего, что мне понравилось, его настойчивые твёрдые губы, его густой запах и требовательные поцелуи, лишаящие здравомыслия. Даже несмотря на его жуткий изъяс, всё внутри сжималось и замирало, а губы пульсировали и припухли от страстного скольжения.

Стиснула кулаки, со злым беззвучным рычанием ударила по подушке.

«Так, Грез, нужно успокоиться». Это всё сказалось из-за тягостного ожидания, тяжёлый день и проклятие, которое завладело Амгерром всеобъемлюще, и оно пыталось перейти на меня. Я потратила слишком много сил. В этом вся причина, а не в том, что я себе тут надумала.

Успокоившись немного, я поняла, что вела себя скверно и даже смешно. Горько усмехнулась. Разревелась перед ним и ещё наговорила всякой нелепицы.

Теперь мне стало по-настоящему стыдно. Я заелозила в постели, укладываясь удобнее, но не могла оставаться на месте, хотелось сорваться и бежать прочь от своих чувств, от замка и его хозяина.

Зачем он осматривал мои руки? Я нахмурилась. Неужели подумал, что я могла что-то взять? Ну конечно, так он и подумал. Поэтому и устроила представление с обмороком. Ну конечно, так он и подумал. Я сглотнула сухой ком. От собственных мыслей стало противно и грязно. Амгерр не доверяет мне, с самого начала я для него уличная девка, торговка, которая нагуляла себе приплод.

Вновь уткнулась в подушку и строго приказала себе спать. Иначе завтра просто не встану. Пусть Мортон катится в бездну к Тёмному Богу со своими подозрениями и неверием. Мне всё равно! Только при мысли о том, что будет завтра, меня бросало в дрожь. Он сказал, что будет разговор, а значит, встреча неизбежна, и мне нужно взять себя в руки, чтобы выглядеть стойко, хоть, конечно, после моей последней выходки это будет сделать непросто. Но я и не была неженкой, с каких пор стала ею? Я начала даже злиться, и это помогло мне уснуть.

Глава 7

– Что-нибудь ещё, господин? – служанка, поставив новый кувшин вина на столик, выпрямилась, ожидая распоряжений.

– Нет, больше ничего, – ответил, вырываясь из вязких мыслей, разминая затёкшие плечи.

Девушка замялась.

– Можешь идти, – поднял на неё тяжёлый взор.

Задерживая на мне взгляд, поклонилась, пошла к выходу. Тихие шаги удалились. Я лениво потянулся за кувшином, наливая в кубок тягучего питья, хоть до этого выпил больше дозволенного, просидев неизвестно сколько в тишине. Только это не помогло избавиться от упрямых навязчиво-смутных мыслей. Вместе с тем тело разрывала неудовлетворённость. Мне мало этого поцелуя, хотелось ещё больше, дальше.

Сделав большой глоток обжигающего питья, повернулся к двери.

– Стой, – приказал не слишком спешившей покинуть меня служанке.

– Вернись.

Девушка развернулась резко и торопливо прошла обратно, остановилась в двух шагах, как и положено прислуге, сложив руки в складках простенького опрятного платья, замерла в послушной позе, ожидая распоряжений. Я оценивающе обвёл её взглядом. Она в замке уже почти полгода, но только сейчас я заметил, что у неё тёмные волосы на прямой пробор, завязанные сзади в узел. Карие глаза и смуглая кожа выдавали в ней флеанку.

Девушка взволнованно задышала под моим пристальным вниманием.

Я поднялся с кресла, прошёл к ней. Взял за подбородок, поднимая лицо. Не глядя в глаза, склонился и впился в её губы. Служанка ахнула, ошеломлённая моим действием, но не отпрянула, задеревенела всем телом, умело отвечая на поцелуй. Её губы были такими же твёрдыми, как и тело. Губы скользили о губы, но ничего подобного, что произошло, когда касался горианки, не происходило. Не хотелось

сжать её в охапку и как обезумевшему владеть её ртом. Я отстранился, выпустив из рук невольную жертву.

– Пошла вон, – бросил, не глядя, отворачиваясь, направляясь к прежнему месту.

Смысл моих слов, верно, медленно дошёл до неё, но, всё же осмыслив приказ, служанка развернулась и прытью ринулась к выходу, пригнув голову. А я фыркнул: «Никакой изящности и женственности». Перед глазами Грез: тонкая, гибкая, как лоза, с волнисто-золотистыми чуть влажными волосами и зелёными, как тенистая роща, глазами, с мягкими чувственными губами. Тряхнул головой, испуская грудной рык. Взгляд выхватил каменную фигурку старца с орлом на плече – один из семи покровителей рода Амгерров. Семейный тотем, который был разделён по замкам.

– Я ведь хотел ей поверить. Мало того – обещал спрятать от этих псов, что охотятся на неё, – проговорил, прищурившись.

Вырезанные щёлки глаз старца выражали будто насмешку. Я сжал челюсти и отвернулся к святыне спиной. Опершись ладонями на стол, опустил голову.

Кровь шумела, по телу разливался огонь, сжигая лишнее напряжение, но только внутри было отвратительно гадко. Поднял подбородок. Взгляд упёрся в стоящую на столе фигурку богини-хранительницы с совой на запястье, искусно вырезанную из кости. Каждый изгиб вызывал восхищение. Я протянул руку и провёл по бедру прекрасной девы, коснулся отточенного личика. Перед глазами вновь возникла синяя накидка и зелёное застиранное платье на стройном теле, бледное лицо и невинный испуганный взгляд. Сердце забухало гранитом, вновь разгоняя кровь по жилам, наливая тяжёлой твёрдостью естество.

– И чего она себе позволяет? Думала разжалобить меня слезами, прикидываясь невинной овечкой? – схватил фигурку и поставил её на каминную полку, убирая с глаз. – Она оказалась такой же лживой подлой сукой, как и все остальные...

Тряхнул головой, пронизывая волосы пальцами. Ничто не помогало выкинуть её из головы. Ничего!

– ...Проклятая торговка! – зло процедив сквозь зубы, опрокинул в себя жгучую жидкость, опустошив кубок досуха.

Сглатывая подкативший ком, отставил его, прижал запястье к носу, скривившись в кисло-горькой гримасе. А когда открыл глаза, в голову ударил жар, и всё поплыло. Как бы ни скверно было признать, но я хотел её, хотел ощутить под ладонями гладкость кожи, вдыхать запах тела Грез. Она всё же сделала что-то мне. Наложила своими тонкими нежными истёртыми мозолями пальчиками какой-то морок. Сколько мужчин её касались, и целовали эти губы? Ревность кольнула тупым ножом. Я рассмеялся.

– Кажется, нужно отправляться спать, – пробурчал себе под нос, затихая.

Сощутив глаза, глянул в окно. Туманное, холодное небо чуть посветлело. Я выпрямился и, расстегнув петли туники, стянул её с себя, швырнул куда-то в сторону. Потёр тыльной стороной ладони бровь, вновь зарычал, вспоминая горячие, сладкие, как мёд, губы. В грудь толкнулась бешеная ярость, ослепляя багряной вспышкой.

– Ну нет, Грез, сейчас ты соберёшь свои пожитки и исчезнешь из замка. Проваливай прочь! – оглушённый собственным рёвом, вылетел из комнаты, пошёл по переходу, представляя, как стащу ведьму с постели и вытолкнул на улицу. И из своих мыслей.

Минув переход, спустился по лестнице, одержимый только одним – избавиться от горианки. Вышел из арки замка во внутренний двор, направляясь к домам прислуги, распугивая своим видом служанок, которые начали выходить из своих домов. Влетел по лестнице, пронёсся по погружённому в серую полутьму переходу. Найдя нужную дверь прачек, рванул створку на себя, врываясь внутрь. Женский крик и визг оглушили на миг. Скользнул взглядом по вскочившим в постелях девкам. В тусклом свете в углу блеснули золотом волосы Грез. В два шага пересёк комнату и схватил ведьму за плечи, сжимая хрупкое тонкое тело.

– Что вы делаете, господин? – прошептала она хрипло и непонимающе уставилась на меня расширенными глазами.

– Сейчас узнаешь, – рыкнул в её губы искушаясь прильнуть к ним, выдернул из тёплой постели.

Запутавшись в одеяле, ведьма замешкалась. Схватил в охапку, потащил за собой к выходу. Покинув комнату под чужими ошеломлёнными взглядами, увлёк девушку к лестнице.

– Проваливай отсюда, ведьма, – сквозь зубы прошипел в её ушко, толкнул вперёд.

Грез полетела к ступеням, едва не упала, схватившись за перекладину, обмякла и сползла на пол. Красивое чуть сонное с ночи лицо, опутанное паутиной спутавшихся волос, побелело и заострилось. Волчицей глянула на меня исподлобья, зелёные глаза сверкнули обидой и досадой, она поджала дрожащие губы, задышала глубоко и часто. Грез приподнялась, и тонкая сорочка спустилась, оголяя плечо, открывая ложбинку между грудей. Кровь тут же ударила в пах, мышцы живота затвердели. Грез, под моим раскалённым взглядом, торопливо натянула ткань на плечи, запахнув и открывшее взгляду бедро подолом, скрывая свои стройные ножки. Проклятая ведьма и сейчас пытается воздействовать! Я стиснул кулаки, холодное равнодушие сменилось диким раздражением и чем-то ещё – до жжения опаляющим, толкнувшим сделать шаг к ней, сделать что-то, чтобы унять пожар. Грез торопливо подтянула к себе колени, вжалась спиной в деревянную решётку, гордо задирая подбородок.

– Господин! – послышался громкий мужской голос снизу.

Резко выдохнув, остановился на полушаге, оторвав от ведьмы взгляд, глянул вниз. Кто-то из слуг быстро взметнулся по лестнице.

– Господин! Важное послание от короля! – запыхавшись, протараторил, протягивая свёрток, покосившись на Грез.

Шум в голове затих, но сердце продолжало стучать камнем. Забрал свиток с восковой печатью герба Амгерров – очертания замка Обиртон с четырьмя башнями и главными воротами.

– Когда пришло? – спросил, ломая печать одним движением пальцев.

– Только что, господин, передали, что послание срочное, и я сразу бросился искать вас.

Какая срочность? Только ведь был у отца? В голове мешанина, нехорошее предчувствие прошлось колючим льдом по разгорячённым плечам, проясняя мысли.

«Жду твоего визита в Обиртон по случаю приезда семьи Бертлотов. Реднайра будет тоже...»

С шумом выдохнул, сцепив зубы. Не дочитав, смял в кулаке пергамент, глянув на так и сидевшую на полу Грез. Она смотрела на

меня затравленно и стыло, будто перед ней самый лютой враг, не решалась даже шевельнуться.

– Возвращайся к себе, – велел ей, – разберусь с тобой позже, – шагнул к лестнице, обходя ведьму, спустился вниз, покидая дом.

Вернувшись в каминную комнату на нижний ярус, рухнул в кресло. В висках стучала кровь, в глазах темнело, напряжённая плоть тяжелела болью. Руки всё ещё ощущали стан девушки, а перед глазами стояло её бледное взволнованное лицо с большими блестящими глазами. Зло ударил кулаком по подлокотнику и тут же наткнулся взглядом на платок, который ведьма оставила здесь. Сорвав его с каминной полки, поднёс к лицу, вдохнул душистый запах трав и тонкий, нежный, цветочный запах её тела. Смял и бросил обратно на полку. Меня приводило в ярость та правда, что она везде: в моём замке, в мыслях, моих снах. Лишила покоя, заставляя задыхаться и желать её.

Уходя от назойливых мыслей о горианке, рывком раскрыл свиток, в котором было всего две строчки. Я смотрел на них помутившимся от возбуждения взглядом, а внутри разливался жар недовольства. Смял пергамент и бросил в огонь.

Так и знал, что неспроста отец заговорил о Реднайре. Проклятье. Зачем он это сделал?

Я уже хотел подняться и оправиться к столу и написать отцу, что не приеду, пусть один принимает своих гостей, но тут же откинулся в кресло обратно, запрокинув голову на спинку, закрыл глаза. Лучше отложить это и сначала хорошенько проспать.

Мысли о Грез вновь поползли в голову, распыляли и жалили ядом. Этой ведьме удалось вывернуть меня наизнанку.

Тяжело поднявшись с кресла, отправился в покои. Ввалившись в прохладную комнату, рухнул на кровать, опрокидываясь на спину, закидывая руку за затылок, закрыл веки. Всё вертелось перед глазами, бешено колотилось сердце. Я был в смерть пьян, чего раньше не случалось давно, даже в самые тяжёлые времена в своей беспросветной жизни.

Не помнил, как провалился в тревожный сон, но когда проснулся, проклял всех тёмных. Голова трескалась на осколки, нещадно ломило виски, во рту жуткая сухость. Проведя ладонью по затёкшей шее, приподнялся на постели, ища взглядом кувшин с водой.

– Вот, господин, возьмите.

Повернул голову на голос. Сквозь муть разглядел ту черноволосую служанку. Поднялся тяжело, взяв кувшин из её рук, припал надолго к краю, делая жадные глотки, и когда оторвался, служанка всё ещё стояла на месте, глаза с любопытством и придыханием. Вложил в её руки кувшин, отошёл и выглянул в окно, прищуриваясь после полумрака комнаты. Солнце едва только поднялось над высокими крепостными стенами, близился полдень. Смутные воспоминания полезли в голову, о том, как ворвался в комнату прислуги и вытащил Грез из постели. И...

– Где Грез? – спросил твёрдо, повернувшись к служаке.

Девка, вздрогнув, хлопнула глазами, будто не поняла, о ком спрашиваю, но быстро спохватилась.

– Грез, та новенькая? Она сейчас в стиральне, господин.

– Принеси мне свежую одежду. И приведи Грез ко мне.

– Кого? Прачку? – удивлённо переспросила.

– Ты не ослышалась. Живее.

– Слушаюсь, господин, – помрачнев, присела быстро в почтении и бросилась к двери.

А я отправился в купальню. Хотелось поскорее вылить на себя не один ушат ледяной воды и очухаться.

Глава 8

Бросив бельё в лохань, я привалилась к стене и прикрыла веки. И тут же вздрогнула, когда передо мной вновь возник пожирающий, как огонь, взгляд Мортонна Амгерра. Не укладывалось в голове это его ночное буйство. И его слова «Проваливай, ведьма» стегали по открытой ране, словно удары плетью, оставляли саднящий след. Он хотел выгнать меня! Прямо ночью, в одной сорочке! И сделал бы это!

Внезапные вспышки обиды глушили злость. Я ведь не сделала ничего плохого, чтобы со мной так обращались. Он обращался. Но обида снова уходила, вытесненная негодованием: не будь я связана по рукам и ногам, ушла бы сама, не задерживаясь.

Потёрла ушибленное плечо, которое ныло весь день, напоминало каждый раз холодный блеск в глазах Мортонна, когда он выдернул меня из постели и вытолкнул из комнаты. Всё это проносилось смерчем, заставляя меня вновь и вновь пережить случившееся и тревожиться ещё больше, что он снова ворвётся и всё же выставит меня вон. Он ведь обещал разобраться со мной позже! Но ещё обещал спрятать, если помогу.

Закусила губу. Я ведь до сих пор не смогла ничего. Шумно выдохнула. И что на него нашло? Стиснула в пальцах складки юбки. Он ненавидит меня. Ненавидит кровь горианцев, что течёт во мне. Мне нужно быть впредь очень осторожной и не натворить новых глупостей.

Если бы это было так просто!

Посторонний шум вытолкнул меня из задумчивости. Открыла глаза, посмотрела на двор, где собрались прачки, поглядывая в мою сторону, кривя губы в едких насмешках.

После того как Амгерр ушёл, весь дом поднялся на уши. Хотя как поднялся... Все молча тыкали в мою сторону пальцем и посмеивались, ожидая, когда господин выдаст своё решение прогнать меня. Если раньше меня никто не замечал, то теперь я стала причиной для безуданных пересудов.

Я потёрла шею, на которой проступила испарина. Сегодня особенно душно. С каждым днём всё ярче зеленели деревья и трава,

цвели яблоны, разнося по двору сладкий запах нектара, жужжали пчѣлы. Жаль, что в полной мере не могла этим наслаждаться.

Выдохнув тяжко, вновь взялась за бельѣ, иначе от Кору можно получить шлепок полотенца по спине или затылку, а злить еѣ сегодня мне не следует. Моѣ положение в замке и так слишком удручающее.

Суеты во дворе стало больше. Услышав, как кто-то произнёс моѣ имя, подняла голову, видя, как Тисса указала в мою сторону, и одна из служанок замка, кажется, по имени Айлот, черноволосая тонкокостная девушка, направилась твёрдым чуть резковатым шагом ко мне.

Я вся вытянулась, замирая. Сердце застучало где-то в горле, в глазах потемнело.

Служанка, приблизившись, оглядела придирчиво, смотря на меня сверху. Да и с чего бы ей не разглядывать, когда за мной в комнату прачек пришла не стража, а сам господин, чтобы прогнать.

– Бросай бельѣ и ступай к господину в каминную комнату. Он зовѣт тебя, – бросила вызывающим тоном, высокомерно приподнимая подбородок, развернулась и пошла со двора.

Они все уже видят, как я с позором покидаю замок.

– Ну вот и всё, Грез, сейчас тебя выставят вон, и ты пропала, – буркнула себе под нос.

Кровь отлила от лица, пальцы заledenели от мысли, что я больше никогда не увижу Марсу.

Я медленно выдохнула, опустив взгляд в поблѣскивающую на солнце воду. Бросив ткань в бадью, поднимая тучу брызг, вскочила на изрядно затѣкшие ноги, стянула передник. Швырнув его на лавку, пошла к дому. Дорогой думала о том, что скажу, как стану умолять господина не выгонять меня и дать ещё одну попытку.

В сумбурных раздумьях я даже не заметила, как оказалась перед злосчастной каминной комнатой. Задержалась, перебирая складки юбки, унимая разбушевавшееся не на шутку волнение, даже сердце замедлило бег. Боги, нужно было подумать раньше, что сказать, но теперь уже поздно.

Втянув в грудь больше воздуха, подняла руку и тут же сжала в кулак.

Ну нет, с меня хватит! Я не позволю с собой так обращаться! Мне надоело идти у этого бездушного сухаря на поводу! И мне плевать, что

он скажет и сделает. Я больше не хочу так – быть вещью, которую так легко можно выкинуть! Я не вещь и не служанка!

Толкнула дверь, решительно шагнув в комнату.

Я нашла его стоящего у окна. Мортон даже не повернулся, когда по комнате пронёсся сквозняк. Стоял спиной, опершись ладонью о подоконник, неподвижно смотрел вдаль. Напряжённые плечи, согнутая спина, голова чуть опущена – вид его был каким-то подавленным. Внутри меня что-то пошатнулось, но я тут же одёрнула себя, медленно приблизилась, будто дикий зверёк, который хочет наброситься на спящего хищника. Он и был хищник. Я не знала, как он поступит в следующий миг, что сделает, скажет. Рядом с ним невозможно быть расслабленной.

– Я пришла, – громко объявила, вкладывая в свой голос всю твёрдость, хоть сердце билось трусливо быстро.

Мортон чуть вздрогнул. Наверное, и в самом деле не услышал, как я вошла. Видимо, так захватили собственные раздумья. Он неспешно повернулся. А я задержала дыхание, когда меня полоснул хмурый взгляд мужчины.

– Что вы хотели? – сжала кулаки, унимая колотившее волнение.

О, Светлая Мать, и почему мне так трудно это говорить? Говорить таким резким холодным тоном.

Амгерр приблизился, останавливаясь в шаге от меня, давя своим свинцово-стальным взглядом. Чёрные росчерки бровей сходились на переносице, делая его взгляд ещё ненастнее, ещё опаснее. Я почувствовала, как закружилась голова, едва только уловив его запах, вспоминая – совсем не то – вчерашний поцелуй, требовательные губы, жар дыхания...

– Если вы собираетесь меня выгнать, то не стоит утруждаться – я уйду сама, мне не нужно от вас ничего, обойдусь без ваших обещаний. Только сначала... – приподняла подбородок, смотря прямо в глаза Амгерру, не замечая его уродливых борозд на коже лица, – ...верните мне моего... ребёнка! – выпалила на одном дыхании и тут же прикусила язык: ну вот, сейчас обрушит на меня своё ненастье.

Тишина зазвенела стальным гулом, мгновение растянулось в бесконечность, за которое я успела проститься с жизнью – таким мучительно-тягостным оно было. Складка между бровей Мортонна

расправилась, в серых глаза мелькнуло удивление, но оно тут же пропало, и на лицо вновь напозла вечная строгость и мрачность.

– Всё, что было утром – забудь, – произнёс, наконец, чуть хрипло, – и не обижайся – я был пьян. Не хотел тебя пугать, извини.

Я так и захлопнула рот, заморгав растерянно, и тут же стало безумно стыдно за свою жёсткость, что щёки прижгло, будто раскалённым сплавом.

Амгерр запустил пальцы в чуть влажные – видно, после купания – волосы, зачесав их, оставляя лёгкую небрежность, посмотрел на камин. А я не могла поверить, что он испытывает неловкость за вчерашнее. Это выбило из равновесия окончательно, но я тут же вспомнила о своём намерении – не сдаваться так просто. Вспомнила, как он грозил расправиться с каждым, если я не исполню его приказа.

– Позвольте мне увидаться с Марсу, – вырвалось у меня совсем другое.

Мортон ухмыльнулся, будто наперёд знал, что я воспользуюсь случаем и потребую что-то взамен, хоть я не искала выгоды – так вышло. Вернул на меня взгляд, посмотрев внимательно, раздумывая.

– Хорошо, но только не сегодня.

Я чуть не подпрыгнула с радости, которой не было предела, меня будто подхватило волной, головокружительно приподнимая над полом. Неужели я смогу расспросить Марсу обо всём, прижать к груди, услышать родной голос?! Предчувствие скорой встречи разливалось по телу стремительно, плескалось где-то в груди, я едва могла сдерживать себя, чтобы не расплыться в улыбке от радости и не броситься благодарить, вовремя вспоминая, что это он забрал маленького брата у меня безжалостно и жестко. Старалась не показывать взыгравшего волнения, но Амгерр, кажется, видел меня насквозь, вновь посуровел, и во взгляде блеснуло что-то острое, колкое, будто чужая радость причиняет ему боль, хоть и не видел её. Неужто... ревность?! Ведь он же думает, что Марсу мой ребёнок от мужчины, которого у меня и не было. Но разве это должно беспокоить господина? Что бы это ни было, он заставил испытать неловкость и даже укорить себя за излишнюю эмоциональность.

Мортон отступил, отвлечённо скользнув взглядом по заставленной вещами полке, взял что-то и протянул мне.

– Кажется, это твоё.

Мои щёки вновь вспыхнули, заставляя заново испытать стеснение, вспоминая тот миг, когда я коснулась сокровенного этого мужчины. Как же глупо вышло. И тот поцелуй сделал меня уязвимой. Я быстро забрала платок из пальцев, стараясь не касаться его.

– Спасибо, – ответила глухо, запоздало выразив признательность, только не за потерянную вещь, за то, что я смогу увидеть брата.

Мортон вновь отвернулся, но я успела уловить в его взгляде и на губах горечь.

– Мой отец зовёт меня к себе в замок... – произнёс вдруг, коснулся статуэтки на каминной полке, и я невольно залюбовалась его красивыми пальцами, украшенные перстнями из голубого серебра. Мужские руки такие изящные и сильные одновременно, крепко державшие оружие, они внушали защищённость.

– У нас намечается важное... событие. Мне очень нужно, чтобы ты сделала что-то с проклятием.

Мышцы лица застыли, дыхание застряло в груди. Мою радость сдуло будто сквозняком, возвращая в липкие путы моего незавидного положения.

– В прошлый раз, я так думаю, ничего не вышло... или всё же ты что-то увидела?

– На вас сильное проклятие, господин, – проговорила поникшим голосом. «О, Грез, ну нельзя же быть такой открытой и очевидной», – полагаю, соткано не за один год, – проговорила я, сжимая в пальцах платок. – Мне нужно кое-что у вас узнать, это поможет мне.

– Спрашивай, – почти не раздумывая, позволил он.

Я облизала сухие губы, быстро перебирая слова, чтобы спросить и не зайти за рамки дозволенного.

– Как давно на вас проклятие? Есть ли ещё в вашем роду те, кому оно передалось? И как оно проявилось?

Взгляд Амгерра стал мгновенно холодным и непроницательным, будто я вновь коснулась того, чего не должна. Мне стало не по себе от его напряжения, такого, что, кажется, воздух вокруг заискрился. Но я должна была спросить, должна понять, с чем мне предстоит бороться! Мортон испытывал молчанием, оглядывал меня так внимательно, что по спине побежали мурашки. Я смотрела ему в глаза, боясь, что он сейчас прогонит меня и передумает, не позволит встретиться с Марсу.

– Простите, я не должна была...

– Оно пришло в наш род, когда мне было тринадцать, – заговорил, перебивая, – я плохо помню то время. Следы проявлялись постепенно. Проклятие коснулось не только меня – ещё нескольких человек нашей семьи.

– Кого именно? Они являются прямыми родственниками?

– Одна из них женщина, жена отца, Лиоцин – её первой тронуло, но оно ушло, видимо, проклятие действует на крови, – Мортон зло усмехнулся, погружаясь в раздумья, глаза его блеснули раздражением.

– Получается, первой была она, королева Лиоцин?

– Не знаю, – качнул головой, – наверное, насколько я догадываюсь, – голос Мортон прозвучал сталью, видимо, ему неприятно об этом говорить. – Проклятие поглотило бы меня целиком, если бы... не моя мать, которая остановила его течение.

– Лиоцин смогла его остановить? – искренне удивилась я, ничего не понимая.

– Нет. Ты всё путаешь! – рыкнул он, но тут же продолжил спокойнее: – В какой глуши ты родилась, Грез? Или ты не знаешь, что у Вальтора Амгерра вторая жена? – ненастный взгляд врезался в меня, испытывая в который раз, но Мортон, не дождавшись ответа, отвернулся вновь, бросая взгляд на резную из кости фигурку, давая мне понять, что эта тема для него болезненна.

Я так и раскрыла губы. Конечно, я слышала, что у Вальтора, короля Антхалии, не один единственный сын, но то, что у них разные матери – нет. Хотя мне до этого никогда не было дела. Я жила в своей деревушке Шадоре и горя не знала, пока нас не коснулась беда и не вынудила пуститься в скитания. И все эти разговоры о высшей власти мне были неинтересны. Не до того было. Моя скромная жизнь заставляла думать о том, где найти пропитание и крышу над головой.

«Боги, знала бы я тогда, что попаду в руки одного из наследников самого короля, в жизни бы не поверила».

– Значит, она... смогла остановить?

– Но не убрать окончательно. Есть ещё вопросы?

Я торопливо мотнула головой, изрядно поизмаяв в пальцах платок.

– Нет, господин, это всё. Мне нужно подумать.

Амгерр вдруг шагнул ко мне почти вплотную.

– Думай, Грез. У тебя есть время до вечера, – произнёс он почти шёпотом, окутывая мои губы тяжёлым дыханием.

Удар сердца. Ещё один. Время будто застыло, как и сам Мортон, который вдруг сам оказался в невольном плену. Потемневший взгляд серых глаз скользнул по моему лицу вниз, остановился на губах. Под тенью ресниц полыхнул раскалённый огонь. Амгерр склонился. Я встрепенулась, отвернув лицо, не в силах выдержать этой опасной обжигающей тесноты.

– Позвольте идти, господин, – попросила, вкладывая в голос твёрдость и холодность, стискивая сильнее в пальцах платок.

Он не спешил с ответом, будто намеренно насмехался. Но шумный вдох и выдох говорил о его напряжении. Его дыхание внезапно коснулось шеи и сбило с толку окончательно. Я прикрыла веки, едва не позволив себе забыться, отдаться сладкой истоме, что залегла внизу живота, ослабляя всё тело против моей воли.

– Иди, – низко и как-то сдавленно проговорил, выпуская.

Сдвинулась тут же с места, не оборачиваясь, сбивчивым шагом пошла к двери, дальше от душившего жара и близости Амгерра, чувствуя на себе его ненастный взгляд.

И зачем он это делает? Испытывает? Чтобы вновь сорваться на мне?

Распалённая и встревоженная, я скользнула в дом, не обращая внимания на то, как кухарки косились на меня – верно, никто не ждал, что я вернусь, да ещё так скоро.

– Пришла за вещами? – фыркнула Тисса, встречая меня в дверях стиральни, преграждая путь и, кажется, не собираясь пускать внутрь, будто это её владения, – господину нужно было всё-таки ещё утром выгнать, так и знала, что он быстро в тебе разочаруется. Чем же ты ему так не угодила, что он был в такой ярости? – едко усмехнулась, перекинув через плечо тряпку, скрестила руки на груди.

Ненадолго же её хватило – держать язык за зубами. Видимо, бедолага весь день ждала, когда Амгерр позовёт меня к себе, и теперь яд так и брезжил в каждом слове прачки.

– Ты о чём? – спросила спокойно, делая вид, что не понимаю её.

Остальные прачки и кухарки наострили уши. Айлот тоже подросла, застыв в дверях с довольной ухмылкой, наслаждалась моментом. Боги, да они все только и ждали, когда я покину замок! Хотя чего уж удивляться? Амгерр не скрывает своей заинтересованности в торговке, что остальных аж наизнанку

выворачивает от любопытства, зачем господин зовёт меня к себе чуть ли не каждый вечер. И явно догадки их были не самые пристойные.

– Не прикидывайся душой, забирай свои вещи и проваливай, сюда ты больше не войдёшь! – отрезала Тисса.

Я хмыкнула.

– Да я с удовольствием. Значит, сегодня у меня будет выходной, – бросила, разворачиваясь, но уйти не позволила жёсткая хватка. Тисса сжала мой локоть и дёрнула меня назад – всё же крепкая у неё б рука!

– Какой выходной? Ты что плетёшь, торговка уличная?

А вот это было уже слишком. Я вырвала руку из её пальцев, краем глаза замечая, как женщин вокруг становится больше.

– Меня никто не выгонял. Если не веришь, можешь спросить это у своего господина сама, – прошипела, врезав в неё взгляд.

Тисса на миг оторопела, переваривая сказанное, черты заострились от распирающего негодования, она раскрыла губы, чтобы что-то выдать, но к нам приблизилась Кора.

– Что тут происходит? Почему не работаем? – старшая прачка оглядела меня недовольным взглядом, а потом метнула его на Тиссу.

Прачка, рванув с плеча тряпку, сжав её зло, развернулась резко и пошла прочь, больше не сказав ни слова, проигнорировав вопрос старшей.

– Раз пришла, иди и работай, – строго наказала Кора, проводив Тиссу и повернувшись ко мне.

Я обернулась, поймав невольно ревностный полный ярости взгляд Айлот. Кажется, у меня появилась ещё одна недоброжелательница. «Прекрасно, Грез, этого только тебе не хватало!» Только внутри меня тоже что-то шевельнулось – нехорошее и гадкое чувство. Сколько же воздыхательниц вокруг Мортонна Амгерра в замке?! Я невольно вспоминала о том ночном посыльном, который принёс известия для господина. Мортон упомянул, что у него намечается какое-то важное событие, к которому ему нужно подготовиться.

Внутри меня разом всё помрачнело, не хотелось думать, что же это за такое событие, и почему такая спешка. Выдохнула шумно. Какое мне дело до этого, главное, чтобы выполнил своё обещание.

Я отправилась к своему месту, где оставила лохань...

...Работа меня немного отвлекла, но чем ближе становился вечер, тем тревожнее было внутри, ведь от того, получится у меня снять

проклятие или нет, будет зависеть, увижу ли я брата.

Ужин пропустила, отправившись наверх, чтобы хоть немного прийти в себя и собраться. В конце концов, у меня была внутренняя уверенность, что я справлюсь, по крайней мере, теперь я знала, с чем придётся бороться. Главное, чтобы не было каких-то очередных каверз.

Умывшись и расчесав непослушные кудри, переделалась в своё зелёное платье. Заглянула в старое потёртое зеркало. За эти дни я немного исхудала, черты лица заострились, а глаза стали слишком выразительными, чтобы в них можно было что-то скрыть. Никогда не считала себя красивой, признать, я об этом даже не задумывалась. Для меня всегда было главным чистое тело, вымытые волосы и выстиранная одежда. Но сейчас пристально рассматривала себя. Не могла понять, что было во мне такого, что заставляло других женщин и девушек смотреть косо? Что Сира, которая ревновала меня к Дрио. То теперь Тисса и Айлот.

На меня смотрела обычная девушка, ну разве только глаза густо-зелёные, обрамлённые дымкой ресниц, волосы с золотистым отливом, от природы завивались, плавные разлёты тёмных бровей, тонкий нос, чуть пухлые губы и круглый подбородок.

Отвернулась от зеркала, ловя себя на том, что думаю о пустом. По телу прошла зыбкая волна, предчувствие неизвестного давило. Поскорей бы всё разрешилось.

Но Амгерр, похоже, не торопился звать меня.

Огладив складки платья и убрав за спину каскад длинных волос, я немного подумала и всё же вытащила пальцами завиток, пустив его на скулу, что придали моему виду трогательного очарования.

– И что ты делаешь, Грез? – с пытливым прищуром спросила у своего отражения. Укоризненно поджала губы. Не хватало ещё прихорашиваться! – Ты, кажется, забыла, что ещё утром он хотел тебя выставить вон с позором в одной сорочке? – быстро убрала прядь за ухо, придерживаясь строгости.

Со мной сегодня явно что-то не так – это всё сказывалось пережитое – столько всего случилось, а ведь я в Урелтоне всего три дня! Или четыре?

– Так, – принялась загибать пальцы, – два дня я чистила обувь, ещё один ковры, как раз, когда господин покидал замок, ещё день –

бельё. Точно. Четыре.

Тряхнула головой. И о чём только думаю? Прядь, будто в отместку, вновь подпружинила на щеке. Я раздражённо смахнула её с лица и глянула на дверь, но за ней тишина. Разочарование вместе с досадой полоснули. Неужели он передумал? Ну нет уж, я хочу видеть Марсу! Я уже предчувствовала, как обнимаю его и слышу голос.

Стискивая кулаки, прошла по комнате, меряя её твёрдыми шагами. Ожидание обернулось настоящей пыткой, внутри ворочалась и не давала покоя тревога, ставшая какой-то болезненной. Пройдя ещё один круг, взгляд невольно уронила на стену, где так и весела над постелью моя сумка. Я не трогала её с момента, как оказалась здесь. В ней шкатулка матери. Захотелось взять её в руки, ощутить тепло. Может, это сможет меня успокоить? Я шагнула к ней, но вдруг в створку постучали, забыв о том, что хотела сделать, бросилась к двери, отпирая, увидев за ней того веснушчатого темноволосого мальчишку.

– Господин прос...

Он не договорил. Я молча выскользнула к прислужнику из комнаты, затворив за собой дверь.

– Я готова, – повернулась.

Мальчишка озадачено мотнул головой, сердито выдохнул.

– Я не договорил, – нахмурил брови, – господин велел, чтобы вы оставались у себя.

– Как? Почему? – сорвалось с языка первое.

– Господину нездоровится.

– Как нездоровится? Что с ним?

– У господина это часто бывает... – продолжил мальчишка, замявшись, – мне идти нужно.

Не успела сообразить и побольше выпросить, как прислужник уже понёсся по переходу, оставляя меня в недоумении. Да и что я могла спросить? Просто это так неожиданно, не думала, что у Амгерра может быть какой-то недуг.

Я, вернувшись в комнату, прислонилась спиной к закрытой двери. И что же делать? Вот так всё оставить? А Марсу, как же моя встреча с ним? Было до остроты досадно, что всё оборвалось. Вновь придётся ждать.

Скользнула невидящим взглядом по стенам, сердито поджала губы. Внутри бушевали противоречивые чувства: с одной стороны – с

плеч будто груз свалился, но с другой – меня что-то тревожило и толкало. Остаться в комнате было невыносимо, да и уснуть теперь не смогу, даже усталость куда-то улетучилась.

Глубоко вдохнула и выдохнула, собираясь с мыслями, как внутри что-то щёлкнуло. Я развернулась, раскрыла дверь и выскользнула наружу. Пусть Мортон говорит, что хочет, но я на месте не останусь, доделаю всё до конца.

На лестнице столкнулась с Корой и младшей прачкой, возвращавшимися после ужина. Кора проводила меня пристальным взглядом, но не остановила. Никто мне не запрещал выходить из комнаты, и я ни перед кем не должна отчитываться, особенно после рабочего дня. Проскользнула мимо, спустилась в кухню, задержалась у двери, слышала крики и грохот посуды.

– ...И что ты тянула до ночи, Айлот?! – услышала раздражённый голос экономки, вдавилась в стену: я не видела её с того мига, как попала к прачкам, – я что, за тобой ходить по всему замку должна?! О чём ты днём думала?! Последний раз чтобы тянула до ночи! Пошли быстрее!

Из арки двери выскочила включенная служанка и, не заметив меня, ринулась к выходу. А следом вышла женщина, переваливаясь, как гусыня, последовав вслед за Айлот. И когда они скрылись, я оторвалась от стены и прошмыгнула в кухню. И тут же меня окутал травяной пар. Повариха отошла от печи, неся в руках чугунный ковш. Мальчишка-прислужник стоял в ожидании, когда женщина ловко перельёт взвар корневищ в деревянную плошку.

– Вот, неси, и это прихвати сразу, – пододвинула ещё один кувшин, покрывшийся испариной. Парень взял кувшин неуверенно и плошку.

– Давай я помогу, – тут же взялась я за поднос, приблизившись.

Повариха только бегло глянула на меня, но не стала мешать, вернулась к печи, берясь за деревянную лопатку, мешая готовившуюся на огне снесь, видимо, уже на утро – у неё свои хлопоты.

Поставив исходившую паром плошку на поднос, я пошла за парнем, который от помощи не отказался. Вместе вышли на погружённый в туманный сумрак двор, знакомой, освещённой пламенниками дорогой, прошли к замку.

– И часто с ним такое случается? – спросила я, догоняя парня.

– Почти всегда так, – буркнул.

Всегда? Должно быть, это тяжело – мучиться каждый раз... Ну нет уж, не хватало его ещё и жалеть!

– Как тебя зовут? – заглянула в посерьёзневшее лицо мальчишки.

Парень глянул на меня, чуть приостанавливаясь.

– Хавир.

– А меня – Грез.

– Я знаю, – чуть смущённо улыбнулся.

Дальше было не до разговоров, когда оказались в холодном нутре замка. Поднялись на второй ярус, пройдя мимо той широкой каминной комнаты, в которой мне единожды довелось побывать, колыхнулись, будто раздуваемые ветром, утихшие воспоминания того поцелуя, почти обжигая. Но я не позволил им завладеть мной. Пока рассматривала каменные стены Урелтоновского замка, мальчишка остановился перед одной из дверей.

– Господин не желает никого видеть, – обернулся он, виновато хмурия брови, намекая, чтобы я оставалась снаружи.

– Я только поставлю всё и сразу уйду, – заверила я, приподнимая поднос. Конечно же, слукавила.

Парень задумался на миг, а потом решительно толкнул дверь и вошёл внутрь, пропуская в проход и меня.

В просторных покоях стоял тяжёлый воздух, он почти сразу лёг на плечи и грудь, в подсвечниках горели всего несколько свечей, тлели угли в камине, испуская ровный желтоватый свет, выхватывая из полумрака балки широкой кровати и самого Амгерра, который лежал неподвижно пластом на постели.

– Сюда, – шепнул Хавир, перехватывая моё внимание.

Тихонько поставила поднос на столик.

– Почему к господину не позовут лекаря?

– Нельзя, – качнул головой Хавир, отвечая так же шёпотом, – он запрещает звать лекарок и никого не пускает, когда такое с ним случается, – прислужник обернулся, будто опасался, что Мортон его услышит.

– Вот что, – подступила ближе, – давай договоримся, – я сжала запястье парня, проникательно заглядывая в глаза, – я останусь здесь и помогу господину, а ты скажешь другим, если кто из служанок захочет прийти, что господин строго-настрого приказал не беспокоить его.

Хавир тряхнул тёмными кудрями.

– Он будет сердиться, – скривился, но тут же опомнился, возвращая своему лицу обыденное выражение.

– Не будет, поверь. Я не выдам тебя, обещаю. Я помогу ему.

Хавир как-то не совсем уверовал в мои слова, нахмурился, глубоко задумываясь, на его лице отразилось сосредоточение и сомнение.

– Значит, правду говорят, что ты ведьма? – вдруг спросил, меняясь, посмотрев с ожиданием и любопытством, напомнив мне тем самым Марсу, хоть Хавир был значительно старше, и всё же мальчишка ещё.

– Ты ведь знаешь, что он не просто так зовёт меня. Но пусть это останется тайной.

Молчание затянулась, и я явственно слышала, как тяжело дышит Амгерр, вынуждая прислушиваться к нему ещё больше.

– Хорошо, – кивнул парень, наконец, решившись.

Хавир в другой раз не послушал бы меня, но бедолага, видимо, уже с ног сбился, исполняя разные поручения. И я поняла, что обычной прислугой Мортон пренебрегает и держит ее в стороне, не допуская к себе близко.

Когда Хавир вышел, затворив за собой дверь, я взяла поднос и повернулась. Твёрдым шагом направилась к лежащему на постели мужчине, вбирая в грудь больше, будто раскалённого на огне, воздуха. И задохнулась на миг, как плотно, будто ключья смога, стелилось проклятие.

Мортон лежал раскалённым могучим пластом. Я ощутила, как его пробил озноб, когда я подошла, который прошёл и через меня по телу к самым стопам и кончикам пальцев. Мокрые тёмные пряди прилипли к влажному, блестящему проступившей испариной лбу и виску. Губы слишком бледные, как и скулы. Как же было не по себе видеть его таким, он ведь ещё днём был на ногах. Но я тут же вспомнила его неважный вид.

Осторожно поставила поднос на прикроватный столик и присела на самый краешек постели. Нависнув над Мортоном, протянула руку, но задержалась, немного выждав: Амгерр так и не пошевелился. Не открыл век, не обрушил свой ненастный вихрь холодной неприязни.

Осторожно убрала с его лица волосы, открывая следы проклятия, оплетающие одну сторону лица.

И как он мог отказаться от помощи? Жар его просто сожжёт! Веки мужчины дрогнули, и бледные губы чуть сжались, но Амгерр так и не очнулся. Злость вдруг засела холодной сталью в груди – как они все могут оставить его одного, не оказав ухода? И тут же пронеслось горечью понимание – он совсем бессилён перед своим проклятием. Поддаваясь порыву, прижала ладонь ко лбу – какой же горячий! Неведомо зачем провела по щеке пальцами, скользнув взглядом по блестящей испариной шее, замечая, как туго натягиваются мышцы и твердеют, как камнем ходит кадык по горлу, и скатываются капли пота в ложбинку между крепкими мужскими ключицами в прорези взмокшей рубахи.

Пока Амгерр находился в беспамятстве, тьма была на поверхности, и не нужно было особого усилия, чтобы чувствовать тёмную ворожбу, что мучила тело и дух мужчины.

Я сглотнула туго, напрягая плечи. Своей внутренней волей дёрнула крепкие путы проклятия, которые корнями уходили в самую глубь его существа и оплетали плотной сетью. Только путы крепче стянулись, сжимая теснее тело. Амгерр дёрнул головой, застонав, по скуле прокатилась судорога, кадык сухо прошёл по горлу.

Я отняла руку, вздохнув напряжённо, взглянула на поднос с целебным варевом. Только отвар здесь не поможет. Ничто не поможет...

Поднялась, вернувшись к столу, взяла кувшин, вылила студёную воду в чашу, подобрал лоскут, и вернулась к постели. Смочив в ледяной воде и выжав как следует, провела влажным полотном по лбу и шее мужчины. Рвать путы не получится. Вспомнила, что сказал Мортон о том, что проклятие коснулось и женщины.

Тут нужна другая сила...

Подсела ближе, продолжая проводить лоскутом по коже неподвижно лежащего Амгерра, потянула из себя жар, пока тот свободно не полился на тугие плети проклятия, сжигая их. Но они напоздали снова. Я не остановилась, чувствуя, что это единственное, что в моих силах. Из самого моего существа заплескалась раскалённым сплавом сила, окутывая меня удушливым жаром. Огонь

палил, превращая путы в пепел, очищая, освобождая. Амгерр только изредка вертел головой и вздыхал, морщась, но в себя не приходил...

...Ночь тянулась вязкой смолой – тягучей и бесконечной, пока не превратилась в болото. Я боролась с проклятием, вытягивая из себя все силы, и казалось, этому не будет конца. Мрак тянулся ко мне и вспыхивал, тлел и понемногу отступал. Я смотрела на черты лица Мортонна, но видела только бледное лицо мужчины, которое расплывалось в глазах и смазывалось. Продолжала выжимать ткань и класть ему на лоб. Снова и снова, как только он начинал пламенеть, смачивала холодной водой, обтирала шею и грудь, ходившую в неровном болезненном дыхании, таким тяжёлым, таким неровным и раскалённым, что сама не могла вздохнуть. Казалось, облегчение не приходило, но я чувствовала, как путы слабели, осознавая, что этот недуг, случившийся с ним, именно поэтому и происходил, но огня Амгерра не хватало, чтобы справиться с проклятием.

Неизвестно сколько ещё прошло времени, я изматывалась: на плечи наваливалась непомерная усталость, шея и спина от напряжения, от жара покрылись испариной. Перестала ощущать границы и окружение. Всё смешалось. Оставался только шелест надсадного дыхания.

Не помнила, как поднялась, когда поняла, что всё закончилось. В глазах мутилось, в голове плыло. На обессиленных ногах вышла из покоев и побрела из замка. Не зная, как могла двигаться, пошатываясь, ковыляла во внутренний двор, в темноте хваталась за стену перехода, торопясь скорее добраться до своей постели.

Прачки ещё спали, лишь тусклый свет, подёрнутый рябью только занимающего рассвета, влился в окна. Скидывая обувь, я смертельно уставшей и иссушенной опрокинулась на лавку. Едва сомкнув веки, мгновенно провалилась в беспамятство.

Проснувшись от того, что меня грубо трясли за плечи, настойчиво выдёргивая из глубины.

– Эй ты, просыпайся! Просыпайся, кому говорят!

– Может, она заболела?

– Ага, притворяется мерзавка, всю ночь где-то шлялась, а теперь дрыхнуть будет до полудня. Нет уж, я не собираюсь за неё работать! Вставай! Слышишь, ты...

Пошевелилась, разлепляя веки, всматриваясь в нависшие надо мной силуэты. Голова трещала, на виски давило, всё тело горело, и сердце стучало так быстро, что готово вот-вот лопнуть. Не знаю, каким трудом мне удалось оторваться от подушки и сесть. Прижала ладонь к губам, унимая поступившую дурноту.

– Да она пьяная! – брезгливо фыркнула Тисса.

Я вздрогнула, когда Тисса швырнула мне юбку и верхнюю рубашку.

– Одевайся и бегом за работу, – Тиссу колотило от ярости, а у меня не было сил не то чтобы препираться с ней, я и слова выговорить не могла.

Дрожащими слабыми пальцами перебрала ткань, натягивая на себя, кое-как поднялась и натянула юбку, завязала тесьму, завертелась в поисках платка.

– Быстрее, – поторопила Тисса и тут же смолкла, когда я тяжело глянула на неё из-под ресниц.

Удостоверившись, что я окончательно проснулась, прачка, хмыкнув, вздёрнула надменно подбородком, схватила Лаур за руку, потянула её за двери и громко хлопнула ею за собой.

Сплетя волосы, плеснула в лицо из умывальника прохладной воды, немного освежаясь и проясняя голову. А когда испила, пришла в себя, вспоминая прошедшую жуткую ночь. Непроглядную удушливую тьму и жар.

Но сейчас близился полдень. На миг показалось, что всё это сон, но моё скверное самочувствие доказывало обратное.

Амгерр должно быть уже очнулся, только никто не спешил за мной приходить, ведь наверняка Мортон просто так это всё не оставит.

Представляю, каким злющим зверем он будет, когда узнает о моём своеволии. Но плевать, теперь я могу потребовать то, что он мне обещал.

По плечам прошёлся озноб, и я зябко передёрнула плечами, сбрасывая нехорошее предчувствие.

Глава 9

Повязав волосы платком, даже не стала заглядывать в зеркало, покинула комнату. Спустилась вниз, где стоял шум и запах свежего хлеба, направляясь в стиральню, ловя косые едкие взгляды прислуг. Но мне было не до них.

Горячий и влажный воздух, что туманом витал в прачечной, только усугубил моё самочувствие. Кору внутри я не обнаружила, только Тиссу и Лаур. Теперь стало понятно, почему Тисса расхозяйничалась – Кора куда-то запропастилась.

По обычаю, я взяла лохань, прошла к чану с горячей водой, принялась наливать. Только руки едва поднимали наполненный ковш. Влив нужное количество кипячёной воды, я разбавила её холодной и едва сделала шаг в сторону лавки, как меня качнуло, а пол подо мной вдруг исчез. Я так и осела, хватаясь за лавку, повалилась на бок, слыша громкий вскрик Лаур и грохот лохани о каменный пол. В раскалывающейся на черепки голове потемнело. В коротких просветах я слышала, будто из-за плотной стены, посторонние обеспокоенные голоса, среди них выделялся один, такой знакомый. В какой-то миг почувствовала, как моё тело с лёгкостью подняли чьи-то сильные руки, но меня безнадёжно утянуло на дно беспмятства окончательно...

...Очнулась я от собственного негромкого стога и тут же пришла в замешательство, чувствуя вместо твёрдой поверхности что-то мягкое, бережно окутывающее моё тело, вынуждая улечься удобнее и потянуться. Только этого не могло быть!

Хотела вскочить, но вместо этого вяло повернула голову, размыкая тяжёлые горящие веки. Тело оказалось свинцовым и неповоротливым, чтобы сразу приподняться. В мути разглядела высокий потолок и проём узкого длинного окна, в который лился ослепительный поток света, а по лицу мазнул ветерок, напоенный ароматом яблоневого цвета.

Светлая Мать, где я?

Отрезвлённая увиденным, повернула голову в другую сторону и застыла, когда заметила широкое кресло у дальней стены, с которого

кто-то быстро поднялся и плавно, как огромный хищный зверь, двинулся ко мне. Зрение успело сосредоточиться, и я разглядела статную фигуру Амгерра. Едва спохватилась, как мужчина оказался рядом в два шага, нависая надо мной глыбой. Я мгновенно подобралась вся, отползая прочь, скользя пятками по постели. Но бежать мне было некуда, упёрлась спиной в жёсткую деревянную грядущку огромной кровати. Мортон крепко схватился за неё рукой. Я охнула и тут же дёрнулась в другую сторону, но и тут путь был преграждён – Амгерр заключил меня в капкан своих рук, обездвигив вконец. Ненастные глаза, которые на свету были бархатисто-дымчатые с узкими чёрными зрачками, врезались в меня кинжалами. Его лицо было скрыто под маской, и я не понимала почему.

Сердце забилося чаще и тревожнее. Он был так близко, что я чуть сползла, вжимаясь лопатками в кровать ещё теснее, ожидая худшего, успев за короткий миг не единожды пожалеть о своём поступке.

– Я, кажется, тебе запретил приходить. Какого Тёмного ты вытворяешь? – проговорил он вкрадчиво, но в его голосе не чувствовалось привычной злости и раздражения.

Он потянулся к маске и сдёрнул ткань с себя, открывая лицо.

Задержала дыхание и раскрыла губы и сразу же сомкнула, скользя взглядом по твёрдому подбородку, прямой линии губ, чуть усмехающиеся на самых краях высоким скулам и гладкому лбу с разлётом тёмных бровей. Его лицо в небрежно падающих на глаза прядях, словно высеченное из гранита, было совершенно чистым, красивым и невероятно мужественным. Как, наверное, и подобает наследнику сильных кровей. Узкие ноздри точёного носа хищно вздрогнули. Я быстро вернула взгляд на улыбающиеся глаза Амгерра. И внутри меня что-то дрогнуло – он ведь столько лет этого ждал.

– Я жду ответа, Грез, – выговаривая губами каждое слово, спросил приглушённо, чуть сощуриваясь, терпеливо вглядываясь, казалось, в самую душу.

– Вы же получили то, что хотели, господин, – тряхнула головой, сбрасывая оцепенение, – выпустите меня и позвольте встретиться с Марсу, – бросила холодно и твёрдо, вспоминая, для чего это всё было сделано.

Мортон долго смотрел, от его переменчивого взгляда меня бросило в дрожь, и весь он был всё тот же, но какой-то другой, чужой.

Блуждающая улыбка на губах сбивала с толку, он ведь никогда не улыбался, и было немного не по себе видеть его таким. Амгерр вдруг поднял руку, осторожно убирая с моего лица выбившийся завиток.

– Конечно, Грез, – прошептал, не успела я смутиться от этого простого, но слишком дразнящего жеста, он медленно отстранился, выпустив меня, выпрямляясь.

Опомнившись, смогла перевести дыхание, поправить юбку, сдёргивая подол на открывшееся щиколотки, пригладила разметавшиеся волосы, чувствуя себя, мягко сказать, не в своей тарелке, сидя в постели Амгерра. Да и, собственно, почему я здесь? Встрепенулась и поспешила подняться, Мортон не мешал, но и не отошёл, наблюдая за мной. Я пошатнулась от резкого головокружения. Мужская рука успела придержать меня за спину.

– Думаю, тебе нужно ещё отдохнуть, – настоял он.

Я не могла поверить – он что, заботится? Или я что-то не понимаю? То прогоняет, то беспокоится, то угрожает расправой. И вообще, кто меня сюда принёс? Я вспомнила, что слышала в обмороке голос господина, но не привиделось ли мне? Не может же быть, чтобы Амгерр вынес меня прямо из прачечной? Или может? Мои щёки налились жаром, мне стало душно.

– Нет, я не хочу оставаться, – бросив быстрый взгляд, ответила, отчеканив каждое слово, стараясь, чтобы голос не дрогнул, но сердце против воли потяжелело от собственных слов и неверия, что я могу быть свободной.

Сжимая складки платья в дрожащих пальцах, смотрела на его шею, как дрожит от пульсации вена, на впадину между ключицами, видневшуюся в разрезе туники, чувствуя запах и жар сильного здорового тела, как он глубоко дышит. Не поднимала взгляда, опасаясь увидеть то, от чего у меня заплетается язык и слабеют колени. Амгерр не спешил выпускать, медленно склонился, приблизив своё лицо к моему, надавив на поясницу рукой чуть сильнее, так что я через ткань рубахи чувствовала жар его ладони, поддерживающей спину широким обхватом. Вдохнул глубоко. В голову вновь ударила кровь, зашумело в ушах. Я сглотнула.

– Всё, что обещал – я исполню, – произнёс гипнотизирующим шёпотом, – ты получишь свободу, и сегодня твой сын будет рядом с тобой. – Я вздрогнула, когда Мортон назвал Марсу моим сыном. – Ты

получишь вознаграждение, – его дыхание касалось моей щеки, лаская кожу, вызывая мурашки. Я старалась не дрожать, но это было так тяжело для меня сейчас! – Тебя проводят за границы Ториона и всей Антхалии, никто тебя не найдёт. Даже я, – краем глаза уловила, что он улыбнулся, но как-то странно, невесело.

Светлая Мать, и почему это слышать так тяжело? Я все же взглянула на него, повернув голову. И лучше бы этого не делала! Наши губы встретились, а дыхания на миг сплелись. Насыщенно серые глаза вспыхнули серебром вокруг зрачков. Мортон сглотнул, быстро облизав сухие губы кончиком языка, делая их влажными, такими привлекательными, призывающими коснуться их губами, манили, как и прошлый раз, попробовать на вкус. По телу прошла волна горячей дрожи и опустилась вниз живота, делая моё тело вялым и мягким. Лицо запылало.

Да что же это такое?! Я оторвала взгляд от его блестящих влажно губ, резко отвернулась, вдыхая шумно, вырвалась из хватки, убирая его крепкую руку от себя – она стала заметно жёстче. Мортон меня не стал держать, позволив высвободиться, гипнотизируя сверкающим и задумчивым взглядом, перестал ухмыляться.

Он отступил и направился к камину. Видеть его без следов проклятия было непривычно и чуждо, но вместе с тем до безумия волнительно. Теперь он может показываться на людях, и все женщину будут млеть при виде его. В этом я не сомневалась.

– Возвращайся к себе и жди. Скоро за тобой придут, Грез.

Слова, будто груда камней, обрушились на меня, особенно моё имя, которое он произносил с особой вкрадчивостью. Я качнулась, дёрнувшись в его сторону, чтобы сказать слова благодарности, чтобы хоть что-то сказать! Но остановилась, сжав губы и кулаки. Ему это не нужно, теперь в какой-то степени он тоже свободен. Нашла свою обувь, что лежала рядом с кроватью. Он что, меня сам разувал? Лицо ещё сильнее запылало, а в груди такое ненастье, что хоть плачь. Нацепив башмаки, развернулась и пошла прочь из покоев, пригнув голову.

«Больше, наверное, мы не увидимся», – пронеслась мысль, полоснув по груди холодом. Но я взяла себя в руки, чувствуя, как он пристально проследил за мной до двери.

Скоро я увижу своего брата! Предвкушение скорой встречи согрело и придало сил.

Я пронеслась по переходу, будто и не лежала только что в обмороке, на удивление, головная боль улетучилась, теперь меня охватывала страшная буря разных чувств. Сбежала по лестнице, словно за мной гнался сам Тёмный. Только перед глазами сияющее довольством лицо Амгерра, и горько становилось. Хотелось бежать от этих чувств, от него, как можно дальше, и в тоже время нырнуть в них с головой, запомнить, насладиться...

Поскорее бы мне вернули Марсу. Тогда всё встанет на свои места. Я знаю...

...В доме стоял гул, как будто на торге в разгар дня. Если прошлый раз на меня смотрели искоса, то теперь одаривали откровенными презрительными взглядами, полными довольства, видимо, радуясь тому, что я, наконец, покидаю замок. Что же тут происходило, пока я была в беспамятстве? Быстро же по замку разносятся слухи! Но теперь я могу не переживать – сегодня я уже не сяду за один стол со всеми.

Остановилась перед дверью в стиральню и лестницей наверх. Мортон велел идти к себе и ждать, но вот так бросить всё... Привычка доделывать дела до конца и трудиться ежедневно уже в крови. Подумав немного, я всё же направилась к лестнице – не думаю, что это разумно с моей стороны сейчас маячить на глазах у всех, навлекая неприятности, к тому же чувствовала себя всё-таки неважно.

Взявшись за перекладину лестницы, с трудом поднялась наверх.

В жилом ярусе стояла тишина и покой. Доковыляв до комнаты, буквально ввалилась внутрь. Устало направилась к своей лавке, едва передвигая ногами. Всё же бессонная ночь вымотала меня.

Первым делом заправила постель, которая была вся скомкана, сложила небрежно перевёрнутые вещи, вспоминая жуткое утро и то скверное состояние, в котором я проснулась.

Управившись, достала свою одежду. В накидке уже было жарко ходить, разве только одевать по утрам и вечерам. Пусть весна, но коварная прохлада может сделать своё дело. Поэтому лучше лишний раз побережись и не спешить откладывать тёплую одежду. Бросила взгляд на зелёное платье, и сердце надрывно дрогнуло – в нём я ходила к Амгерру. Ну вот, не успела ещё покинуть замок, как уже внутри

начало свербеть. Сложила дорогое сердцу зелёное платье, развернула серое. Скинув юбку и рубаху, надела сорочку, поверх выбранный наряд, подвязала тонким, сплетённым из веревок пояском. Расчесав волосы гребнем, заплетая их в косу, подошла к зеркалу, рассматривая своё бледное лицо и блеклые губы, только в глазах какой-то странный блеск и грусть.

– Светлая, нельзя же быть такой открытой? – но даже улыбнуться самой себе не хотелось.

Закончив разглядывать себя, вернулась к вещам. Сняла со стены сумку, уселась на постель, вытаскивая содержимое: ложки, чашки и всякая мелочь, которая так и не пригодилась в замке. Нащупав деревянную шкатулку, изъяла со дна. Взяв её в руки, тяжело выдохнула, провела пальцами по завиткам резьбы красного дерева, по потёртым краям. Стоило лишь представить, что когда-то её касались руки матушки, по телу разливалось ласковое тепло. Подумав ещё немного, решительно отомкнула замок, открыла крышку.

На дне сверкнул серебром обод, осторожно, как самую дорогую ценность, взяла украшение в руку. Матушкин свадебный обруч, который я никогда не надевала, разве только изредка по праздникам примеряла. Волнительно выдохнула – почему-то сейчас хотелось его надеть. Нанизала украшение на запястье, и холод металла обжёг кожу, разнося лёгкое покалывание. Скрученный замысловатыми стеблями обруч овивал руку удивительно ласково, будто шёлк льнул, делая кисть тонкой и изящной. Матушка говорила, что он сделан из особого сплава. Перевела взгляд на свои мозоли, и улыбка мгновенно стёрлась с лица. Стянула торопливо обруч, положила обратно в шкатулку и замкнула её. Мне, верно, никогда его не носить. Всё, что мне нужно сейчас – это забрать брата и уехать из Ториона как можно дальше. Спрятаться и не погибнуть с приходом холодов – это всё, о чём я могла просить Светлую Мать. И о собственном обустройстве я не могла и думать.

Собравшись, я уселась на лавку, ожидая, когда за мной явятся...

...День тянулся невыносимо медленно, по стенам к полу тягучим киселём тянулись пятна света. И всё же вечер близился. Сердце заходило неровным стуком, стоило только представить, что я окажусь за пределами стен Урелтона в недостижимости от его хозяина – загадочного и жуткого Мортонна Амгерра, о котором поговаривал весь

Торион и не только. Даже не верилось, что я попала в его руки и была знакома так... близко. Щёки запылали, я сердито поджала губы. Даже находясь почти в пути, думаю о нём.

Резко поднялась и принялась мерить тесную комнату шагами, то и дело бросая взгляд на дверь, ожидая увидеть Хавира. Только сетовала, что время тянулось мучительно долго, как вечер стал наступать стремительно, закат мчался, будто подстёгнутый разъярившимся всадником скакун.

Внизу стало гораздо шумней: вся прислуга собиралась в кухне ужинать. А я вспомнила, что сегодня и крошки в рот не брала. Да и не хотелось. Волнение охватило меня с головы до ног, так крепко, что всё тело дрожало и противилось всему.

– Ну что же так долго?! – взмолилась, подводя взгляд к потолку, сжимая кулаки.

Амгерр будто нарочно проверял мою выдержку. Или думает, что я передумаю? А что если он передумал? С него станется! Меняет свои решения, как ветер направление. Уж поскорее бы всё разрешилось. Скорее бы увидеться с братом!

В который раз глянула в окно. Солнце наполовину опустилось за крыши построек, озаряя небо янтарным золотом.

«Он точно испытывает терпение!» – хотелось уже притопнуть ногой со злости и идти выяснять, как за дверью слышались шаги. Я встрепенулась и бросилась к двери, но она сама распахнулась. Внутрь заглянула кудрявая голова Хавира. Не успел мальчишка слово сказать, я развернулась, сгребла в охапку собранную сумку с лавки и бросилась на выход. Хавир чуть удивился моей прыти. Если он сейчас скажет, что я расценила всё снова не так, лично пойду к Амгерру и выскажу ему всё что думаю! Но парень лишь улыбнулся и двинулся по переходу к лестнице. Я поспешила за ним.

По дороге – видимо, Тёмный её спутал – столкнулась с Тиссой. Она дёрнула подбородком, делая вид, что не видит меня, впрочем, как и Лаур, которая плелась за ней хвостом. Хорошо, что та не заговорила – не хотелось напоследок бросать резкие слова и ядовитые взгляды. Теперь они могут жить спокойно, и Тисса не будет так переживать о том, что я могу выдать её ночные похождения, о которых, думаю, и без меня все знают. А вот с Корой мне хотелось попрощаться, но её не

было ни в переходе, ни в кухне. Только вечерняя суeta по-прежнему стояла внутри. Тисса всё же не выдержала, развернулась, догнала.

– И кто ты такая, потаскуха, которую хозяин выгнать не может? Но ты не радуйся, знаешь, что было в той весточке? Король нашёл ему невесту, и она скоро будет здесь! – прошипела Тисса, буравя меня ненавистным взглядом, на этот раз задев.

Невеста?! У Мортонa?! Мысли замельтешили, почему-то об этом я ни разу не подумала, что у молодого наследника может быть невеста, хотя это очевидно.

Тисса, удовлетворившись моим замешательством, отступила, усмехаясь злорадно в спину, пошла прочь.

А я, оборачиваясь, поплелась к выходу, потеряв из вида Хавира: прислужник уже успел скрыться за дверью.

Рассеянно скользнула взглядом по постройкам, едва не врезалась в спину парня, что ждал меня снаружи. Известие отравой разнеслось по крови. Прачка всё-таки сумела застать меня врасплох, ком дурноты так и подкатил к горлу, и судорожно сжималось сердце, затрудняя дыхание. Но какое мне дело до невесты господина?

Когда вышли к замку, поняла, что вечер уже затухал, и яркие лучи густо освещали верхушки мощных стен башен Урелтона, взмывающих к низкому, как бывает по вечерам, небоскату, погружая в прохладный сумрак широкий двор. У ворот толпились воины, сверкая железной бронёй, сновали слуги и конюшенные, но как бы я ни вглядывалась, не нашла знакомую мужскую фигуру Амгерра. Даже сердце пропустило удары от нахлынувшего разочарования. Чуть не спросила у Хавира, где господин, но вовремя зажала язык за зубами. Навряд ли его высочество соизволит проводить простую деревенскую девку. Да и зачем? Он получил своё и теперь заживёт полной разных событий жизнью. И забудет обо мне, как о страшном сне.

– Грез! – громкий детский голос прокатился по воздуху, ударяясь в меня волнительным звоном, и выбил дыхание из груди и землю под ногами.

Я сорвалась с места и пустилась к выбежавшему мне навстречу Марсу. Ветер прохладной волной ударил по лицу, разгоняя кровь в жилах, застилая влагой глаза. Опустившись на колени, я обняла брата крепко-крепко, прижав его хрупкое тельце к себе.

– Родной мой, – прошептала тихо, как же рада его видеть! Безумно счастлива! – Марсу, маленький, теперь я никуда тебя не отдам, ты будешь со мной. Всегда. Слышишь?

Он обнимал меня за шею и кивал, а я отстранилась и заглядывала в его лицо, но мальчик не плакал, смотрел на меня, улыбаясь тепло. Невольно кольнула досада – неужели не скучал по мне? А я вот, кажется, начала плакать. Глазам стало горячо, а в груди тесно.

– Не плачь, меня никто не обижал, Грез, честно. Никто.

– Хорошо... – душила в себе слёзы, теперь не понимая, от чего на самом деле плачу, столько всего мне довелось пережить! Всё сплелось в один ком: ожидание, боль, радость. – Не буду, – сдавленно проговорила, целуя в щёку, в лоб, в висок. – Не буду...

Марсу коснулся моей щеки ладошкой, я накрыла её своей и сжала, целуя его пальчики. Но он упрямо их не давал целовать, смущаясь, что на нас смотрят. Он и в самом деле за эти дни будто повзрослел. Или я успела забыть. Что я за родная кровь такая?

– Грез, – шепнул Марсу, кивая за спину, задирая подбородок.

Я проследовала за его взглядом и застыла. Позади высился Амгерр. Сердце ухнуло и подпрыгнуло к самому горлу, заколотилось быстро. И как подошёл, даже не слышала. Поднялась с колен, стерея торопливо влагу со щёк, сжала ладошку брата – теперь никто не сможет нас разлучить.

– Это твой брат? – спросил Мортон твёрдым тоном, но я не видела выражения его лица. Он был в маске, видимо, решил пока держать в тайне своё избавление.

Мортон, не дожидаясь от меня ответа, перевёл взгляд на мальчика.

– Это не имеет значения, господин, – ответила тут же в тон ему, обняла Марсу за плечо, не позволяя ничего говорить.

Амгерр напрягся весь и сжал кулаки, глаза сверкнули льдом.

– Ты права, не имеет, – после некоторого молчания выдавил сквозь зубы, а меня будто по щеке ударили от досады слышать это. – Просто не терплю, когда мне врут.

– Никто не врал... – закусила губу, едва не сболтнув лишнего.

Амгерр снова обжог тяжёлым взглядом, от которого по спине побежали мурашки. Снова повисло тягостное молчание, только слышно, как переговаривались мужчины и фыркали лошади. Оторвав от меня взгляд, Мортон повернулся, давая знак одному из своих

помощников, чтобы поднимались в сёдла. Тут же к нам подступил кто-то из воинов с увесистой ношей в руках.

– Как и обещал, твоё вознаграждение, – вдруг перевёл разговор в другое русло, – карета ждёт, на ней ты покинешь Торион, с тобой будут мои воины, проводят до границы Антхалии...

Мне стало неудобно от такой щедрости, хоть и вполне заслуженной. Но всё же я не привыкла к подобным почестям. Глянула на смотрящую на нас прислугу, столкнувшись взглядом с Айлот. Служанка не упустила случая полюбопытствовать, вертелась поблизости, делая вид, что занята.

Служанки, которые так боролись за внимание своего господина. Неуместная ревность кольнула шипом. Вот этого мне только не хватало!

– ...Возьми свою плату, – кивнул Амгерр на узел.

Я вновь перевела взгляд на Айлот, которая так и пялилась на нас. Вернула взгляд на Амгерра.

– Достаточно того... что я уеду из Ториона под защитой...

Амгерр удивлённо приподнял бровь. И мне всё же пришлось принять награду, как ни кипела кровь, а здравый ум побеждал. Сжала пальчики брата, который молча с особым интересом изучал хозяина замка. Налетевший ветерок коснулся мужчины, взбил пряди волос на затылке, отбрасывая на лицо Амгерра, чуть подхватил полы моего скромного платья, заглушив затянувшееся молчание шелестом, подстёгивая меня поторопиться.

– ...Нам... пора, – Светлая, как же тяжело давались слова, которые так и застревали в горле!

Мортон пристально посмотрел на меня и кивнул. Поправила верёвку своей сумки на плече, перехватила крепче руку Марсу, развернулась и шагнула в сторону ворот. Но тут же вздрогнула. Мортон крепко сжал мой локоть, подступил близко и припустил с лица ткань.

– Береги себя, Грез, – прошептал одними губами, и от его проникновенного голоса и брошенных слов жар растёкся лавой по всему телу.

Знакомо закружилась голова, как тут откуда-то изнутри будто мутным илом всколыхнулись слова Тиссы: «Король нашёл ему невесту, и она скоро будет здесь». Всё ведь сходилось. Именно об этом

событии говорил Амгерр, к нему готовился. А я простая торговка, случайно попавшаяся ему на пути. И о которой он не вспомнит, стоит мне исчезнуть за этими воротами. Горечь разлилась по горлу мерзким вкусом.

– И вы себя, господин, – бросила холоднее, чем хотелось бы.

Мортон жёстче сдвинул пальцами локоть, но следом разжал, высвобождая, позволяя идти.

И что на него находит? Может, это отголоски проклятия? Хотя вряд ли, с таким ненастным нравом можно только родиться.

Не поворачиваясь, я пошла прочь, увлекая за собой брата.

– Мы поедem в карете?! – восхищённо и взволнованно спросил Марсу, выдёргивая меня из беспорядочных путаных мыслей и чувств.

– Да, родной, поедem в карете.

Марсу радостно вскрикнул, заметно оживая, а мне хотелось вновь обнять его крепко и не отпускать, потрепать по светлым волосам, погладить щёчки, расспросить обо всём, лишь бы поскорее забыть это всё.

– А куда? – последовал следующий вопрос.

– Я тебе по дороге объясню, – улыбнулась, не зная, как сразу сказать.

Нам открыли дверцу, я нырнула внутрь пропитанной кожей и бархатом сумрак, посадила рядом с собой брата, который следом влез на сиденье прямо с ногами. Опустила его ножки, чтобы не замарать ничего. Всё же эта собственность самого господина, нехорошо пачкать. Дверка закрылась, а внутри меня что-то замкнулось. Болезненная дрожь прокатилась по всему телу.

– А может, мы ещё побудем здесь? – тихо спросил Марсу, с осторожностью оглядывая обитый бархатом верх кареты.

– Нет, Марсу, мы здесь не побудем, – добавила в голос твёрдости, сжимая его пальцы.

Прикрыла дрожащие веки, вздохнула тяжело, волнение разыгрывалось не на шутку. И что со мной такое? Радоваться должна, что мы не остались на улице. Теперь я могла не переживать за то, где мы будем ночевать и что есть.

Возничий тронул лошадей уже скоро. Сердце горячо застучало, я обхватила брата за плечи, прижала его к своему боку, погладив по

голове, посмотрела в окно, видя, как проплывают стены двора, а следом пронеслась арка ворот над нами.

Вскоре мы уже неслись по каменной дороге замка Урелтон. Карета чуть повернула, и в окно хлынул поток золотистого света, слепя глаза. Я повернулась к брату и прижалась губами к его светлой макушке.

Мы на свободе.

Только почему-то всё равно было трудно дышать.

Глава 10

– Подойди ко мне, Хавир, – подозвал я прислужника, что привёл мальчика к Грез, оторвал взгляд от закрывающихся ворот, за которыми скрылся отряд.

Парень расторопно приблизился, слушая внимательно.

– Ты уверен, что это её брат?

– Да, господин, он всё время спрашивал Грез и говорил, что она его сестра.

Не знаю, зачем мне это нужно, зачем вышел, но, увидев ведьму из окна, уже шагал по двору. Мне ведь нет дела до этой горианки, она уехала, и я надеюсь, что на мои глаза ведьма больше не попадётся. Но всё равно злость брала, что торговка так и не ответила мне, будто намеренно хотела ужалить своим молчанием, отстранённостью, даже приподняла гордо подбородок и смотрела холодно. Стоило ей оказаться на свободе, она вмиг превратилась в каменное изваяние: ни румянца на щеках, ни взволнованного блеска во взгляде.

Отпустив Хавира, распорядившись воинами, вернулся в замок. Стянул с лица повязку, бросил её в огонь. Пламя с жадностью схватило её, запылав ярче. Впервые за много лет я не чувствовал тяжести, будто с меня свалились вся гряда Сарматов, мог дышать полной грудью. Я больше не испытывал на себе извечного давления проклятия, что уже и не замечал, какого быть без него. Я знал, что оно ушло с того мига, как открыл утром глаза. Правда, не понял это сразу. Когда выяснилось, что Грез провела рядом со мной всю ночь, первое, что я возжелал – это придушить торговку. Посмела прийти, когда я приказал сидеть на месте. Кровь вскипела, словно вода в чане, глушила здравомыслие, и если бы не заглянул в зеркало, ведьме бы точно сладко не пришлось. Я не мог ей доверять до конца, но её открытый взгляд и растерянность в глазах каждый раз сбивали с толку.

Я ждал, когда она очнётся, оглядывая её спящую, а внутри боролись противоречивые чувства, которые жгли и кололи. Внутри метался вихрь от её ранимого невинного вида, вынуждая то подорваться и, наконец, привести её в чувства, то коснуться лица и зарыться пальцами в густые золотистые волосы, прижать её тело к

себе. Я усмехнулся, вспоминая, как она испугалась, обнаружив себя в покоех. Заскользила пятками по постели, отстраняясь, пытаюсь сбежать, выскользнуть из плена, дыша глубоко и часто, вызывая во мне самые неблагочестивые желания.

Выходит, этот мальчик ей не сын. Я не мог допустить такой мысли раньше, я был уверен, что она уже стала чье-то. А оказалось, этот её невинный чистый взгляд не притворство? Возможно, она и в самом деле невинна? Тряхнул головой. Вряд ли. Всё это коварство и ложь.

И всё же, сколько же сил понадобилось, чтобы не тронуть её, не впиться в эти манящие губы, не сжать тонкие лодыжки... Взять её и успокоиться. Утянуть в свою горячую бурю, которую я испытывал после избавления. Но здравый рассудок быстро охладил пыл. Всё это обманчивые чувства, наваждение, которое навязала мне Грез, используя свои хитрые уловки. Она ведьма, горианка, которая с первого дня пыталась воздействовать на меня.

Всё в ней притягивало: запах, взгляд, жесты, то, как дрожали её губы и блестели глаза. Никто никогда меня так не привлекал, ни к одной так слепо не тянуло, ни одну я так не желал взять до звона и ломоты в теле. Это всё напряжение, затянувшееся на годы. Наверняка после насыщения выкинул бы её из головы. Но теперь она в пути и скоро совсем исчезнет из моих мыслей.

Рванул петли на воротах, освобождая себя от одежды. Лёг в постель поздно, хоть знал, что завтра отправляться в Обиртон, спешить с вестью к королю. Отец будет удивлён и рад.

Вновь вернулся к мыслям о Грез, представив ведьму в сумраке кареты, как она прижимает к себе ребёнка, её ресницы дрожат бархатом на щеках, а губы сомкнуты. Опрокинулся на кровать, уставившись в потолок, вырывая из себя это видение. Нужно спать, прошедшая ночь давала о себе знать, и его последствия я чувствовал гуляющей слабостью по телу.

Провалился в сон уже через мгновение. И если наяву я мог контролировать себя, то во сне нет. Снова чувствовал её: нежную гладкость кожи под ладонями, сплетённые дыхания.

– Какой же ты красивый, Мортон... – сладко шепчет моё имя, спускаясь рукой по животу, заглядывая в глаза.

Гладит настойчиво, склоняется, целует в губы, насаживаясь плавно, овивая мои плечи руками, сжимая бёдра. Колдует ведьма,

точно колдует надо мной! Готов задушить, но стиснул её ягодицы крепче, набрасываясь на нежные в полуулыбке губы, врываясь в рот языком, владея грубо, необузданно, кусая губы, лаская и снова кусая. Шумное дыхание заполнило покои, пока горианка не изогнулась лозой в хватке, а я закрыл глаза, жёстче толкаясь, слыша, как Грез продолжает рвано и часто выдыхать с жаром стоны, вторя каждому моему толчку...

...Собственное рычание выдернуло из марева сна. Тяжело приоткрыл веки, дыша тяжело. В покои уже лился туманный утренний свет.

Сглотнув сухость, напряжённо провёл по твёрдой плоти. Злость опалила немислимой силой.

– Проклятая ведьма, – прошипел сквозь зубы.

С резким выдохом поднялся, сев в постели, проведя рукой по лицу и волосам. Ярость утихла, сменяясь удовлетворённостью, когда не обнаружил следы тёмной магии, с которой за годы сросся плотью. Теперь нужно заново привыкать жить без проклятия.

Шумно выдохнув, поднялся, хватая кувшин с водой, прильнул с жадностью. Утолив жажду, отправился в скверном расположении духа в купальню.

Омывшись ледяной водой и избавившись от излишка напряжения, немного взбодрился. Вернулся уже не в пустующие покои. Служанка, принёсшая чистую одежду, устала на меня, ошарашенно округлив глаза. Конечно, в замке сложно скрыть что-либо, и известие о том, что Грез сняла проклятие, облетит уже к вечеру все окрестности, так что не было никакого прока таиться. Теперь слухов обо мне прибавится. Хотя уж куда больше.

Обтёршись досуха, бросив полотенце на постель, взявшись за полотенце на бёдрах, заметил, что служанка ещё была рядом.

– Найди Хавира и прикажи принести мне латы, – велел, не поворачиваясь.

– Хор-рошо, – заикаясь, поговорила и отступила, но тут же задержалась, – это всё или... что-то ещё пожелаете, господин?

Всё же бросил через плечо на неё взгляд, хмурясь, пристально оглядел. Насколько же надоедливы эти горничные, только путаются под ногами. Хотя раньше и не замечал их, видимо, присутствие ведьмы

в замке сказывались, вынуждало быть всегда в напряжении, и любая мелочь теперь страшно раздражала. Но скоро это всё пройдёт.

Сжимая полотенце в кулаке, придерживая его на бёдрах, развернулся и приблизился к словно вросшей в пол девушке.

– Это всё, – уверил её достаточно доходчиво. – Если будет что-то нужно, дам знать, – процедил вкрадчиво каждое слово.

Смотря только на грудь, бедняжка густо-густо покраснела.

– И вы даже не будете завтракать, гос... господин? – быстро глянула на меня.

– Сегодня нет, как и обедать, и ужинать. И завтра – тоже, – сохраняя ровный тон, ответил. В Обиртоне мне находиться не меньше двух дней.

– Поняла, господин, – буркнула как-то разочарованно, опуская низко голову, присела и попятилась, да оступилась и не успела ойкнуть – рефлекс сработал мгновенно, я подхватил неуклюжую девку за пояс.

Застыв, служанка судорожно сглотнула, уронив взгляд вниз на полотенце, которое благополучно упало на пол. Девка не сдвинулась с места и даже не отвернулась, застыдившись, в ещё большем ошеломлении уставилась ниже пояса на причинное место, будто никогда не видела голого мужчины. Позволив ей наглядеться вдоволь, а заодно и понять, какие, оказывается, бесстыжие служанки в моём замке, снисходительно закатил глаза, набравшись терпения, склонился.

– Иди уже, – прошипел сквозь зубы.

Осмысливая сказанное, служанка всполошилась, захлопнув рот, и выскользнула из покоев, как ужаленная, испаряясь с глаз, оставив меня, наконец, одного.

Склонившись, рывком поднял полотенце и вернулся к принесённой свежей одежде, переключаясь на грядущее.

Как же это всё не вовремя, эта ненужная встреча, когда только всё начинает разрешаться и не улеглось толком. Толком не подумал, что делать дальше. В первую очередь, конечно, увидеться с отцом и переговорить. Если с меня сошло проклятие – это не значит, что угроза отступила и от всего рода. Искать корни проклятия нужно дальше. Как ни прискорбно осознавать, полная свобода остаётся недостижима и призрачна.

Хавир явился уже скоро, гружённый воинским снаряжением, помог мне облачиться, а после я отправил его к Борданту с поручением выходить к воротам с отрядом.

Утро оказалось пасмурным, тянулись серые тучи от горизонта, погружая холмы в туманную хлябь. По дороге всё же застал мелкий дождь, что крапал с неба холодной моросью, шурша в кронах деревьев, но он закончился, когда отряд подступил к замку, пусть и изрядно затруднил путь: лошади оскальзывались, и пришлось едва ли не ползти, изрядно задерживаясь. Но как только стражники расторопно раскрыли ворота, впуская в замок моих воинов, сквозь неожиданно расступившиеся тучи заблестело ослепительно солнце.

Двор пустовал, видимо, дождь напугал всех, вынудив сидеть в комнатах замка, потому встречать меня никто не вышел – чему я был рад. Но подозрительно, что даже братец поленился озаботиться моим появлением. Признать, даже не хватало его «тёплого приёма».

Не задерживаясь снаружи, напрямик направился в каминную комнату к отцу. Юркая служанка следом принесла согревающего напитка, недоумённо косилась на меня, но быстро скрылась, видимо, поторапливалась донести остальным о моём приезде и увиденном...

Стряхнув с волос влагу, скинул плащ и верхние грубые латы. Ощувив чьё-то присутствие, повернулся, замечая застывшего в дверном проёме отца. Когда я повернулся к нему лицом полностью, лицо Вальтора изменилось и вытянулось, а глаза застыли ошеломлённой неподвижностью.

– Это правда, или зрение меня обманывает? – снизился до хрипа его голос.

Я сложил перчатки вместе и усмехнулся, вытирая со лба тыльной стороной ладони остатки дождя.

– Не обманывает, ваше величество, – почтено склонился в поклоне и следом выпрямился, расправляя плечи, бросая перчатки на каминную полку.

Вальтор медленно приблизился, не верящим взором оглядывая меня.

– Это сделала та горианка, о которой ты говорил?

Кивнул, но меня покорило, едва отец упомянул Грез.

Король подошёл почти вплотную, поднял руку, обхватив меня за шею, касаясь пальцами правой стороны лица, будто хотел убедиться,

что его глаза и в самом деле не обманываются. Черные зрачки беспокойно дёргались, оглядывая меня.

– Давай присядем, и ты мне всё расскажешь, – отец опустился в кресло, я сел напротив, взяв в руки горячего питья.

– Мне нечего особо рассказать. Я не доверял ей и сомневался, но она оказалась... способной, – ответил коротко, припоминая её коварства и ухищрения, к которым она прибегала.

– А где она? Ты не привёз её? – поддался Вальтор чуть вперёд, явно всё ещё пребывая в ошеломлении. Я бы тоже на его месте захотел увидеть ведьму как диковинного зверька.

– Я... – начал и смолк, посмотрев в исходивший паром пряный чайный напиток. Грез, должно быть, уже за границами Ториона, если не остановилась по пути на каком-то постоялом дворе. – Я её отпустил.

Вальтор ещё больше изумился и следом сделался сосредоточенным и спокойным.

– У нас с ней... была некоторая договорённость, – и почему слова давались с трудом?

– Договорённость?

Шумно вздохнул: и как ему объяснить, что отношения с ведьмой были столь напряжённые, что мне порой было тошно от самого себя, непросто было заставить её делать то, что не сделала бы ни одна ведьма на добровольных условиях. Давить и манипулировать, забрать ребёнка, который, как оказалось, был её младшим братом, ради которого она так отчаянно жертвовала собой. Неудивительно, что она была холодна перед отъездом – держал её на привязи, угрожал. Какое, должно быть, я чудовище в её глазах. И всё же она пыталась найти свою выгоду, нисколько не заставляя пожалеть о сделанном, заставила меня думать о ней постоянно. Лгала. Запутывала. Притворялась. Пыталась вызвать жалость. Обольщала... В голове пронеслись мгновения того поцелуя, её сладкие губы и жаркие прикосновения, вызывавшие невыносимую тягу, влекущую к ней безрассудно. И эти скверные сны... когда лишь от одного воспоминания горячий спазм прошёл по животу. Но теперь эти незначительные... последствия скоро исчезнут.

– Да договорённость – я отпускаю её, как только она снимет с меня проклятие. Я бы не смог оставить её насильно, – глянул на отца,

устало выдохнув, будто только сейчас ощутил всю тяжесть произошедшего. – Не держать же мне её под замком. А она... не сильно хотела... оставаться.

– Конечно, – согласился Вальтор, сжал кулак на колене, задумываясь. О чём? Только Светлый знает. – Ведьму не подчинить себе, а она, похоже, сильна, но... – король вернул на меня взгляд.

– Что?

Жилка у седого виска дрогнула. Отец качнул головой.

– Неважно, сын. Я рад, безумно рад, – вдруг передумал отвечать, уголки его губ дёрнулись в какой-то задумчивой улыбке, взгляд изменился, будто оттаял. – Ты похож на неё... – вдруг произнёс он.

Я хмыкнул, понимая, кого имеет в виду отец.

– Медарис будет рада видеть тебя... таким.

Вспомнив о матери, задумался. Взявшись за чашу, отпил, делая глоток горячего взвара.

– Поездку к ней придётся отложить, как я понимаю. Насчёт Реднайры... Отец, мы ведь, кажется, с тобой договаривались...

– Кстати, о ней, – спохватился отец, мгновенно переключаясь, – тебе не доложили ещё? Они здесь. Прибыли ещё вчера вечером, – огорошил меня окончательно.

Теперь пришёл мой черёд изумляться.

– Да, немного раньше, чем договаривались, – усмехнулся король, – но, видимо, они очень ждали этого...

Я промолчал, сжимая плоску, упираться и тем самым расстраивать отца не стал, в конечном счёте, мне всё равно придётся следовать его воле.

В дверь постучали, нарушая повисшую тишину. Отец величественно откинулся на спинку кресла, повернул голову, позволил войти. В дверь заглянула та же служанка, что встретила меня.

– Ваше величество, госпожа зовёт к обеду, – отчиталась девушка и коротко глянула на меня.

Вальтор движением руки выпроводил прервавшая нашу беседу девицу.

– Отложим разговор, у нас ещё будет время, – произнёс отец, возвращая на меня бодрый взгляд, приподнимаясь, явно оставаясь в приподнятом расположении духа. Давно не видел его таким.

Я отставил плоску и тоже поднялся, подбирая латы, перекидывая их на локоть, взял со стола перчатки.

– Ты не спустишься? – поинтересовался отец.

– Сейчас нет. Мне нужен отдых после дороги.

Да и надо собраться с мыслями, прежде чем попадать под натиск братца и мачехи. Да и всех остальных. Но об этом я, конечно, умолчал. Поговорить нам всё равно не позволят толком – Лиоцин помешает всё равно.

Вальтор понимающе кивнул, а я направился к двери, но остановился, обернувшись к отцу:

– А Рисальд где? Я его не встретил.

– Он в пути. Дороги развезло, видимо, поэтому задерживается. Скоро будет, – разъяснил отец, при упоминании младшего вновь на его лицо напозла мимолётная тень.

– Странно, не узнаю его даже, – хмыкнул я, – как это он пропустит всё? Обычно в первых рядах, когда предстоит какое-либо гульбище.

– Мортон, – состроил нарочито мучительную гримасу правитель.

– Ну хорошо, пиршество. Всё, ухажу, – усмехнулся, обводя взглядом свод потолка и сильную даже в недуге фигуру отца.

Взявшись за ручку, открыл дверь и скрылся за ней.

Я не ошибся насчёт Лиоцин: стоило спуститься вниз, чтобы позвать Хавира, как с другого конца перехода донеслись женские голоса. И едва дошёл до середины коридора, навстречу с другого лестничного пролёта спустились женщины. Среди них мачеха. Она первая остолбенела, увидев меня, и ошетибилась, будто кошка, которая наскочила на хищного зверя. И если бы не вспомнил, что могло её так ошеломить, списал бы на личную непереносимость, которую королева вынашивала в себе годами в отношении меня. Хотя я против неё ничего никогда не имел.

Раскрыла губы, хватая воздух, поворачиваясь к остальным женщинам. Я перевёл взгляд на них. К Лиоцин подступила зрелая, такая же как жена отца, госпожа: светлые янтарного отлива волосы сплетены в косы и уложены в причёску сзади, тёмное платье скрывало вполне ещё стройное, но немного округлое тело. Она глянула чуть за плечо, на молодую тонкую, как осока, девушку, что замерла за её спиной и глазела на меня в упор. В свою очередь оценивающе

скользнул по ней взглядом. Её причёска и наряд были скромнее и проще, видимо, это и была та самая Реднайра, которая осталась для меня смутным воспоминанием. И хвалёная невеста всей Софрании разом. Её серо-голубые глаза и сейчас казались огромными, хоть далеко не грустными, какими их когда-то запомнил, напротив – живые и любопытные, только светлые волосы потемнели, став темно-ореховые.

Поприветствовав Лиоцин и остальных женщин поклоном, повернулся к мачехе, встречаясь с её колючим, полным смятения взглядом.

– Ты не познакомишь разве нас, Лиоцин? Это ведь твой сын Рисальд? – прощепетала госпожа, разрывая затянувшееся молчание.

Мачеха вздрогнула, мгновенно пришла в себя, не отводя от меня взгляда, вздёрнула надменно подбородок, бросила своей спутнице.

– Это Мортон, старший сын Вальтора, – ответила весьма бодро, тогда как взгляд, устремлённый на меня, был ледяным. Лиоцин всегда отличалась стальной хладнокровием, не считая тех моментов, когда пугалась моего обезображенного проклятием лица, – Мортон, это госпожа Геовин и её дочь Реднайра.

Геовин удивлённо выгнула тонкие брови и ласково улыбнулась, не скрывая своего лёгкого изумления, припудренного каким-то особым изяществом, а Реднайра, в отличие от решительной матери, потупила взгляд. На бледных скулах приторно заалел неровный румянец.

– А вы разве не составите нам компанию, Мортон? – взяла разговор на себя Геовин-лар-Бертлот, расслабленно и спокойно взирая, требуя ответа.

– Я только с дороги и ещё не привёл себя в... должный вид, – ответил с особым упором на последних словах, перевёл взгляд на мачеху.

– К тому же, – продолжила за меня Лиоцин, поворачиваясь к своей спутнице, не выпуская меня из-под своего пристального внимания, – Рисальд ещё не прибыл. Мы дождёмся его, и уже все вместе встретимся на званом ужине, – вставила мачеха клином свои условия.

Геовин-лар-Бертлот, сохраняя невозмутимо заинтересованный вид, любезно кивнула.

Поймав подходящий момент, пропустил гостей.

– До встречи, – вновь почтено склонился перед Геовин и её дочерью.

– До встречи, Мортон, – кивнула госпожа, чем-то про себя довольствуясь, прошествовала за Лиоцин, а за ней, избегая моего внимания, шлейфом проследовала Реднайра, шурша своим нарядом.

Найдя Хавира, которого взял с собой в родительский замок, я отправился в свои покои. Отдав латы парню, стянул верхнюю влажную от дождя одежду, выглянул в распахнутое окно, за которым открывался обширный вид в сад. Облака вновь потяжелели, хоть вдалеке в просветах сияло золотом солнце. Мелко закрапал дождь, попадая на шею и лицо.

Грез втиснулась в мои мысли незаметно, она где-то в пути. Интересно, о чём думает сейчас? Злость мгновенно вскипала в крови, а вместе с ней необоримая слепая тоска, как пропасть, развернулась дырой в груди.

Это всё проклятая хмарь, которая всё напознала с северной стороны горизонта и грозила всё же обрушить на Обиртон ливень. Но когда вновь подумал, как ведьма кутает своё гибкое тело в синюю накидку, отошёл от окна.

Хавир уже принёс воды для умывания и мои вещи.

– Там внизу шум поднялся, – всполошённый влетел он в комнату.

– Что-то случилось?

– Прибыл господин Рисальд, он, кажется, повредился, – протараторил парень.

– Что значит – повредился? – взял из его рук ношу.

– Говорят, его конь оступился и выбил принца из седла, и господин сломал ногу.

Понятно теперь, почему братец задержался. Очень даже на него похоже – нажить себе проблемы на ровном месте. Но подозрения, что здесь не обошлось без интереса королевы, только подтвердились. На такую уловку только женщина способна. Что ж, тем лучше, кажется, Лиоцин намерена заимствовать выгодную партию в качестве завидной невесты для своего сына, в случае, если та выберет его.

Спускаться вниз сейчас я не был готов и даже радовался, что всё внимание теперь устремлено на Рисальда.

Напряжение, которое скопилось к вечеру, давило. Мне не нужен был этот светский ужин, но я не хотел расстраивать отца...

...Время до темноты пронеслось быстро. Я ждал до последнего, откладывая свой выход, но всё же пришлось собраться и покинуть покои.

Спускаясь вниз, услышал льющую музыку лютней и флейт, разбавленную ударами в табор. По венам разлился незнакомый жар. За долгое время впервые сяду со всеми за один стол – даже не верилось. Прямоком направился в большой зал, в котором и поставили стол, откуда доносилась музыка.

Как и думал, отец восседал в своём высоком кресле, рядом с ним Матиус-лар-Бертлот – чернобородый, с копной вьющихся волос до плеч и гордо посаженной головой. Он почти не изменился, разве что и так резкие складки у губ стали резче и взгляд острее, матёрее. Он говорил о чём-то с отцом. Сквозь музыку, конечно, ничего не слышно, ко всему женщины шумели не тише струн лютни, но громкий разговор тут же стих, как только я прошёл к столу, где уже рядом с моим местом восседал Рисальд.

Вальяжная поза заметно сменилась, младший Амгерр уставился на меня и застыл, напоминая каменную статую, но когда я, поприветствовав женщин, отдал почтение молодой айтари немного отдельно от других, лишь ради того, чтобы подначить и оживить братца, ноздри Рисальда неприязненно дрогнули. Сел рядом, улыбнулся ему, подмигнув. Рисальд побагровел от шеи до корней волос. Совсем другое дело.

– Рад видеть тебя, Мортон, – обратился ко мне Матиус-лар-Бертлот, – как возмужали твои сыновья, Вальтор, и не узнать, помню, видел их ещё юнцами.

Бросил взгляд на госпожу Геовин, которая радушно и тепло улыбнулась мне, а Реднайра, напротив, выглядела растерянной, но её взгляд был тягучим, как сироп.

– Что ж, раз все собрались, – менестрели, что расположились в нише стены, чуть смолкли, когда поднялся Вальтор. – Давайте вместе отпразднуем это знаменательное событие, – крепким тоном произнёс он, как когда-то раньше, когда ещё проклятие не коснулось нашей семьи. Когда отец был рядом с матерью. Когда-то очень давно...

Женщины оживились, конечно, кроме молодой айтари, взгляд, которой то и дело возвращался ко мне. Наверняка искала следы

проклятия или какие-то отметины. Что ж, это даже забавляло, излишняя напряжённость улетучилась.

В кубки полилось красное сладкое вино, замельтешили слуги, внося различные блюда. Ужин удался на славу. Мужчины, поглощая еду, погрузились в разговоры, конечно же, касающиеся политических дел, женщины уже вскоре потеряли интерес к такому сугубо мужскому настрою и завязали разговор между собой, в то время как сопровождающие госпожу близкие родственницы шептались в стороне, поглядывая в нашу с Рисальдом сторону. Поэтому я не мог отказаться от ещё одного кубка вина. После долгого затворничества такое внимание было отнюдь не по мне. И чтобы отвлечься от пристальных взглядов, повернулся к затухшему и изрядно поникшему Рисальду.

– Как твоя нога?

Братец одарил меня убийственным взглядом, сжал челюсти, глянул на покалеченную ногу.

– Мне больше нравится, – заскрежетал зубами, – когда ты молчишь.

– Я знаю, а ещё больше нравится, когда я не высовываюсь. Но извини, тут уж не моё желание. —

Рисальд громко хмыкнул, отвернувшись, показывая всем своим видом, что разговаривать со мной не желает.

– Уверен, сегодня твой день, и женское внимание тебе обеспечено.

– Когда ж ты провалишься к Тёмному? – оскалился Рисальд, бросая злой взгляд.

– Не волнуйся, скоро удалюсь, и тебе достанется всё оружие для удачной охоты, ну, если, конечно, не будешь так ворчать. – Я допил остатки вина, поймав взгляд отца, который будто услышал мои слова, что я собираюсь уходить.

Он чуть свёл брови, выражая взглядом всю отцовскую строгость. Хватку у него не отнять, и как в детстве я готов был слушаться его беспрекословно. Воля короля, ничего не попишешь.

После третьего кубка по телу пронёсся тягучий расслабляющий до покалывания в ладонях жар, и меня уже не настораживали выразительные взгляды госпожи и её дочери, застенчивые перегляды приближенных особ. Лиоцин восседая рядом с мужем, смотрела на

всех холодно и немного отстраненно, будто её голову сейчас занимали иные мысли, и даже болтовня весьма резвой Геовин почти не меняла выражения её лица. Внимательно обводила взглядом лица гостей, а особенно задерживала на мне, будто видела впервые. Впрочем, неудивительно, так оно и есть. Она ведь не знала и не видела меня до проклятия. Теперь на меня станет так смотреть не только мачеха, а вся Антхалия со всех сторон разом.

Кажется, пора что-то делать, Рисальд меня точно живым закопает, не успею я доехать до своего «логова». На языке так и завертелись колкие слова, а когда такое случалось, это значило, что за себя я уже не держал ответ. Едва хотел подняться, чтобы удалиться, как музыка заиграла громче. А Геовин будто только и ждала момента, задорно, почти по-девичьи, хлопнула в ладоши, но не успела она и слово произнести, как сидящая рядом дочь схватила её за руку.

– Мама, – позвала.

– О, Светлые! Что, дорогая? Что? Опять?

– Что такое? – всполошилась и Лиоцин.

– Скорее воды! Дайте воды!

Слуга тут же метнулся к столу с кувшином. Геовин достала платок и начала быстро махать на дочь, которая заметно бледнела и тяжело дышала.

– Да что случилось, объясните? – потребовала, явно заставшая врасплах Лиоцин.

– Это же виноградное вино, не все сорта ей идут, некоторые не переносит. Я совсем позабыла спросить, что за вино будут подавать. Моя вина, моя.

– Рисальд, скорее, – позвала Лиоцин, и братец слишком резво вскочил, совсем не пожалев своей ноги.

– Мортон, помоги, пожалуйста, – перебила королеву Геовин, – помоги проводить её на свежий воздух, прошу.

Лиоцин поджала губы до посинения, сверкнув на меня уничтожающим взглядом, я даже издали видел, как ее глаза налились тёмной злостью. Рисальд плюхнулся назад, слишком уж быстро отступая. Какой же из него охотник?

Несмотря на излишнюю весёлость, всё это мне жутко претило.

– Скорее же, Мортон, – раздался грозный тон отца.

Я вышел из-за стола и, подхватив за пояс ослабшую айтари, поддерживая за спину, помог ей подняться. Геовин взяла Реднайру под локоть с другого бока, и мы спешно покинули зал.

– Ей нужен свежий воздух, – обеспокоенно проговорила Геовин.

– Сюда, – указал в сторону балконной ниши.

Мы вышли на каменную площадку, освещённую пламенником. Балкон выходил выступом в сторону горной долины.

Я выпустил молодую госпожу, наблюдая за суетой её матери.

– Как ты, дочка? Тебе лучше? Скажи, не молчи, – оглаживала её лицо ладонями.

Реднайра положила ладони на камень, задрав голову, дышала глубоко и часто. Кажется, ей и в самом деле сделалось плохо.

Мать утешительно гладила её по спине.

– Всё прошло, всё, – тихо проговаривала женщина, обратила взгляд на меня. – Благодарю за помощь, Мортон, – улыбнулась коротко Геовин-лар-Бертлот и покосилась на дверь, а потом на дочь.

– Что ж, думаю, вам есть о чём поговорить. Присмотришь за ней, Мортон, ей ещё нужно подышать, а мне нужно скорее успокоить мужа.

Реднайра изумлённо глянула на мать, но та уже шла к выходу, скрываясь в тени дверного проёма. Молодой айтари и в самом деле было неловко. Реднайра вернула взгляд на меня, сжала губы, зябко поёжившись, растерянно взмахнув ресницами, обратила взор вдаль. Я тоже глянул в сумрак ночи, где лишь слабым силуэтом виднелись очертания лесистой гряды.

– Красивые у вас здесь места, – заговорила Реднайра, наверное, за всё время пребывания в Обиртоне. Голос её был тонкий, но тихий, приходилось прислушиваться. – Должно быть, прекрасно жить здесь, когда тебя окружают зелёные долины...

– Возможно, – не стал отрицать, – я вырос здесь, но теперь мой дом – замок Урелтон.

Реднайра глянула на меня, кажется, от её недомогания не осталось и следа. В темноте, в свете тонкого месяца, который проступил через наплывающие тучи, были видны очертания её овального лица и скулы, одного-единственного пламенника, что горел на стене, было достаточно, чтобы разглядеть ещё бледные губы и любопытство, сплетённое с неловкостью во взгляде. Даже хороша собой в мягком ненавязчивом освещении.

Со стороны простора потянуло дождевой влагой, где-то поблизости стороной шёл дождь, вдалеке послышалось глухое шелестение ветра.

– Я много наслышана об Урелтоне и о вас.

– И что же именно? – любопытствовал, интересно стало, какие слухи дошли до молодой айтари.

Она повернулась, глядя в моё лицо.

– То, что на роду Амгерров нависло проклятие и поразило всех наследников, – её голос снизился до глухоты.

– А что ещё? – спросил, не заметив, как склонился.

– А ещё, – глаза её суеверно сверкнули, – что в Урелтоне живёт чудовище, и все, кто оказывается в этом замке, пропадают.

– Думаете, оно ест своих жертв?

Реднайра замерла, а потом неожиданно рассмеялась, так же тихо и нежно.

– Ну нет, я не верю в эту чушь.

– В какую именно? В то, что в замке Чудовище, или что на род Амгерров нависло проклятие?

Реднайра перестала смеяться.

– Я не вижу никакого проклятия... не чувствую.

Приподнял в удивлении бровь, но тут же вспомнил, что отец упоминал о том, что у Реднайры сильная кровь и она внучка варлога, а ещё в ней кровь горианцев. Я сцепил зубы. Одно только это выворачивало наизнанку.

– Может, проклятие находится не там... где ищите? – не хотелось смущать девушку, но от колкости не мог удержаться, ко всему выпитое вино давало о себе знать, кровь играла огнём.

Айтари, к моему удивлению, не смутилась, напротив – развернулась полностью ко мне, продолжала бесстрашно изучать меня взглядом. Её тонкие белые пальцы скользнули к моей ладони, что лежала на камне, и накрыла её. Нахмурился, не понимая, что она собирается сделать. Но от её прикосновения холодных, как мрамор, пальцев я не ощутил ничего того, как от прикосновений горячих пальцев Грез, что разносили по всему телу волны дрожи. Молодая айтари ничем не отличалась от всех других девиц и совсем не была похожа на... ведьму.

Злость ударила толчком изнутри. Даже сейчас она лезет в мои мысли. Запустила свои чары слишком глубоко. Захотелось немедленно скинуть с себя девичью руку, но я только сжал медленно в кулак пальцы. В следующий миг в глазах потемнело, а тело пронизало шипами. Я почувствовал, как волна боли прошла по телу, а под кожу будто сталь вошла, полосуюя мышцы.

Реднайра вздрогнула и отдернула руку, раскрыла губы, глаза её расширились, и в них всплеснул ужас. Лицо девушки исказилось, айтари пронзительно завизжала, отшатываясь от меня, и тут же зажала рот руками, заглушая собственный крик.

Почувствовал, как на губы стекает что-то горячее, коснулся, стирая влагу, посмотрел на пальцы, испачканные кровью, что шла носом.

– Мортон, – бросилась ко мне Реднайра, которая ещё стояла на месте.

– Уходи, – рыкнула я, смахивая её руки с себя, дыхание затруднялось, будто лёгкие стали наливаться магмой. Задыхался, а в глазах всё больше темнело и плыло.

Айтари не шевелилась, смотря на меня распахнутыми от слепого ужаса глазами. Гнев всплеснул во мне прежде, чем рассудок. Схватил девушку за плечи.

– Ты что, не поняла меня?! – прорычал ей в лицо, ощущая, как её лихорадочно затрясло, оттолкнул её прочь. – Пошла!

Реднайра, отлетев в сторону, вздрогнула всем телом, как от пощёчины, сжала дрогнувшие губы и попятилась. Огонь выхватывал её белое лицо, искажённое смятением. Она, будто очнувшись, развернулась и пустилась прочь, наконец, оставляя меня.

Сердце под рёбрами бухало надрывно, срываясь в тяжёлый клокот в горле. Я стиснул челюсти и повернулся к долине, положив ладони на камень, свесил голову, унимая поднывающую к горлу тошноту. В голове зашумело, замелькали багряные всполохи. По спине прошла горячая лава, разносясь по плечам тяжестью. В голове проносились мгновения, как Грез перед самым отъездом смотрела на меня холодно, как отвечала с твёрдой отстранённостью, как она, сжимая за плечи ребёнка, шла к карете, даже не обернувшись. И её слова: «Мне ничего не нужно»...

Дождь пошёл стеной, обрушиваясь на замок, оглушая шелестом. Я зажмурился, потрянул головой, глянул исподлобья вдаль, щурясь сквозь муть, видя через падающие на глаза мокрые пряди тьму. Проклятая ведьма обманула. Лживая, изворотливая дрянь! С силой ударил кулаками о камень, разбивая костяшки в кровь. Задышал шумно и рвано. Удар сердца, ещё удар. Набрал в лёгкие больше воздуха...

– Гре-е-е-ез! – заорал во всё горло, рвя связки, оглохнув от собственного крика...

Конец первой части

Продолжение «Ведьма для Чудовища. Часть-2» завершено.